

ОВИК

Выпуск 9

Министерство образования Российской Федерации

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Исторический факультет

Н О В И К

Сборник научных работ аспирантов
и студентов исторического факультета
Воронежского государственного университета

ВЫПУСК 9

ББК 63. 3. (0)
Н73

Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. Вып. 9 / научн. ред. Ю.В. Селезнёв. Воронеж: ВГУ, 2004. с.

ISBN

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета ВГУ

Сборник содержит статьи по древней, всеобщей и отечественной истории, написанные аспирантами и студентами исторического факультета ВГУ.

Для научных работников, студентов, всех, интересующихся историей.

Редакционная коллегия: Алленов С.Г. (к.и.н.), Безматерных А.Е (аспирант, ответственный секретарь), Макушин А.В. (к.и.н.), Селезнёв Ю.В. (к.и.н., научный редактор), Цыбин В.М. (к.и.н.)

Вёрстка и оригинал-макет – А.Е. Безматерных.

Тираж 150 экз.

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

А.Н. Писаревский. Колёсные повозки, колесницы и вопрос о характере сухопутных трасс в степи и лесостепи Восточной Европы эпохи Бронзы.

А.Е. Безматерных Античные амфоры в курганных погребениях скифского времени Лесостепного Дона.

В.А. Иванов. Данные естественных наук в решении проблемы гибели Скифии и скифской археологической культуры.

П.В. Хатуаева. Корнелий Тацит и романизация Испании.

А.Н. Голотвин. Д.Я. Самоквасов и изучение славяно-русских курганов юго-востока Древней Руси.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

С.Л. Лаптев Внешняя политика Якова II Стюарта (1685-1688).

Д.Ю. Круглов Проблема нормандского завоевания и концепция «феодальной революции» в англо-американской историографии 60-х-90-х гг. XX столетия.

ИСТОРИЯ РОССИИ

Р.Б. Фельдшеров. Донские отпуски и их значение для Российско-Донских отношений в 30-х – начале 70-х гг. XVII века.

Е.В. Казмина Воеводская власть в городах Верхососенск и Усерд в 1702-1712 гг.

И.Ю. Иголкин Российско-Французские отношения в годы царствования Павла I.

Ю. Н. Моногаров. Толстой против Н.Ф. Бунакова. Идейное столкновение двух русских педагогов.

Е. Н. Азизова. «Я масон, но не принадлежу ни к одной масонской ложе ни в Москве, ни в Петербурге»: масонские связи Д.П. Рунича.

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Е.А. Калинина Политическое развитие Ирландии в первой половине XIX в.

А. П. Толстых. Деятельность Н.П.Игнатьева в Китае в 1859-60 гг.

М.В. Кирчанов Проблемы ранней истории Латышского национального движения.

А.В. Некрасов Франкизм и католическая церковь: от согласия до оппозиции.

Е.А. Попова Реформирование имперских связей или имперская дезинтеграция: вопрос о выводе британских войск из колоний в 50 – 70-х гг. XIX века.

Т.Ю. Шипорова Расширение НАТО и формирование нового европейского порядка.

Список сокращений

Сведения об авторах и научных руководителях

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

А.Н. Писаревский.

КОЛЁСНЫЕ ПОВОЗКИ, КОЛЕСНИЦЫ И ВОПРОС О ХАРАКТЕРЕ СУХОПУТНЫХ ТРАСС В СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ ВОС- ТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ.

Происхождение колесного транспорта представляет значительный научный интерес, поскольку данное историческое явление, как и появление металлургии и металлообработки принадлежит к числу фундаментальных открытий эпохи древности, сформировавших основу всей современной цивилизации.

С появлением колесного транспорта резко возросла скорость и мобильность племен подвижных скотоводов Восточноевропейской степи и лесостепи. Колесный транспорт позволил расширить возможности хозяйственной деятельности, этнокультурных связей, расселения и обмена. В результате увеличилась плотность населения и в условиях интенсификации хозяйственной деятельности, появилась острая необходимость мобильной доставки произведенного продукта к местам его хранения. Более того, данное изобретение значительно ускорило процесс расслоения древнего общества вследствие постоянного увеличения избыточного продукта.

Если судить по материалам погребений, а иными источниками мы, к сожалению, не располагаем, появление колеса у населения указанного региона, как полагают специалисты, относится к 3 тыс. до н.э., когда на территории Восточноевропейской степи и лесостепи происходило формирование культурной общности носителей древнеямной археологической культуры.(1) Колеса, которыми оснащались повозки указанных племен, представляли собой массивные диски из кольцесосудистых пород деревьев(2). диаметром от 60 до 80 см. при ширине обода от 5 до 10 см. Конструктивной особенностью этих колес является сборка из 3 плашек при помощи соединительных штифтов диска, в центре которого помещалась массивная ступица, призванная защитить диск от разрушения(3). Судя по материалам погребений с повозками, данным типом колес оснащалась довольно большая двухосная телега, в которую при помощи ярма запрягались волы или быки. Назначение повозки – транспортировка больших объемов груза на длинные дистанции. Указанное транспортное средство, как показывают расчёты скорости свободно идущих вышеуказанных животных, едва ли было способно развивать скорость большую, чем 5-6 км. в час. При этом следует иметь в виду, что грузоподъемность этих повозок была довольно значительна.

Движение по степи такой повозки создает давление на грунт. Если предположить, что сезонные перемещения скотоводов проходили по одним и тем

же маршрутам, пролегающим по пойменным равнинам с хорошей травой, что, безусловно, довольно немаловажно для пастуха, жизнь которого в немалой степени зависит от качественного выпаса скота, то можно допустить, что рано или поздно могла возникнуть сеть дорог, связывающих одни поселения или сезонные лагеря с другими.

Как отмечалось ранее, колесо ямной повозки состоит из 3 элементов, вращающихся вокруг оси. Число 3 в представлениях древнейших индоевропейцев было сакральным, связанным с верхним миром (Небом) где обитают покровители (Боги или предки), от которых исходят все динамические изменения, проявляющиеся в Среднем мире (на Земле), приводящие как к добру так и ко злу. И если применение 3 деталей в конструкции колеса не случайность, то сакрализацию повозки в представлениях племен носителей указанной культуры можно считать объективным фактом. В этой связи небезынтересно, что древнее название созвездия Большая медведица у различных индоевропейских народов передает одно и тоже понятие - повозка. (4).

На рубеже II тыс. до н.э. в погребениях катакомбной культуры, сменившей ямную, фиксируется экипаж, отличный от вышеописанного. Это одноосная повозка с монолитными колесами и дышлом, указывающим на использование парной запряжки животных(5). Поскольку в данных погребениях отсутствуют следы конской упряжи, но зафиксированы фрагменты упряжи волов, мы, вопреки выводам С.Ж. Пустовалова, считаем, что данное транспортное средство является не скоростной боевой колесницей, а тихоходной, церемониальной повозкой. Кстати, отсутствие в погребениях с такими повозками оружейного набора, свидетельствует в пользу нашего предположения.

На рубеже XVIII-XVII вв. до н.э., а по новейшим данным к исходу III тыс. до н.э.(6) в погребениях Абашевской, Синташтинской, Покровской и других культур эпохи бронзы появляется принципиально иное по своему назначению транспортное средство: одноосная повозка, колёса которой в целях облегчения конструкции транспортного средства боевого назначения оснащались спицами, а в качестве упряжного животного использовались domesticированные лошади, пара которых пристегивалась ремнями по обеим сторонам дышла. Управление производилось при помощи псалиев, лопатковидного наворачия и, возможно, стрекала. Последнее весьма сомнительно, поскольку лошадь вряд ли нуждается в таком побуждении к движению. Достаточно давно в науке утвердилось мнение, что предок современных лошадей тарпан обитал исключительно в Евразийской лесостепи и степи, а, следовательно, мог быть domesticирован только здесь(7), причем его одомашнивание проходило в среде энеолитических племён евразийских степей IV тыс. до н.э.(8). Скорость, развиваемая таким экипажем, в зависимости от качества дороги, колеблется в пределах скорости бега 2 лошадей, т.е. от 5 до 30 км. в час. Поскольку все известные на сегодняшний день изображения таких повозок, выявленные на территории степи и лесостепи Восточной Европы. передают наличие в колесе

4 спиц, думается, что эта конструкция является одной из древнейших(9). Кстати аналогичные колеса до сих пор применяются кочевниками Монголии для оснащения легкой одноосной повозки. Более того, порода монгольских лошадей удивительно похожа на миниатюрных бронзовых лошадок украшающих навершие рукояти кинжалов Сейминско-Турбинского хронологического горизонта(10).

Погребения вышеуказанных культур XX - XVI вв. до н.э. фиксируют применение подобного экипажа в военных целях(11). Как отмечает ряд исследователей, в это время в социальной стратификации племен эпохи древности появляется новый слой - воинов колесничих, погребения которых, в частности, на Урале, расположены практически всегда в отдалении от могильников иных культур, в Поволжье всегда в окружении полтавкинских памятников. Что касается памятников Среднего Дона, то они присутствуют среди абашевских(12).

В данных захоронениях выявлено не только оборонительное и наступательное оружие, но и зачастую инсигнии власти, причем их появление и исчезновение укладываются в узкие хронологические рамки XVIII-XVI вв. до н.э. (13), т.е. во время массовых деструкций культур и крупных схем, сопровождающихся активными переселениями больших популяций, центр тяжести которых находился в области Циркумпонтийской провинции(14). Имевшийся в распоряжении вышеуказанных племен экипаж был достаточно легкий и мобилен, что-бы преодолевать значительные расстояния с довольно большой скоростью, однако использование существовавших в степи дорог делает эти перемещения еще более простыми, поскольку вероятность поломки колеса при езде по наезженной колее сводится к минимуму. В этой связи особый интерес приобретает необходимость реконструкции дорожной сети эпохи бронзы, здесь важно помнить, что назначение любой дороги – фиксация оптимально легкого и короткого пути из одной географической точки в другую. В свете этого обстоятельства, представляется очень вероятным, что разновременные и разнокультурные поселения эпохи бронзы находящиеся вблизи мест перехода рек (бродов), отражают факт существования дорожной сети частично (а, возможно и полностью) совпадающей с современной. Так, в частности, на территории прилегающей к Каховскому броду, использовавшегося до недавнего времени, был выявлен целый массив разнокультурных и разновременных памятников (15). Расположенная севернее переправа через реку Днепр у с. Кичкас, упоминаемая в сочинениях Константина Багрянородного(16) демонстрирует ту же картину, в её окрестностях выявлены памятники катакомбной, КМК, срубной и сабашиновской культур эпохи бронзы. Косвенной информацией о существовании дорожной сети, на наш взгляд, являются находки костяных дисковидных псалиев(17). Согласно карте распространения фиксируются, по меньшей мере, два основных маршрута ведущие из районов Среднего

Дона к переправам через реку Днепр в районах г. Трахтемиров, и Каховскому броду.

С древнейших времен через реки, пересекающие районы степи и лесостепи Восточной Европы, существовали одни и те же броды, месторасположения которых менялись крайне редко. В частности, Е.В. Черненко, ссылаясь на воспоминания французского инженера Г. Боплана, говорит о существовании 11 бродов через реку Днепр сохранившихся до XVIII в. Приведенная автором карта некоторых переправ через реки Днестр, Южный Буг и Днепр убеждает, что указанные реки не являлись непреодолимыми преградами(18). Следует также принять во внимание, что многие мелкие реки Восточноевропейской лесостепи и степи мелеют или пересыхают в летнее время.

Б.Н. Граков, опираясь на Геродота, пытался развить взгляд о существовании пути из Ольвии через земли будинов и савроматов, фиссагетов и иирков в места, откуда привозят золото. И хотя греки по этому пути не ходили, но со слов Геродота ясно, что поездки скифских купцов по этому маршруту были регулярными(19). По мнению ряда специалистов, речь идет о пути в районы Волго-Уралья.

Несомненный интерес в названном отношении представляет информация того же историка о походе персидского царя Дария на скифов, из нее следует, что большое войско персов за 60 дней пути сумело пройти от Дуная до Дона и обратно, преследуя отступающих по древнему пути на восток скифов. Согласно сообщению Страбона до Тираса(20).

Пути исторического развития разных, но типологически родственных обществ, обитавших на одной и той же территории и развивавших сходные формы хозяйства и общественного устройства, несмотря на стихийность, самостоятельность и кажущуюся исключительность закономерностей их развития, заложенных в своих истоках, имеют в то же время одно удивительное свойство: они могут повторяться. И хотя проявления таких «повторов» происходят в иной исторической обстановке, совершенно другой этнополитической ситуации, сходство в ХКТ, дополняемое адекватностью господствующих форм собственности, производства и воспроизводства, позволяет, особенно в осмыслении этнокультурных и торговых связей, прибегнуть к ретроспективному методу их анализа, поскольку только на этой основе появляется возможность реконструкции исторической действительности более ранних эпох через более известные, и поэтому лучше документированные материалами. В свете вышеизложенного, автору представляется возможным существование длинных путей перемещения у населения разнотульных племен эпохи энеолита бронзы. Так, в частности, по данным Н.В. Рындиной, в период от 3800-3400 гг. до н.э. дальность путей распространения металла составляла 1500-2000 км. И что особенно интересно, тогда же культурный традиционализм утрачивает свойственную позднему неолиту доминирующую роль(21). Важнейшая причина и одновременно мотив преодоления особо протяженных путей состояли,

на наш взгляд, не только в величайшей ценности металла для населения эпохи бронзы, но и в наличие соответствующих технических средств его добычи и транспортировки. Не следует забывать, что медь, и в особенности, бронза являлись аристократическими металлами из-за своей редкости.

Для вычисления средней скорости движения представляется возможным привлечь известные античные и средневековые свидетельства. Автор, как уже отмечалось ранее исходил из того, что направления движения (дороги) эпохи древности были весьма близки к современным. Безусловно, ценные сведения о скорости перемещения войска урартов присутствуют в труде С.А. Есаяна «Оружие и военное дело древней Армении»(22). По его данным армия государства Урарту совершала походы протяженностью более 1000 км, преодолевая в день 30-40 км. В отдельных случаях скорость экстренного марша могла составлять даже до 80 км в день. Он же, ссылаясь на ассирийские тексты, утверждает, что армия Саргона II проходила за один переход 80 км в день. Однако, по мнению исследователя, такую скорость могли развивать лишь небольшие отряды хорошо тренированной пехоты или конница с учетом смены коней. Интересные данные содержатся в труде Ксенофонта «Анабасис»(23). Здесь единицами измерения дневного пути являются: переход, парасанг и стадий. Понятие перехода согласно сообщению Ксенофонта, составляло от 160 до 173 стадий. По мнению М.И. Максимовой, Ксенофонт пользовался аттическим стадием, длина которого составляет 177 метров(24). Парасанг же по сообщению Геродота, обозначает меру в 30 стадий (25). Таким образом, отряд Ксенофонта перемещался со скоростью около 30 км в день, несмотря на пеший характер перехода, думается, что такая скорость вполне могла быть достигнута и при использовании колесной повозки с воловьей запряжкой. Что касается скорости повозки запряженной конями, то она будет несколько выше. В средневековье существовал караванный путь из Булгар в Киев свидетельство, о котором, со ссылкой на Идриси приводит Б.А. Рыбаков(26). Он же в статье «Путь из Булгара в Киев» утверждает, что этот путь содержит около 1400 км, преодолеваемых за сорок дней при условии скорости от 31 до 37 км в день. По его мнению, после 2-3 дней пути караван останавливался на суточный отдых (27). Таким образом, скорость продвижения военных отрядов эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи, которые на взгляд специалистов были, во-первых невелики, о чём свидетельствуют материалы Пепкинского кургана (28), крупнейшего коллективного захоронения указанной эпохи, а во-вторых состояли, безусловно, из людей тренированных самим образом жизни, могла также составлять от 30 до 80 км в день, с учётом безусловной необходимости остановок в пути.

Направление их движения, в наших расчётах, определялось от брода к броду, крайними точками пути являлись комплекс колесничих погребений в бассейне Верхнего Дона и с. Бородино в Молдавии, откуда происходит знаменитый Бородинский клад, материалы которого при всех возможных культур-

ных атрибуциях убедительно показывают существование Балкано-Уральских связей в эпоху бронзы. В этом отношении интересна постановка под сомнение движения колесничей традиции с востока, одним из ведущих специалистов в этой области Ю.П. Матвеевым и абсолютизация им западного импульса, с допущением возможности движения на Балканы(29).

Согласно вычислениям авторов путь из районов Семилукского брода через реку Дон, через Каховский брод через реку Днепр до Тираспольского брода через реку Днестр занимал около 36 дней пути. Данная цифра не является окончательной, поскольку реальное движение по дороге иногда существенно отлично от планируемого, тем не менее, по указанному маршруту в непосредственной близости от современной дорожной сети выявлены скопления разнотипных и разновременных поселений и памятников, тяготеющих к местам перехода через реки. Движению по этой территории массы людей со скотом реально могло мешать только враждебное отношение автохтонного населения указанного региона. К сожалению, современная археология не располагает материалами, указывающими на враждебное отношение к племенам Великой скотоводческой цивилизации, наоборот, в эпоху поздней бронзы на поселениях КМК не зафиксировано следов каких либо укреплений(29), исключения составляют памятники северо-восточных окраин Восточноевропейской степи и лесостепи в зоне контактов с Балановскими племенами лесной зоны.

Еще одним фактом в пользу вышеизложенного являются данные лингвистики, согласно которым названия рек Сейм, Нихтарь, Сев, Дон, Усмань (Эсмонь-Осмонь) относятся к древне иранским гидронимам (30). Примечательно, что по берегам названных рек выявлено немалое количество памятников, имеющих иранскую и даже индоиранскую культурную атрибуцию.

В контексте решаемого вопроса (и одновременно как возможность его решения) необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: возможность быстрых рейдов колесниц создает предпосылки сложения особых отношений между их владельцами и обитателями находившихся вблизи дорог поселений или сезонных лагерей. Особенно же интересно, что наличие колесничих комплексов фиксируется по северо-восточной границе лесостепи, т.е. в месте контактов с Фатьяновско-Балановскими племенами и населением входившим в сферу влияния Сейминско-Турбинского транскультурного феномена (31), напряженность отношений, с которыми документируют материалы Пепкинского кургана (32) и некоторые погребения могильника у Ростовки (33). Среди оружейного комплекса последнего присутствует не только «синташтинское» оружие принадлежавшее думается инкорпорированным абашевцам, но и специфическое копье однозначно предназначенное для борьбы с колесницами. По оценкам специалистов формирование Сейминско-Турбинского феномена началось в пределах XVII в до н.э., а время его существования вряд ли превышало 200 лет(34). Таким образом, столкновение передовых отрядов

«сейминцев» с колесничими Евразийской степи и лесостепи может быть датировано XVII в. до н.э., а исчезновение к XIV в до н.э. колесницы как боевого экипажа из погребений срубной культуры на наш взгляд указывает не только на культурную стабилизацию, но и на отсутствие военной угрозы. В свете вышеизложенного воин колесничий представляется предводителем родового ополчения собираемого в случае необходимости и обладающий определенными властными полномочиями во время похода. По мере необходимости соседние роды связанные, к примеру, экзогамными отношениями могли выставлять общее войско порядка 300 человек (35) в том числе 10 колесничих экипажей состоящими из возницы, управляющим лошадьми и воина вооруженного луком (основным оружием древности, по мнению Ю.П. Матвеева) (36), копьем, топором, и кинжалом. Состав оружейного набора мог меняться, что обусловлено богатством, а значит и авторитетом того или иного воина. Думается, что скорость перемещения колесничего войска, наличие которого зафиксировано гимнами Ригведы (колесничие Маруты во главе с Индрой(37)) могла составлять любую величину в пределах от 30 до 80 км в день, поскольку дефицит сменных лошадей для колесниц у племен, в хозяйстве которых коневодство играло далеко не последнюю роль - явление абсурдное. Согласно гимнам Ригведы упоминаемым выше предводитель колесничего войска марутов - гоматаров Индра вооружен булавой ваджрой. Учитывая неоспоримый факт того, что колесничие являлись основными творцами культурогенеза эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи (38) не исключено, что данный мифологический эпизод передает реалии более древней эпохи, когда военными отрядами действующими на указанной территории командовали вожди символом власти которых являлась булава. Деяния этих героев эпохи переселений были столь значительны, а авторитет или вызываемый ужас столь велики, что некоторое время спустя, воспринимались обществом племен эпохи древности как совершенно невероятные. Не случайно количество булав выявленных в погребениях воинов колесничих весьма и весьма незначительно. Более того, недавняя находка престижного бронзового кинжала с навершием в виде булавы, на рукояти которого нанесены письменные знаки (39) является очень веским доводом для такого предположения.

Подводя итоги, представляется возможным вывести заключение, что в эпоху бронзы на территории Восточноевропейской степи и лесостепи существовала сеть дорог, связывающая отдельные области перехода через реки, по крайней мере, она представляла собой фиксацию суммы знаний о местности в области направлений наиболее быстрого миграционного, обменного и военного продвижения населения племен Великой скотоводческой цивилизации.

В заключение следует отметить, что только с привлечением смежных и вспомогательных дисциплин, в том числе и технических, наука способна выйти на качественно иное представление о культуре и идеологии колесничей

аристократии общества великой скотоводческой цивилизации эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи. Но это- задача другой статьи.

1. Археология УССР. Киев. 1985. С. 336-352
2. Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры. СА №4 1991 С. 208.
3. Пустовалов С.Ж. Курган тягунова могила и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе. Stratum plus №2 2000.
4. Мифы народов мира. Т. 2 М. 1988. S.V. колесо.
5. Чередниченко Н.Н. Пустовалов С.Ж. Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры. С.А. №4 1991. С. 209
6. Пыслару И. Индоевропейцы конь и узда в эпоху бронзы. Stratum plus №2, 2000. С.341
7. Громова В.И. История лошадей (рода Equus) в Старом свете. « Труды Палеонтологического ин-та А.Н. СССР», Т. 17, 1949, вып. 1,2.
8. Пыслару И. Указ. Соч. С. 328.
9. Чередниченко Н.Н. Колесницы Евразии эпохи бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев. 1976. С. 136-140.
10. Черных Е.Н. Кузьминых С.В. Древняя металлургия северной Евразии. М. 1989. С. 118 рис. 66
11. Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения Южнорусских степей. В.Д.И. №4 1974. С.85.
12. И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенов. Миграционные процессы в Волго-Уралье // Доно-Волго-Уральская лесостепь на рубеже среднего и позднего бронзового века. Материалы конф. Волгоград 1996.
13. В.И. Мамонтов Об инсигниях власти в погребениях эпохи бронзы из районов Поволжья и Дона // Доно-Волго-Уральская лесостепь на рубеже среднего и позднего бронзового века. Материалы конф. Волгоград 1996.
14. Черных Е.Н. Кузьминых С.В. Указ. Соч. С. 276
15. Археология УССР. Т.1 Киев 1985. С. 362,422, 474.
16. Константин Багрянородный. Сочинения «о фемах» и «о народах». М. 1899. С. 73.
17. Пряхин А.Д. Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи. РА №3 1998. С. 22-33, Рис 1.
18. Черненко Е.В. Поход Дария в Скифию // Древности степной Скифии. Киев. 1982. С. 17.
19. Граков Б.Н. Скифы. М. 1971. С. 26.
20. Strab., XI,2,12/
21. Рындина Н.В, Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.1998. С. 192.
22. Есаян С.А. Оружие и военное дело древней Армении. Ереван 1966. С. 129.
23. Ксенофонт Анабасис. Пер. Максимовой М.И. М. 1951
24. Ксенофонт. Анабасис. С. 47.
25. Геродот. История. Пер. Стратановского Г.А. Л. 1972. С. 285
26. Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идрисси 1154г. КСИИМК, вып.43. 1952. С. 27-29, рис. 14.
27. Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев. // Древности Восточной Европы. М. 1969. С. 190.
28. Халиков А.Х. Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган. Йошкар Ола. 1966.
29. Матвеев Ю.П. Колесничная традиция и абашевская общность// Проблеми гірничної археології (Доповіді II міжнародного Картамиського польового археологічного семінару) Алчевськ., 2003. С.106.
30. Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев. 1982. С. 14.
31. Блаватский В.Д. О северной окраине Скифии Геродота. // Древности Восточной Европы. М. 1969. С.31.
32. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. 1987. С. 102.
33. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган. Йошкар Ола. 1966.

34. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Указ. Соч. С.70, рис 30.
35. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. 1987. С.102-103.
36. Тит Ливий. История Рима от основания города. Пер. М.Л. Гаспарова. М. 1989
37. Матвеев Ю.П. Воинские погребения эпохи бронзы.// Древнейшие общества земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев.1991.
38. Ригведа. пер. Е.А. Елизаренковой т. 1-4 М. 1988-1993.
39. Бочкарёв В.С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб 1995.С. 18-28.
40. А.Н. Писаревский, Н.П. Писаревский. Древнейшее письмо скотоводческих племен степи и лесостепи Восточной Европы эпохи бронзы // Норция. Вып. 6-7. С. 46-88.

А.Е. Безматерных

АНТИЧНЫЕ АМФОРЫ В КУРГАНАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЛЕСОСТЕПНОГО ДОНА.

Возможности письменных источников в получении исторической информации о культурных и экономических связях варварского мира с античными городами во многом исчерпаны. В отличие от античной письменной традиции банк археологической информации продолжает пополняться. Среди неё амфорная тара представляет собой весьма важный и многообразный археологический источник. Она встречается как в погребальных так и в бытовых памятниках степной и лесостепной Скифии. Изучение амфорной тары может дать достаточно полное представление о направлении и протяженности торговых магистралей. Важно, что амфоры, как правило, использовались один раз. Типологически амфоры различных греческих городов разительно отличались друг от друга. Поэтому, происхождение их сейчас определяется достаточно легко. Следовательно, амфорная тара после типологического анализа и определения центров производства может дать наиболее полную картину торгового обмена античных городов с варварским миром. С учётом практики клеймения, амфоры позволяют весьма надёжно датировать погребальные комплексы и культурные слои с точностью до 10-15 лет.¹ Поэтому амфоры являются важнейшим источником для разработки абсолютной хронологии памятников скифского времени степи и лесостепи.

Данная статья посвящена изучению амфорной тары, из курганных погребений лесостепного Подонья. Территория Среднего Дона, расположенная в центре лесостепи является наиболее удалённым от Причерноморья регионом, в котором встречен античный импорт, в частности амфоры. Достаточно важным аспектом изучения самых различных сторон быта и истории населения лесостепного Подонья в скифское время является оценка и анализ поступавших на Средний Дон изделий античных производственных центров. Надо также заметить, что амфорная тара Северного Причерноморья, постоянно

подвергается всё более тщательному изучению. Амфорная тара из курганов Среднего Дона до сих пор объектом специального изучения не становилась, хотя отдельные амфоры и использовались для датировки погребений. Всего в курганах лесостепного Подонья было найдено около трёх десятков амфор. Нам удалось учесть и изучить 28 экземпляров в шести курганных группах.

1. Курган №16/36 у с. Мастюгино. Курган раскопан в 1962 г. Амфора производства Гераклеи Понтийской. Время производства – первая четверть IV в. до н.э. На горле клеймо ΑΓΑΘΩΝΟΣ. Амфора лежала на боку в южном углу могилы. Сосуд сохранился неповреждённым *in situ*. Погребение – коллективное, почти полностью разграблено.²

2. Курган № 30/6 у с. Мастюгино. Раскопан в 1958 г. Амфора производства Гераклеи Понтийской. На горле сосуда клеймо - ΕΥΡΥΔ[ΑΜΟ]. А.П. Абрамов датировал амфору первой половиной IV в. до н.э., с чем следует согласиться. Амфора найдена неповреждённой и стояла *in situ* в южном углу могилы. Само погребение полностью ограблено.³

3. Курган №5 у с. Терновое. Амфора производства Гераклеи Понтийской. Представлена рядом фрагментов, в том числе фрагментом ручки. Амфора не поддается точной датировке, но согласно комплексу кургана может быть отнесена к IV в. до н.э.⁴

4. Курган №6 у с. Дуровка. Раскопан в 1965 г. Амфора производства Гераклеи Понтийской. Время производства третья четверть IV в. до н.э. Находилась в северо-восточном углу могилы. Сосуд был раздавлен, но в развале была представлена вся амфора. Погребение разграблено. Помимо амфоры сохранилось тридцать золотых блях и ряд фрагментов лепной керамики.⁵

5. Курган 40/26 у с. Мастюгино. Раскопан в 1960 г. Амфора производства Гераклеи Понтийской. Датировается второй-третьей четвертью IV в. до н.э. Располагалась *in situ* у юго-восточного борта могилы. Сосуд был найден неповреждённым. Погребение дало ряд предметов вооружения и ювелирных украшений.⁶

6. Курган №38 у с. Староживотинное. Раскопан в 1995 г. Производство Гераклеи Понтийской. На горле клеймо ΑΡΧΕΣΤΡΑΤ/ΕΠΙΠΕΙΣΙΣΤ. Сосуд датировается второй половиной 40-х – первой половиной 30-х гг. IV в. до н.э. Амфора найдена в центре могилы. Погребение не разграблено и принадлежало, воину-дружиннику.⁷

7. Курган №1 (из раскопок В.А. Городцова в 1927 г.) курганный группы Частых. Сосуд может быть отнесён к продукции Менды. Амфора датировается IV в. до н.э. Располагавшаяся у восточного борта могильной ямы, амфора была найдена раздавленной. Погребение было полностью ограблено ещё в древности.⁸

8. Курган №13 у с. Колбино. Амфора производства г. Синопа, датировается второй половиной IV в. до н.э. На ручке амфоры находится почти полно-

стью стёршееся клеймо. Сосуд сильно фрагментирован. Погребение ограблено ещё в древности. В этом же погребении обнаружен неповреждённый чернолаковый канфар.⁹

9. Курган №3 у с. Терновое. В погребении №2, у западной стенки найден ряд фрагментов тулова синопской амфоры, том числе ножка. Амфора может быть датирована серединой-третьей четвертью IV в. до н.э. Погребение были ограблены ещё в древности.¹⁰

10. Курган №4 у с. Дуровка. Раскопан в 1964 году. Амфора Херсонесского производства. Сосуд датируется первой третью III в. до н.э. Амфора найдена *in situ* в северо-восточном углу могилы под досками рухнувшего перекрытия. Погребение ограблено. Сохранилась часть инвентаря в северо-восточном углу, прикрытая досками перекрытия.¹¹

11. Курган №18 у с. Колбино. Погребение 1. Амфора Колхидского производства. На нижней части её горла граффито – буква А. Амфора может быть датирована второй половиной IV в. до н.э. Раздавленный сосуд был найден у северной центральной столбовой ямки. Погребение №1 является впускным. В нём захоронены мужчина и женщина.¹²

12. Курган №14 у с. Дуровка. Раскопан в 1986 г. Амфора производства г. Менда. Сосуд может быть датирован первой половиной IV в. до н.э. Амфора, представленная туловом и горлом, без ручек и ножки была найдена в развале в юго-восточном углу гробницы. Погребение было ограблено в древности, однако сохранилось немало предметов, в том числе серебряный круглодонный кубок.¹³

13. Курган №20 у с. Дуровка. Раскопан в 1987 г. Амфора производства г. Менда. Сосуд датируется первой половиной IV в. до н.э. Амфору удалось реконструировать почти полностью, исключая венчик и одну из ручек. Погребение ограблено, исключая юго-восточный угол, где и была найдена амфора и ряд других предметов.¹⁴

14. Курган №22 у с. Дуровка. Раскопан в 1987 г. Амфора производства г. Менда. Сосуд датируется первой половиной IV в. до н.э. Амфору, фрагменты которой были выбраны из засыпки могилы, удалось реконструировать почти полностью. Утерянным оказалось донце и одна ручка. Погребение полностью ограблено.¹⁵

15. Курган №9 у с. Терновое. Амфора производства г. Менда. Датируется, скорее всего, первой половиной IV в. до н.э. Донце сосуда было найдено в заполнении грабительской ямы. Погребение разграблено в древности.¹⁶

16-17. Курган №1 у с. Колбино. В нём найдены две амфоры производства г. Пепарет. Оба сосуда могут быть датированы второй половиной IV в. до н.э. Амфоры стояли по обе стороны от ведущего в могилу дромоса, в южной части у восточной стены.¹⁷

18. Курган №18 у с. Колбино. Погребение 2 (основное). Амфора пепаретского производства. Сосуд может быть датирован второй половиной IV в.

до н.э. Амфора была найдена в заполнении юго-западного угла могильной ямы. Савченко Е.И. высказывает предположение, что амфора была перемещена грабителями из биффа в полу погребения. Погребение почти полностью ограблено в древности.¹⁸

19. Курган №38 группы Частых. Раскопан в 1956 г. Амфора производства о. Фасос. Сосуд датируется 450-425 гг. до н.э. Целая амфора стояла в специальной ямке в северном углу могильной ямы. Погребение грабилось в древности.¹⁹

20. Курган №14 у с. Русская Тростянка. Раскопан в 1963 г. Амфора производства между Фасосом и Мендой. Сосуд может быть датирован второй половиной V в. до н.э. Фрагменты тулова амфоры были найдены в заполнении могильной ямы, а горло – впоследствии в кургане №15, куда, предположительно, было занесено грабителями.²⁰

21. Курган №39 группы Частые Курганы. Раскопан в 1956 г. Амфора производства о. Фасос. Датируется V-IV вв. до н.э. Фрагменты амфоры выявлены в заполнении могилы. Сосуд представлен крайне фрагментарно. Погребение полностью разграблено.²¹

22. Курган №22 у с. Русская Тростянка. Раскопан в 1968 г. Амфора круга Фасоса. Датируется IV в. до н.э. Четыре фрагмента стенки амфоры найдены в заполнении грабительского хода в насыпи. По А.И. Пузиковой фрагменты амфоры были выброшены туда грабителями. Погребение полностью разграблено.²²

23. Курган №7 у с. Терновое. Амфора производства о. Фасос. Датировка не приведена. По комплексу кургана амфора может быть отнесена к IV в. до н.э. Развал сосуда был найден в северо-восточной части могильной ямы, на глубине 1,6 м. Погребение разграблено.

24. Курган №1 у с. Селявное. Амфора производства о. Фасос. Датируется IV в. до н.э. Сильно фрагментирована. Данные о составе погребального инвентаря не сохранились.

25. Курган №1 у с. Дуровка. Раскопан в 1964г. Амфора производства района о-ва Книд, или о-ва Кос. Амфора может быть датирована первой половиной IV– второй половиной III вв. до н.э. Развал сосуда был обнаружен в юго-восточной части гробницы. Погребение грабилось в древности.²³

26. Курган №12, Частые курганы. Раскопан в 1955 г. Амфора неизвестного происхождения. Датируется третьей четвертью VI века до н.э. Поскольку обнаружена в насыпи кургана, сильно повреждённой строительной техникой и укреплениями времён ВОВ, принадлежность к погребальному инвентарю может быть поставлена под сомнение. Курган ограблен в древности.²⁴

27. Курган №37 курганной группы Частых. Раскопан в 1956 г. Амфора неизвестного средиземноморского центра производства. Датируется V-IV вв.

до н.э. Насыпь кургана сильно повреждена военными действиями. Фрагменты амфоры найдены в насыпи кургана. Погребение оказалось ограбленным.²⁵

28. Курган 19 у с. Колбино. Амфора неизвестного средиземноморского центра. Датировка не приведена. Согласно комплексу кургана амфору допустимо датировать IV в. до н.э. Фрагменты тулова и горла сосуда были выявлены у выхода дромоса в погребение. Погребение было ограблено в древности.²⁶

Подведём некоторые итоги анализа встречаемости греческих амфор в среднедонских погребениях. Чаще всего они располагались в юго-восточной части склепа (7 погребений и 8 амфор). Кроме того, в трёх случаях амфоры были найдены в северо-западной части гробницы, в двух – в северной, и по одному случаю в центре погребального сооружения, у восточного борта и в западной части склепа. В ряде случаев амфоры найдены не *in situ*.

В целом можно констатировать следующее. Состав керамического импорта лесостепного Подонья содержит практически все основные типы амфор, характерные для степных регионов и Среднего Поднепровья. Это амфоры таких центров как Гераклея, Менда, Фасос, Синопа, Пепарет, Кос, Херсонес, Колхида.

Табл. 1. Распределение амфор из курганов Среднего Дона по времени и центрам производства.

Периоды	VI век до н.э.		V век до н.э.		IV век до н.э.		III век до н.э.		
Пол. века									<u>Итого:</u>
Города	1 *	2 *	1	2	1	2	1	2	
№1. Гераклея	-	-	-	-	3	3	-	-	6
№2. Синопа	-	-	-	-	-	2	-	-	2
№3. Херсонес	-	-	-	-	-	-	1	-	1
№4. Колхида	-	-	-	-	-	1	-	-	1
№5. Менда	-	-	-	-	5	-	-	-	5
№6. Пепарет	-	-	-	-	-	3	-	-	3
№7. Фасос	-	-	-	3	1	2	-	-	6
№8. Кос	-	-	-	-	-	-	1	-	1
№9. Неизвестный центр	-	1	-	1	1	-	-	-	3

* 1 - первая половина века.

* 2 - вторая половина века.

Табл. 2. Распределение типов амфор в курганных группах*

К. Гр. Центр	Частые Курганы	Мастюги- но	Русская Тростянка	Дуровка	Терновое-I Колбино-I	Староживотин- ное	Селявное
№1. Герак- лея	-	№30/6, №40/26, №16/36	-	№6	№5	№38	-
№2. Синопа	-	-	-	-	№3, №13	-	-
№3. Херсонес	-	-	-	№4	-	-	-
№4. Колхида	-	-	-	-	№18 (погр. 1)	-	-
№5. Менда	№1(1927)	-	-	№14, №20, №22	№9	-	-
№6. Пепарет	-	-	-	-	№1(2шт), №18 (погр. 2)	-	-
№7. Фасос	№38, №39	-	№14, №22	-	№7	-	№1
№8. Кос	-	-	-	№1	-	-	-
№9. Неизвест- ный центр	№12, №37	-	-	-	№19	-	-
<u>Итого:</u>	5	3	2	6	10	1	1

* Для обозначения амфор использован принятый в публикациях номер кургана.

-
- ¹ Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары – Саратов. 1999. С.6.
- ² Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья – М. 2001. С. 70.
- ³ Там же. С. 50.
- ⁴ Савченко Е.И. Ук. соч. С. 103.
- ⁵ Пузикова А.И. Ук. соч. С. 187.
- ⁶ Пузикова А.И. Ук. соч. С. 64.
- ⁷ Медведев А.П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени. С. 5.
- ⁸ Городцов В.А. Ук. соч. С. 14.
- ⁹ Савченко Е.И. Ук. соч. С. 103.
- ¹⁰ Гуляев В.И. Новый могильник скифского времени на среднем Дону // Российская Археология. №4. 1998. С. 100.
- ¹¹ Пузикова А.И. Ук. соч. С. 186.
- ¹² Савченко Е.И. Ук. соч. С. 109.
- ¹³ Пузикова А.И. Ук. соч. С. 195.
- ¹⁴ Пузикова А.И. Ук. соч. С. 200.
- ¹⁵ Там же. С. 201.
- ¹⁶ Савченко Е.И. Ук. соч. С. 73.
- ¹⁷ Там же. С. 82.
- ¹⁸ Там же. С. 109.
- ¹⁹ Пузикова А.И. Ук. соч. С. 21.
- ²⁰ Там же. С. 135.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 141.
- ²³ Пузикова А.И. Ук. соч. С. 183.
- ²⁴ Там же. С. 15.
- ²⁵ Там же. С. 21.
- ²⁶ Савченко Е.И. Ук. соч. С. 113.

В.А. Иванов

ДАННЫЕ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ГИБЕЛИ СКИФИИ И СКИФСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время изучение истории и культуры древних обществ вне природно-географического контекста не отражает уровень развития науки¹. Современный уровень методики историко-археологических исследований предполагает широкое привлечение результатов работ естественнонаучного профиля. Одной из точек соприкосновения, общих тем изысканий ар-

хеологов и представителей различных отраслей палеогеографии является тема реконструкции климатических условий в прошлом, выявления динамики их изменения. Это, в свою очередь позволяет ближе подойти к решению вопроса о степени влияния климатических катаклизмов на ход исторических процессов. Вопрос о гибели Скифской державы – один из центральных в проблематике исследований в области древней истории и археологии раннего железного века юга Восточной Европы² - также не может быть решён вне комплексного подхода.

Вплоть до середины 80-х гг. XX в. в скифо-сарматской археологии финал скифской культуры и исчезновение с исторической арены Скифской державы объяснялись как результат вторжения и постепенного переселения в Северное Причерноморье неизвестных ранее в этом регионе кочевников – сарматов³. В конце 80-х – начале 90 гг. XX в. украинские археологи предложили искать причины скоротечного финала Скифии в негативных природно-климатических и экологических изменениях⁴. Подобное стало возможным в связи с тем, что ко второй половине 80-х гг. в хронологию скифских и сарматских памятников были внесены важные уточнения, и в хронологических построениях большинства исследователей на стыке скифской и сарматской эпох образовался примерно 150-летний разрыв⁵. При таком понимании хода истории «сарматский фактор» фактически оказался сведённым к нулю⁶.

В целом, объяснение истоков негативных явлений на юге Восточной Европы только лишь «великой сухью» или пастбищной дигрессией в археологии принято не было⁷, но, вместе с тем, сама идея о наметившейся в эллинистическое время общей тенденции к аридизации не была отвергнута⁸. Концепции С.В. Полина и Н.А. Гаврилюк действительно привнесли в решение проблемы финала Скифии и скифской культуры идею об использовании результатов естественнонаучных исследований. Однако налицо определённая «однобокость» в применении результатов палеогеографических исследований, проявляется стремление авторов использовать и традиционные источники для поиска в древней истории юга Восточной Европы следов экологических бедствий, но вероятнее, что это была попытка следовать модной в последние десятилетия XX в. экологической теме⁹.

Исходя из всего вышеизложенного, очень важной и актуальной задачей является рассмотрение состояния климата на юге Восточной Европы во временном интервале от рубежа IV – III вв. до н.э. (исчезновение скифов и скифской державы) до II в. до н.э. (появление в Северном Причерноморье за-

хоронений сарматов). Необходимо ответить на вопрос: возможно ли выявить резкое изменение состояния окружающей среды в это время?

В палеогеографии и смежных с ней науках существует множество методик определения периодичности и характера изменения климата.

Одним из важнейших показателей климатических изменений признается изменчивость увлажнённости климата. Колебания интенсивности влагооборота (смена палеоклиматических эпох – гигротических и ксеротических) происходили через 90-100 тысяч (± 20 тысяч) лет. Вместе с тем, в соответствии с теорией климатической стратиграфии, основанной на представлениях о периодических изменениях термического режима палеоландшафтов, выделяются палеоклиматические века продолжительностью 40-42 тыс. лет на высоких широтах Северного полушария и 20-25 тысяч лет в поясе 30-60 ° с.ш. Ритм холодных и тёплых палеоклиматических веков накладывался на ксеротическую эпоху и в условиях дефицита увлажнённости образует ряд холодных-сухих и тёплых сухих фаз. Тот же ритм в условиях гигротической эпохи характеризуется чередованием холодных-влажных и тёплых влажных эпох¹⁰.

На фоне палеоклиматических эпох выделяются колебания увлажнённости с периодом 1800-1900 лет (ритмика Петтерссона-Шнитникова). А.В. Шнитников, обратив внимание на изменчивость уровня Мирового океана, соответственно его повышение или понижение, убедительно показал, что климатические изменения зависят от изменения общей увлажнённости, которая хорошо выражается в ее 1850 -летней динамике. При понижении уровня Мирового океана устанавливается прохладно влажный климат, вода аккумулируется в ледниках. Тёплый и сухой климат ведет к таянию ледников и повышению уровня морей¹¹. При этом необходимо учитывать тот факт, что аридность климата возрастает к концу холодного или тёплого периода, а на начальных или финальных фазах развития отличается его повышенной влажностью за счёт увеличения массы воды, вовлечённой в процесс влагообмена¹².

Установлено, что с VII - начала VI вв до н.э. по конец III - начало II в. до н.э. уровень Черноморского бассейна практически не изменялся, что свидетельствует о стабильности состояния климата в рассматриваемое время¹³. В VII в. до н.э. на территории Северного Причерноморья закончилась ксеротермическая депрессия¹⁴, прекратилось опускание уровня Чёрного моря¹⁵, климат стабилизировался и стал менее континентальным¹⁶. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что после неблагоприятной в климатическом отношении первой половины I тыс. до н. э.¹⁷ около

500 г. до н.э. в рамках субатлантика наступает этап повышенной увлажненности, продолжавшийся около 400 лет¹⁸. Только на рубеже эр его сменила умеренная климатическая фаза, во время которой также не проявляются резкие колебания климата¹⁹. С V в. до н.э. увеличивается и среднегодовая глобальная температура²⁰ (западные палеогеографы в конце 70-х гг. XX в. продлевали период похолодания до III в. до н.э.²¹).

Начало умеренного этапа (II – I вв. до н.э.), сопровождаемого постепенным увеличением уровня моря («нимфейская трансгрессия»)²², только обозначает будущий ксеротермический пик середины I тыс. н. э., наиболее сильный за всю христианскую эру, по мнению ряда исследователей²³.

Однако в последнее время большинство палеогеографов склоняются к мнению, что «климатическая цикличность в голоцене оказывается очень сложной и не укладывается в рамки равновременной периодичности... Продолжительность теплых или засушливых этапов варьируется, и они не укладываются в одинаковые хронологические интервалы. Скорее можно говорить о циклическом характере ландшафтно-климатических изменений, когда наблюдается повторение определенных качественных и количественных элементов системы, при этом интервалы и амплитуда повторений не обязательно должны быть одинаковыми»²⁴.

Более того, фактически установлены различия в динамике изменения гидротермического режима в один и тот же период в аридных и гумидных областях Евразии²⁵, что еще в большей степени снижает возможности сопоставления природных условий областей степи и лесостепи, а также различных участков этих природных зон.

Результаты палеоботанических исследований также используются при реконструкции климата. Методы палеоботаники, применяемые для реконструкции палеоклиматических условий (в основном изучаются палинологические материалы): ареалогический²⁶, зональный²⁷ и другие, позволяют восстановить общую картину развития климата. И в данном случае невозможно установить реальность глобального климатического катаклизма для III в. до н.э. Например анализ палеоботанических данных, проведенный коллективом ученых – сотрудников ведущих профильных научных учреждений страны, показал, что «в раннем железном веке ареалы древесных видов не претерпели существенных изменений»²⁸. По замечаниям палеоботаников, в донской степи и лесостепи «субатлантический период характеризовался стабильным степным

пространством с незначительными изменениями состава растительных группировок»²⁹.

Данные палеоэнтомологии (исследование энтомофауны Северо-Западного Крыма) свидетельствуют о том, что ландшафтно-климатические условия в Причерноморье III в. до н. э. мало отличались от современных³⁰.

Следует отметить, что примером наиболее продуктивных исследований в области палеоклиматологии являются совместные работы почвоведов и археологов.

В последнее время заметно активизировалось изучение археологических памятников с привлечением методов и данных естественных наук. Эти комплексные исследования решают двуетапную задачу: реконструкцию природных условий прошлых эпох и выявление их роли в жизни древних обществ. Объектами изучения при этом служат разновозрастные поверхностные отложения различного генезиса, минеральные и органические вещества, с которыми так или иначе связано создание и функционирование археологических памятников. Одно из ведущих мест по степени информативности в этом списке занимают палеопочвы, погребённые под насыпями курганов и культурными слоями поселений³¹.

Подобное сотрудничество приносит ощутимые плоды, так как комплексный анализ археологических памятников позволяет выявить динамику природно-климатических изменений в степи и лесостепи.

Результаты исследований северопричерноморских черноземов (юг Украины) также демонстрируют постепенную эволюцию почв при нарастании признаков аридизации климата в ранне - и среднесарматское время³², что также говорит против каких-либо скоротечных катастрофических изменений климата в регионе, отмечается также, что наибольшая выраженность аридных черт наблюдалась у почв Украины 4000 лет назад³³.

Было установлено, что в период с VI в. до н. э. по IV в. н.э. почвы Волго - Донского междуречья не испытывали резких эволюционных изменений. Наблюдалась лишь определенная вековая динамика их отдельных свойств. Однако выявленные особенности изменения почвенных свойств дали основания считать, что раннесарматское время было более засушливым по сравнению с позднесарматским³⁴. Пик аридизации этих территорий приходился на конец I тыс. до н.э.³⁵

В более широких масштабах, для всего степного пространства от Дона до Урала, была установлена следующая последовательность изменений

природно-климатических условий: в первой четверти I тыс. до н.э. наметились начальные тенденции аридизации, вызванное же ей качественное преобразование почв и ландшафтов приходилось на конец савроматского – начало раннесарматского времени (около V – IV вв. до н. э.) В этот период из-за интенсификации процессов засоления и солонцеобразования снизилась продуктивность естественной травяной растительности. В степном Приуралье на фоне аридизации происходило и усиление степени континентальности климата, одним из выражений чего было понижение зимних температур. Ухудшение палеоэкологических условий, как считают специалисты, нарастало постепенно, достигнув пика в конце I тыс. до н.э. Отличием второй половины I тыс. до н.э., по их мнению, является контрастность ландшафтно-климатической обстановки. Наиболее неблагоприятные условия были характерны для глубинных районов Заволжья. Установлено, что самым благоприятным для жизни, в палеоэкологическом отношении, было Волго-Донское междуречье. То есть, в середине I тыс. до н.э. в степях Восточной Европы произошла смена гумидных климатических условий засушливыми и более континентальными. Очередное смягчение климата – «позднесарматский микроплювиал» - происходит во II - IV вв.³⁶

Изучая палеопочвы донской лесостепи, палеопочвоведы выявили основные стадии формирования местных ландшафтов. Установлено, что вплоть до начала новой эры на водоразделе между реками Дон и Воронеж продолжали существовать степные условия³⁷. Отмечается также, что на рубеже эр в этом районе образовались обширные остепнённые пространства. Поэтому степняки-сарматы к I в. н.э. освоили даже глубинные лесостепные районы³⁸. Действительно, с первых веков I тысячелетия н.э. климат Европы стал меняться в сторону потепления и засушливости. Уровень Мирового океана вновь стал повышаться³⁹.

Подводя итог попытке выявить реальность катастрофических экологических изменений на рубеже IV-III – начале III вв. до н.э. на юге Восточной Европы, можно констатировать отсутствие каких-то резких колебаний климатических составляющих или состояния экологии окружающей среды в этом регионе. Нет оснований полагать, что относительно благоприятные климатические условия V-IV вв. до н.э. мгновенно сменились более суровыми, так как наиболее явные признаки потепления и увеличения засушливости обнаруживаются только в первые века новой эры. Тем не менее, обращает на себя внимание наличие следующих проблем использования данных естественных на-

ук в исторических реконструкциях, в общем, и в решении вопроса о гибели Скифии в частности:

- результаты палеогеографических исследований довольно общи и выделяемые климатические периоды намного шире изучаемого нами хронологического интервала;
- очень часто в палеогеографии данные различных исследований носят взаимоисключающий характер, что делает трудной их систематизацию;
- не смотря на то, что выше отмечена результативность совместных работ почвоведов и археологов, однако и в данном случае мы имеем лишь общее представление о динамике климатических изменений в IV – II вв. до н.э. на юге Восточной Европы. Это связано с тем, что для определения показателей составляющих климата определённого времени методами палеопочвоведения необходимо изучить погребённые почвы курганов и бытовых памятников этой эпохи. В нашем случае – III в. до н.э. Но это практически невозможно, так как в начале III в. до н.э. прекращают функционировать скифские погребальные и бытовые памятники. Сарматские же курганы появляются в Северном Причерноморье только во II в. до н.э.⁴⁰, дискуссионен вопрос о выделении группы сарматских памятников III в. до н.э. даже к востоку от Дона⁴¹. Кроме этого специалисты отмечают, что почвенные свойства обладают инерционностью и не сразу реагируют на изменения климата во времени⁴².

Итак, отвечая на вопрос о возможности выявить резкое изменение состояния окружающей среды в конце IV и в течении III вв. до н.э., можно ответить, что существующие методики естественных наук не позволяют этого сделать. Невозможно окончательно отказаться или принять в качестве одной из причин гибели Причерноморской Скифии версию о скоротечном природном катаклизме. В настоящее время достаточно уверенно можно говорить об аридизации климата в III в. до н.э. Однако соотношение её количественных показателей и данных в большей степени изученных климатических изменений, трансформировавших уклад жизни и направление хозяйственной деятельности населения Северного Причерноморья и смежных территорий⁴³, довольно трудно установить. Необходим поиск методик определения более подробной хронологии климатических изменений.

¹ Демкин В.А., Сергацков И.В., Демкина Т.С., Алексеев А.О., Песочина Л.С. Почвенные критерии оценки комфортности среды обитания ранних кочевников степей Волго - Уралья: палеоэкологические кризисы и оптимумы // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Вып.1. Самара, 2000. С. 5.

² Гуляев В.И. Дискуссионные проблемы скифологии (по материалам археологии Подонья)// ВДИ. 2002. №1. С. 144; Донские древности. Вып.5. Сарматы и Скифия (Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»). Азов, 1997. С. 3 и сл.

³ Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критический обзор памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 111, 612; Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре// МИА. 1954. № 36. С. 28; Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 290; Абрамова М.П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. 1961. № 1. С. 92; Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 51-52; Смирнов К.Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию// МИА. 1971. №177. С. 191-196; Его же. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 118-119.

⁴ Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я// Археологія. 1984. №45. С. 24-34; его же. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. 201 с.; Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989. 109 с.; её же. История экономики Степной Скифии VI – III вв. до н. э. Харьков, 1999. 420 с.

⁵ Брашинский И.Б. Новые материалы к датировке курганов скифской знати Северного Причерноморья// Eigene. Praha, 1965. IV. С. 89-109; Алексеев А.Ю. Греческая керамика из Александропольского кургана// СГЭ. 1986. №51. С. 35-38; Черненко Е.В. и др. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986. С. 345; Ковпаненко Г.Т. и др. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989. С. 135; Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. (Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.) М., 1999. С. 145-149; Полин С.В., Симоненко А.В. “Раннесарматские” погребения Северного Причерноморья// Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. 13. С. 79-93.

⁶ О «климатической» и «экологической» гипотезах более подробно см.: Иванов В.А. Проблема гибели Скифии в российской и украинской археологической науке конца XX века// Новик: Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ. Вып. 6. Воронеж: ВГУ, 2002. С. 8-16; его же. «Климатическая» и «экологическая» концепции гибели Северо-Причерноморской Скифии в свете современных археологических и палеогеографических исследований// Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. (Материалы научно-практической конференции. Тула, Куликово поле, 28-30 ноября 2002 г.) Тула, 2003.

⁷ Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С.

85; Марченко К.К. Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи// РА. 1996. №2. С. 70-80; Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии»// Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 7-8; Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию// ВДИ. 1997. №3. С. 106-107; Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 233.

⁸ Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии без природных катастроф// РА. 1997. № 4. С. 217; Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Указ. соч. С.7; Медведев А.П. Природно-климатические ритмы и направления миграции населения в лесостепном Подонье// Исторические записки: Научные труды историч. ф-та ВГУ. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 233.

⁹ Археология и природа. М., 1989. 96 с.; История взаимодействия общества и природы: факты и концепции. Тезисы. М., 1990. Ч. I. 198 с., Ч. II-III. 147 с.; и др.

¹⁰ Ендрихинский А.С. Проблемы палеолимнологии и климатической стратиграфии позднего кайнозоя. [http:// www.giscenter.ru/carpos/Digital_library/00016/09/text.htm](http://www.giscenter.ru/carpos/Digital_library/00016/09/text.htm)

¹¹ Шнитников А.В. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1968. С. 66; его же. Многовековой ритм развития ландшафтной оболочки // Хронология плейстоцена и климатическая стратиграфия. Л., 1973. С. 8.

¹² Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озёр и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975. С. 23-27.

¹³ Бруяко И.В., Карпов В.А. Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. 1992. № 2. С. 95-96.

¹⁴ Бучинский И.Е. Климат Украины в прошлом, настоящем и будущем. Киев, 1963. С. 59.

¹⁵ Шилик К.К. К палеогеографии Ольвии// Ольвия. Киев, 1975. С. 80.

¹⁶ Иевлев М.И. Палеогеографическая обстановка в районе Нижнего Поднепровья в IV в. до н.э.// Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.) Киев, 1991. С. 313.

¹⁷ Борисов А.А. Климат СССР в прошлом, настоящем и будущем. Л., 1975. 431 с.; Лосев К.С. Климат: вчера, сегодня... и завтра? Л., 1985. С. 110; Виноградов Ю.А. Природный фактор в развитии Боспора в скифскую эпоху (VI – IVв. до н.э.) (Некоторые аспекты изучения) // ВДИ. 1996. № 3. С. 82-83.

¹⁸ Веклич М.Ф. Проблемы палеоклиматологии. Киев, 1987. С. 164, рис. 61.

¹⁹ Бруяко И.В. О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье... С.88.

²⁰ Веклич М.Ф. Основы палеоландшафтоведения. Киев, 1990. С. 15, рис. 5.

²¹ Гриббин Дж., Лэм Г.Г. Изменение климата за исторический период// Изменения климата. Л., 1980. С. 104-105.

²² Бруяко И.В., Карпов В.А. Древняя география и колебания уровня моря ... С. 96.

²³ Бруяко И.В. О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье... С.88.

²⁴ Климанов В.А. Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена, М., 1989. С. 33.

²⁵ Абросов В.Н. Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон // Известия Географ. об-ва. 1962. № 4. С. 12-15; Хотинский Н.А. Дискуссионные про-

блемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989. С. 13, 14.

²⁶ Климанов В.А. Климат Восточной Европы в климатическом оптимуме голоцена (по данным палинологии) // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 251-252.

²⁷ Савина С.С., Хотинский Н.А. Зональный метод реконструкции палеоклиматов // Там же. С. 231-233.

²⁸ Смирнова О.В., Турубанова С.А., Бобровский М.В., Коротков В.Н., Ханина Л.Г. Реконструкция истории лесного пояса Восточной Европы и проблема поддержания биологического разнообразия // <http://paleobase.narod.ru/usplit.html>.

²⁹ Спиридонова Е.А. Изменение природной обстановки голоцена в бассейне Дона // Мосоловское поселение эпохи бронзы в системе памятников степи и лесостепи. Воронеж, 1991. С. 55.

³⁰ Назаров В.И. Климат голоцена некоторых районов СССР (по данным палеонтомологии) // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989. С. 79.

³¹ Ахтырцев Б.П., Ахтырцев А.Б. Лесные палеопочвы Лысогорского могильника конца I тысячелетия н.э. // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1987. С. 67; Ахтырцев Б.П., Ахтырцев А.Б., Пряхин А.Д. Об использовании комплексного почвенно-археологического метода в исследованиях археологических памятников Среднерусского Черноземья // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Тезисы докладов научной конференции. Липецк, 1992. С. 222-224; Демкин В.А., Дергачёва М.И., Борисов А.В., Рысков Я.Г., Олейник С.А. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. 1998. № 2. С. 148.

³² Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-Песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995. 259 с.

³³ Иванов И.В. Эволюция почв степной зоны как индикатор изменения климатических условий в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М., 1989. С. 75.

³⁴ Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В. Палеопочвенные исследования археологических памятников Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград, 1998. С. 84.

³⁵ Демкин В.А., Дьяченко А.Н., Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Мэйб Л., Песочина Л.С., Скрипкин А.С. Почвенно-археологические исследования курганного могильника «Аксай - 1-97» в Волгоградской области // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тезисы докладов VII Донской археологической конференции). Ростов – на – Дону, 1998. С. 8; Демкин В.А., Песочина Л.С., Скрипкин А.С., Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Дьяченко А.Н. Динамика почвенно-ландшафтных условий в сухих степях западного склона Ергеней за последние 40 веков. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999. С. 81.

³⁶ Демкин В.А., Демкина Т.С., Песочина Л.С. Природные условия восточноевропейских степей в I тысячелетии до н.э. // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). М., 1999. С. 47.

³⁷ Александровский А.Л. Природная среда Верхнего Подонья во второй половине голоцена (по данным изучения палеопочв городищ раннего железного века)// Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия до н.э. (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12). Воронеж, 1998. С. 196; Чендев Ю.Г., Медведев А.П., Матвеев Ю.П. Изучение почв курганных систем и реконструкции изменений природной среды в бассейне нижнего течения Воронежа// Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. 2001. С. 173, 176.

³⁸ Медведев А.П. Природно-климатические ритмы и направления миграции населения... С. 233.

³⁹ Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в.). Л., 1989. С. 18.

⁴⁰ Брашинский И.Б. Указ. соч. С. 89-109; Алексеев А.Ю. Указ. соч. С. 35-38; Черненко Е.В. и др. Указ. соч. С. 345; Ковпаненко Г.Т. и др. Указ. соч. С. 135; Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья... С. 145-149; Полин С.В., Симоненко А.В. "Раннесарматские" погребения Северного Причерноморья// Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. 13. С. 79-93.

⁴¹ Скрипкин А.С.; Клепиков В.М.; Мошкова М.Г. Об одной попытке модернизации сарматской периодизации //РА. 2002. № 1. С. 101; Клепиков В.М. Сарматские памятники III в. до н.э. и проблема их выделения// Чтения в Волгоградском областном обществе краеведов. Год. 8. Волгоград, 1997. С.16-17; Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Ранние сарматы...С.31-33; его же. Сарматы IV–III вв. до н.э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Волгоград. 1998. С.26; Зуев В.Ю. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры //Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып.1. Самара, 2000. С. 88-89; Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры. Автореф. дисс... канд. ист. наук. С-Пб., 1998. С. 19; его же. О путях решения «проблемы III в. до н.э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи// Stratum plus. 1999. №3. С. 306.

⁴² Геннадиев А.Н. О факторах и этапах развития почв во времени// Почвоведение. 1986. № 6. цит. по Чендев Ю.Г. Почвенно-археологические исследования в бассейне нижнего течения р. Елань// Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. Сборник статей. М., 2001. С. 217.

⁴³ Иевлев М.И. Указ. соч. С. 313; Медведев А.П. Лесостепное Подонье на рубеже эпохи бронзы и раннего железного века// Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13: Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999. С. 92-94.

П.В. Хатуяева

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ И РОМАНИЗАЦИЯ ИСПАНИИ.

Отличительными чертами конца XX – начала XXI в. несомненно являются все большая интеграция человеческого сообщества, тяготение этносов к сближению друг с другом и поиску общих исторических корней и тради-

ций, а также исторических процессов, определивших родство большинства народов, прежде всего, Европейского континента. В I тыс. н.э. начинается период формирования Римской империи. Постоянные военные конфликты, сопровождающие этот процесс, неизбежно вели к взаимодействию различных этносов, их культурных традиций, языков, политических и социальных структур. Ученые видят в этом явлении истоки европейской цивилизации и определяют его термином «романизация».

Романизация – процесс внедрения народностей в систему римского государства, трансформации культурных, политических, социальных сторон жизни этносов под влиянием агрессивной завоевательной политики Римской империи.

При изучении данного процесса большой интерес представляют письменные источники, среди которых особое внимание стоит уделить произведениям античных философов, географов, историков, ораторов и политических деятелей, являвшихся современниками интересующих нас исторических событий. В этой связи историка, занимающегося романизацией, несомненно заинтересуют произведения античного оратора и историка Корнелия Тацита.

Сам Тацит упоминает в «Анналах», что его труд не принесет ему славы. Его слова стали в некоторой мере пророческими. При жизни историка, да и долгое время после его смерти, Тацит не признавался классиком римской литературы, и следствием этого невнимания явилось лишь частичное присутствие сведений о биографии историка¹. Мы не можем даже точно назвать даты его жизни, определяя год его рождения историка приходят к интервалу 55-57 гг. н.э. Мы не знаем ни родины Тацита, ни где и у кого он учился. Есть две гипотезы происхождения историка:

1. Из Северной Италии
2. Из Нарбоннской Галлии. Английский историк Рональд Сайм считает, что Тацит относится к тем провинциалам, которые с I в. н. э. занимают видное место в управлении Римским государством.

Однако точно можно сказать, ссылаясь на сведения самого Тацита, что его предки не принадлежали к сенатскому сословию, своим положением сенатора он обязан императорам из династии Флавиев, старавшихся расширить свою социальную базу, как за счет римских подданных, так и за счет провинциалов. Для карьеры сенаторы необходимо было стать известным военным деятелем или оратором. Тацит быстро выдвинулся как талантливый оратор, специализирующийся на судебных речах и декламациях, однако его ораторские произведения не дошли до наших дней.

Римский оратор быстро поднимается по иерархической лестнице государственных должностей. Веспасиан выдвигает Тацита на одно из мест в младших магистратских коллегиях, при Тите (79-81 гг.) он получает должность квестора и в связи с этим переходит в сенатское сословие, при Домициане (81-96 гг.) в 88 г. становится претором (Анналы, XI, 11) и одновремен-

но занимает жреческую должность как член коллегии “пятнадцати мужей”. После убийства 18 сентября 96 г. императора Домициана основной деятельностью Тацита становится писательство - история императорского деспотизма. Год смерти Тацита неизвестен.

Первым литературным произведением Тацита стало “Жизнеописание Юлия Агриколы” (De vita Iulii Agricolae) – биография его тестя. Однако это не только биографическое произведение, но и политический памфлет, это жизнеописание, переходящее в историческое повествование. “Жизнеописание Юлия Агриколы” дает нам представление о механизмах процесса романизации варварских племен и особенно знати, о степени трансформации их культурных традиций в ходе римского завоевания. Источниками Тацита при создании этого произведения были Саллюстий и Тит Ливий.

В том же году, что и «Агрикола» (98г.) был создан и другой труд Тацита – «О происхождении германцев и местоположении Германии» (De origine et situ Germanorum). Монография античного историка имела целью доказать опасность якобы покоренного германского народа и дать картину его жизни. Не побывав лично в Германии, Тацит использует многочисленные письменные и устные источники: «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, «Германские войны» Плиния Старшего и др. В «Германии» дается этнографическое описание всех сторон жизни племен, произведение затрагивает почти весь круг вопросов, поднимавшихся в античности при описании народов. Отношение самого автора к варварам-германцам явно двойственно: с одной стороны прослеживается некоторая симпатия, основывающаяся на сходности некоторых черт характера этих племен с древними римлянами, но с другой заметно чувство явного превосходства римлянина Тацита над полудикими и грязными германцами, и одной из характеристик варварского народа является *«удивительная дикость и отвратительная бедность»* (46).

Первое значительное произведение Тацита – «История» (Historiae), представляющая собой рассказ о правлении династии Флавиев (69 - 96 гг.). После завершения работы над этим трудом, историк обращается не к описанию настоящего, а к изложению более древней римской истории в труде «От кончины божественного Августа» (Ab excessu Divi Augusti). Сам он называет свой труд «анналами», т.е. летописью, годовыми записями (Анналы, IV, 32), и постепенно это название закрепляется за произведением. «Анналы» и «История» составляют единое целое – историю Рима от 14 до 96 гг. н.э., однако оба эти произведения сохранились лишь частично, поэтому в них отсутствует описание событий конца 29-31 гг., заканчивается повествование в 66 г. и остается неизвестным, довел ли Тацит все-таки описание событий в «Анналах» до начала изложения «Истории».

С точки зрения изучения процесса романизации эти произведения Тацита представляют немалую ценность, т.к. особое внимание в них Тацит уделяет проблематике империи. Особенно интересно положительное отношение

Тацита к пополнению сената выходцами из провинций (Анналы, III, 55) *«Все чаще допускавшиеся в сенат новые люди из муниципиев, колоний и даже провинций принесли с собою привычную им бережливость...»*, к предоставлению верхушке покоренных народов определенных прав и привилегий. Историк относится дружелюбно лишь к тем народам, верхушка которых наиболее романизировалась. С этой точки зрения наиболее ненавистный для Тацита народ – иудеи, религия которых (христианство) заставляла их держаться особняком и не смешиваться с окружающей средой. Тацит явно является апологетом римской экспансии, он отрицательно относится к государям *«не помышляющим о расширении пределов империи»* (Анналы, IV, 32).

Завоевание древней Испании заняло у римлян практически 200 лет. Первоначально, им пришлось воевать с Карфагеном за господство на этих территориях, а затем покорять местные народности, не желающие подчиняться завоевателям. Особенностью романизации Иберии является усиленное внимание римлян к политической ее стороне – созданию в провинции римских политических институтов и римской административной системы, т.е. включение этой территории в общеимперскую систему управления. В целом, для Иберии характерны две формы административного устройства: часть провинции объявлялась народным достоянием (Бетика), другая часть подчинялась непосредственно римскому императору².

Анализируя произведения Корнелия Тацита, мы можем сделать следующие выводы относительно структуры управления Иберией. Во главе управленческой структуры провинции стоял – наместник. В помощь ему назначались квестор – ведающий в основном финансовыми делами и легат – занимающийся судебными разбирательствами. *«Веспасиан назначил Агриколу наместником Аквитании. Это была блестящая должность и по своему значению, и потому, что она открывала прямой путь к консульству»*. («Жизнеописание Агриколы».I.9). При этом, за исполнением должностными лицами своих обязанностей тщательно следили и бывали даже случаи наказаний за излишнюю жесткость и корыстность: *«проконсул Дальней Испании Вибий Серен осужден по закону за насилие и жесткость по закону о превышении власти»*(Анналы. IV. 45); *«Пизон управлял Испанией заносчиво и своекорыстно...»* (Анналы III. 13).

Древняя Испания всегда привлекала завоевателей. Финикийцы, греки, карфагеняне, римляне устремлялись сюда, привлеченные богатствами, плодородными землями, благоприятным климатом, а главное – изобилием металлов. Многие древние авторы описывали эту любимую богами страну в своих произведениях. Даже в «Одиссее» Гомера мы можем встретить описание Иберии:

*« Ты за пределы земли на поля Елисейские будешь
Послан богами – туда, где живет Радамант златовласый
(Где пробегают светло беспечальные дни человека,*

*Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает;
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным)».*³

Но все же основным фактором привлекательности древней Испании для завоевателей был тот факт, что на ее территории располагались одни из самых больших в мире залежей металлов. И Римское государство, и частные лица стремились завладеть рудниками как легальными, так и достаточно сомнительными способами «...был донос на богатейшего испанца Секста Мария, обвиненного в кровосмесительной связи с дочерью. Тиберий присвоил себе принадлежащие ему серебряные и медные рудники, хотя они подлежали передаче в собственность государства» (Анналы.IV.45).

В целом, экономические отношения несомненно играют важную роль в процессе романизации⁴. Римские власти проводили политику включения провинциальной экономики в общеримскую: введение римской монетной системы, чеканка крупными провинциальными городами собственной монеты, двусторонняя торговля (торговые пути, охватывали много населенных пунктов и связывали Иберию с территорией Пиренейского полуострова.

Вторым важным источником пополнения казны, особенно военной, были достаточно высокие налоги, тяжелым бременем ложившиеся на плечи провинциалов. Первоначально, основным источником доходов Римской империи с провинций была военная добыча и контрибуции: «Испания предлагала возмещение понесенных войсками Германика потерь: оружие, лошадей, золото» (Анналы. I.71.). Но вскоре римские правители начинают облагать провинциалов очень высокой податью. «Народ обратился с просьбой отменить налог с оборота в размере 1/100. Тиберий ответил эдиктом, что у военной казны нет других источников пополнения» (Анналы .I. 78);

Таким образом, римские завоеватели основное внимание уделяли включению Испании в торговую и экономическую систему империи, что, несомненно, требовало восприятия иберийским населением римских торговых традиций, введения общей (римской) монетной системы и более тесному общению местного населения с колонистами и завоевателями.

Иберия, как и другие римские провинции, была постоянным источником пополнения армии Рима, здесь набирались вспомогательные легионы для подкрепления военной мощи. «Провинции Галлия и Испания шлют нам деньги, коней и людей» (История.III.2) «Вителлий вызвал вспомогательные войска из Испании»(История. III.15). Иберы являлись солдатами вспомогательных отрядов и, находясь далеко от родины, воспринимали римский образ жизни, становясь его проводниками в Иберии. Некоторым, наиболее именитым и отличившимся в боях иберийским солдатам даровалось даже право римского гражданства, и они переходили в сословие «togati» («облеченные в тогу»).

Важным аспектом романизации Испании являлось также активное общение местных жителей с ветеранами и солдатами, размещенными здесь на от-

дых. *«I легион преторианцев отправлен в Испанию, чтобы солдаты живя вдали от военных дел отдыхали и успокоились»* (История II. 67). Есть сведения об основании римского города Картеи для поселения там детей римских солдат и местных женщин.

Вопрос дачи некоторым иберам римского гражданства представляет немалый интерес. Из источников видно, что отношение римских императоров к этому было различным.

Первые свидетельства о единичных случаях получения гражданства относятся к концу II - началу I вв. до н.э., однако вне римских колоний господствовало местное право.

Важным вкладом в социальную романизацию Иберии является деятельность Цезаря, который во время войн с помпейяцами даровал гражданство не отдельным людям, а целому городу, сделав Гадес муниципием. В целом, во время деятельности Цезаря 27 городов Южной Испании получили римское гражданство.

Император Август продолжил политику Цезаря, предоставив латинское право целому племени церетанов. Провинциальная же политика преемников Августа – Юлиев-Клавдиев была непоследовательной. Стремясь сделать сенат более управляемым, императоры вводили в него выходцев из провинции, не давая им однако достаточных полномочий. Это было обусловлено в основном тем, что против расширения гражданских прав провинциалов выступали практически все слои римского населения, включая высшую знать и даже плебс.

Но несмотря на это нельзя недооценивать огромное значение действий Юлиев-Клавдиев и особенно Клавдия для процесса романизирования иберийского населения.

В связи с этим, произведения Тацита несут в себе огромный материал для историка, занимающегося изучением провинциальной политики Римских императоров, в них можно почерпнуть сведения относительно всех аспектов жизни провинций и влияния на них римских завоевателей, которое коснулось как военного дела, управления, экономики, так и гражданской жизни и даже религии.

¹ В настоящее время существует несколько публикации переводов произведений Корнелия Тацита: Cornellii Taciti Annalium ab excessu divi Augusti libri. Oxonii, 1917; P. Cornelius Tacitus, erklärt von K. Nipperdey. Berlin, 1904; P. Cornelii Taciti libri qui supersunt, t. I. Lipsiae, 1962; Корнелий Тацит: сочинения в 2 томах. СПб., 1993.

² Страбон География III.4.20

³ Гомер Одиссея. М., 1985 г. С. 59.

⁴ Циркин Ю.Б. Древняя Испания. М., 2000.

Д.Я. САМОКВАСОВ И ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНО-РУССКИХ КУРГАНОВ ЮГО-ВОСТОКА ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Дмитрий Яковлевич Самоквасов (1843-1911) оставил заметный след сразу в нескольких областях исторической науки. Он автор многочисленных трудов по истории русского народа, государства и права; теоретик и организатор архивного дела в России; археолог, раскопки которого, по его же словам, охватили обширную территорию «между Вислою и Териком, Черным морем и рекою Москвою»¹.

Заслуги Д.Я. Самоквасова не получали должного внимания со стороны исследователей отечественной историографии до конца XX в., когда сначала в 1991 г. в Курске, а в 1993 г. в Москве и Новгороде-Северском (Украина) прошли научные конференции, посвященные его жизни и творчеству¹. Наибольший вклад в изучение научного наследия Д.Я. Самоквасова внес курский исследователь Сергей Павлович Щавелев. Им была проделана огромная работа, результатом которой стала монография², ряд статей и отдельная глава докторской диссертации³.

Широкую известность Д.Я. Самоквасов приобрел после выхода в свет его первой книги «Древние города России», написанной на основе магистерской диссертации, защищенной им в 1873 году⁴. Но поистине мировую известность получили сенсационные раскопки «Черной могилы» и других черниговских курганов, вещи из которых стали эталоном материальной культуры Древней Руси.

В данной работе будут рассмотрены курганы, раскопанные Д.Я. Самоквасовым, на территории, составлявшую когда-то восточную часть Черниговского и Переяславского княжеств. Это области таких рек как Десна (верхнее течение), Снова, Малотечь, Бабинич, Сейм, Сула, Клевень, Рать, Псел и др., территорию которых, с определенной долей условности, можно отнести к юго-восточным рубежам Древней Руси.

Первые раскопки курганов Д.Я. Самоквасов проводил с целью выделения из множества сохранившихся городищ, «городища племен русских Славян языческой эпохи...»⁵. Осматривая городища, он заметил, что многие из них сопровождаются курганными насыпями. На основании чего им высказывается предположение, что курганные группы, сопровождающие эти городища, были общественными кладбищами их обитателей. А поскольку, в христианскую эпоху курганы уже не насыпали, то такие памятники, Д.Я. Самоквасов, относит к языческому времени⁶.

Первоначально, проверку своих соображений Д.Я. Самоквасов сделал в Суджанском уезде, у Николаевской Белогорской пустыни на правом берегу р. Псла, где сохранились два городища и языческий могильник содержащий

более 300 курганов. Городища и курганы дали однородные по форме и составу изделия, датированные серебряной германской монетой X в.⁷ После этого Д.Я. Самоквасовым задумывается план раскопок курганных могильников на всем пространстве Северянской земли. Он предполагает вести раскопки во всех уездах расположенных по Десне, Сейму и Суле, то есть, там, где жили северяне Нестора⁸. Осуществляя намеченный план, Д.Я. Самоквасов исследует курганные группы в Черниговской, Курской и Харьковской губерниях. Результатом этих раскопок стал обстоятельный реферат на III Археологическом съезде в Киеве, где Д.Я. Самоквасовым анализируется уже 313 курганов⁹.

Раскопки могильников Д.Я. Самоквасов проводил по инструкции, которая была написана им, В.Б. Антановичем и Л.К. Ивановским по поручению III Археологического съезда¹⁰. Первоначально срывалась вершина кургана на треть его высоты, затем, прорывался колодезь вглубь, до грунта. При появлении признаков близости остова, посредством тонкого стального щупа определялось его направление. Следует отметить что, дальнейшая работа Д.Я. Самоквасовым производилась лично, и, почти некогда, не доверялась рабочим¹¹. В каждой исследовавшейся группе он раскапывал насыпи малой, средней и большой величины, прекращая ее раскопки, если она давала могилы одинакового устройства и содержания¹². Конечно, на сегодняшний день, такая методика раскопок не соответствует современным требованиям. Но стоит согласиться с С.П. Щавелевым, который отмечает, что во второй половине XIX – начале XX века так, как он, копали все наши сознательные, образованные археологи, а допускаемые ими ошибки были связаны с ростом науки, которую они представляли¹³.

Д.Я. Самоквасов выделяет три типа северянских языческих могил: курганы с кострищами, курганы с погребальными сосудами и курганы с костяками¹⁴. Им произведена реконструкция всех трех погребальных обрядов. При первом обряде устраивался костер, на который помещали тело покойника и предметы, долженствовавшие служить ему в загробной жизни. После сожжения, над кострищем возводили земляную насыпь, в центре которой часто помещали сосуд с обугленными костями жертвенного животного и предметы, принадлежавшие покойнику при жизни. Д.Я. Самоквасов считает, что такой обряд похорон соответствует обряду сожжения знатного руса, описанному арабским писателем первой половины X в. Ибн-Фадланом¹⁵.

Курганы, содержащие сосуды со жжеными человеческими костями, отличаются от курганов с кострищами лишь тем, что покойников сжигали где-то вне кургана, а после сожжения перегоревшие кости собирали в глиняный сосуд и ставили его в приготовленный курган¹⁶.

Курганы с остатками трупосожжения, Д.Я. Самоквасов считает могилами лиц богатых и знатных, а курганы с несожженными остовами он относит к могилам черни. Основанием для такого вывода послужил тот факт, что сравнительно с курганами трупосожжения, курганы с костяками сохранились

в большем количестве, составляя кладбища из сотен, а иногда и тысяч могил¹⁷. Они представляют собой земляные насыпи, прикрывающие могильные ямы с костяками без украшений или бедно украшенными, в положении головой на запад, на спине, руки сложены на груди или на животе. Так же отмечаются и остатки истлевшего гроба¹⁸.

Результаты исследования этих курганов позволили Д.Я. Самоквасову представить быт славян языческой эпохи в совершенно новом свете. Факты существования городищ, как остатков общественных поселений, а при них кладбищ, дали основания говорить о существовании у славян этого времени «политического общества»¹⁹. Различная величина могильных насыпей одной группы и различное богатство погребенных, доказали его дифференциацию. Находки монет – свидетельство разветвленных торговых связей. Другие находки в курганах дали возможность восстановить быт язычника-северянина: его одежду, вооружение, занятия, домашнюю обстановку и верования²⁰. Кроме этого, опираясь на материалы раскопок, Д.Я. Самоквасов определяет границу земли занятую в древности племенем северян²¹.

В последствии Д.Я. Самоквасов еще не раз возвращается к раскопкам курганов на обозначенной нами территории²². Очередной взлет, сравнимый с сенсационными открытиями черниговских курганов, связан с исследованием Гочевского археологического комплекса, расположенного в Обоянском уезде Курской губернии, на правом берегу р. Псел²³.

Комплекс у с. Гочево состоит из двух городищ, двух селищ и курганного некрополя²⁴. Открыт этот памятник был в 1909 году в результате работ экспедиции Курской губернской архивной комиссии во главе с К.П. Сосновским²⁵. В том же году, по просьбе курян, Д.Я. Самоквасовым предпринимаются первые раскопки некрополя, выявившие его принадлежность к древнерусскому времени. Следует отметить, что раскопки в значительной мере носили охранной характер, так как в первую очередь исследовались распаханные или угрожаемые распахкой курганы²⁶. Всего Д.Я. Самоквасовым и его помощниками было вскрыто 278 насыпей, в результате чего была полностью исследована незалесенная юго-западная часть могильника²⁷. В экспедиции принимали участие члены Курской комиссии А.Н. Кобылин, К.П. Сосновский, Ф.П. Амелин и П.П. Афанасьев, которым, во время раскопок, Д.Я. Самоквасовым были показаны образцовые приемы работ по вскрытию курганов, а так же порядок ведения полевого журнала²⁸.

Результатом гочевской экспедиции стало не только открытие значительного городского центра летописных северян, но и высокий профессиональный уровень обработки археологического материала. Большое значение эта экспедиция имела для развития южнорусской археологии, приобретя эталонное значение. Раскопки Гочевского археологического комплекса были последними в карьере Д.Я. Сомова, а издание их результатов²⁹, по верному замечанию С.П. Щавелев, стало

своеобразным завещанием выдающегося русского археолога, эстафета, переданная им будущим историкам и краоведам³⁰.

Всего на территории юго-востока Древней Руси Д.Я. Самоквасовым было вскрыто около 700 насыпей славяно-русского времени³¹. К полученному в результате этих раскопок материалу обращались многие ученые - слависты. Так в своей книге «Восточные славяне в VI-XIII вв.» В.В. Седов основным исследователем северянских курганов называет Д.Я. Самоквасова³². А Е.А. Шинаков характеризуя погребальный обряд населения Левобережного Поднепровья, в основном, опирается на результаты его раскопок, прежде всего гочевских³³.

Таким образом, можно отметить значительный вклад Д.Я. Самоквасова в изучение погребальных памятников юго-востока Руси.

¹ Щавелев С.П. Д.Я. Самоквасов - историк, археолог, архивист. // Вопросы истории. 1993. №3, С.177.

¹ Археология и история юго-востока Руси. // Тезисы конференции (26-28 ноября 1991). Курск. 1991; Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д.Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернігів, 1993.

² Щавелев С.П. Историк русской земли: жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск. 1998.

³ Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей южной России и их место в провинциальной культуре.: дисс. ... докт. ист. наук. Воронеж. 2001.

⁴ Самоквасов Д.Я. Древние города России. СПб., 1873.

⁵ Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. М., 1908. С.4.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей... С. 169.

⁸ Самоквасов Д. Я. Северянская земля... С. 5.

⁹ Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение для истории. // Труды Третьего Археологического Съезда в России бывшего в Киеве в августе 1874 года. Т. 1. Киев, 1878 С. 186.

¹⁰ Пеняк П.С. Д.Я. Самоквасов і археологічні з'їзди.// Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д.Я. Самоквасова (Новгород-Сіверський). Чернігів, 1993. С.9.

¹¹ Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение ... С. 186.

¹² Самоквасов Д.Я. Северянская земля... С. 8.

¹³ Щавелев С.П. Историк русской земли... С. 76.

¹⁴ Смоквасов Д.Я. Северянская земля... С. 14.

¹⁵ Там же...

¹⁶ Там же. С. 16.

¹⁷ Там же...

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Самоквасов Д.Я. Северянские курганы и их значение... С. 219.

²⁰ Там же...

-
- ²¹ Самоквасов Д.Я. Северянская земля... С.24-27.
²² Щавелев С.П. Историк русской земли... С. 260-264.
²³ Щавелев С.П. Судьбы исторических древностей... С. 176.
²⁴ Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. // Археология славянского юго-востока: Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж. 1991. С. 83.
²⁵ Шинаков Е.А. Население верхнего течения реки Псел в XI-XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса). // Вестник МГУ. История. 1982. №2. С. 90.
²⁶ Там же...
²⁷ Там же...
²⁸ Щавелев С.П. Историк русской земли... С. 184
²⁹ Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д.Я. Самоквасовым в августе 1909 года. М., 1915; Атлас Гочевских древностей. М., 1915.
³⁰ Щавелев С.П. Историк русской земли... С. 187.
³¹ Там же. С. 259-265.
³² Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 138.
³³ Шинаков Е.А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII вв. // Археология славянского юго-востока: Материалы к межвузовской научной конференции. Воронеж. 1991; Население верхнего течения реки Псел в XI-XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса). // Вестник МГУ. История. 1982. №2.

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

С.Л. Лаптев

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯКОВА II СТЮАРТА (1685-1688).

Правление английского монарха Якова II Стюарта началось 6 февраля 1685 г. после смерти его брата Карла II и закончилось четырьмя годами позже 23 декабря 1688 г.

Его первые деяния на английском троне продолжили политику Англии середины XVII в: в своей первой речи Яков II объявил о своей приверженности к существующим устоям государства и церкви. Но новый английский король желал восстановить католицизм в стране, рассматривая монархию как священный институт, где правление монарха было односторонним процессом: король повелевает - остальные исполняют. Он считал, что исполняет Божью волю, целью которой является распространение католической веры. Тем не менее, английский монарх не подразумевал восстановление католицизма как действия, которые привели бы к доминированию католиков в Англии, но как действия, которые бы уравнивали права католиков и протестантов и

привели бы к свободному вероисповеданию тех и других, что без сомнения увеличило бы число сторонников римско-католической церкви.¹

Вторая главная цель правления нового английского короля развивалась из первой: он хотел установить в стране институт абсолютной монархии, но в его планы не входило устранение всего предыдущего английского законодательства и институтов власти, как случилось на примере становления французского абсолютизма Людовиком XIV.

Английская внешняя политика во времена правления Якова во многом зависела от политики на континенте, особенно от действий Людовика XIV и Вильгельма III Оранского.

Ко времени вступления на престол Якова II Стюарта, Людовик XIV был на вершине своей славы. Внутри Франции не существовало какой-либо оппозиции его власти, что касается внешней политики, то на протяжении уже 20 лет ему и Франции неизменно сопутствовал военный и дипломатический успех. Именно с этой позиции французский монарх строил свою политику по отношению к Англии и её новому королю. Внешнеполитический опыт французского короля показывал, что английское государство не являлось надёжным союзником Франции: ведь восстановленные Стюарты находились в зависимости от своего парламента (английские монархи должны были просить у парламента разрешение объявления войны и денежные средства для ведения военных действий). Поэтому Людовик XIV старался просто обеспечить для своей внешней политики английский нейтралитет, что означало не вступать во враждебно настроенные против Франции союзы, выплачивая Англии субсидии. Он также прекрасно понимал, что и в интересах Якова II было не портить хороших отношений с французским монархом, несомненно, самым могущественным в Европе. Так, сразу после восшествия на английский престол нового Стюарта Людовик XIV послал своему послу в Англии графу Барийону 150000 фунтов с целью новой выплаты, но с указанием передать эти деньги лишь после того, как выяснится политика английской короны в отношении французского государства.²

Вильгельм III Оранский, глава нидерландского правительства, в свою очередь опасался заключения англо-французского союза, что могло привести к захвату его республики. Он не мог понять почему английский король не разделяет его опасений по поводу постоянно растущего могущества Людовика XIV, и с восшествием на престол Якова II пытался установить с ним дружеские отношения и убедить английского монарха в угрозе французских амбиций Англии, Голландии и всей Европе. Но попытка установления таких отношений была сведена на нет восстаниями Аргилла и герцога Монмаута. Позже Яков II выяснял, как Вильгельм Оранский намеревался установить хорошие дружеские отношения, в то время когда лидеры восстаний смогли свободно отплыть из Голландии с солдатами и оружием на борту.³

Экспедиция Аргилла началась 2 мая 1685 года. Высадившись на западном побережье Шотландии, он собрал вокруг себя немногочисленных сторонников и издал прокламацию против Якова II. Но восстание не приобрело широкого размаха и в течение шести недель было подавлено. Аргилл был схвачен и казнён в Эдинбурге 30 июня 1685 г.⁴

Восстание герцога Монмаута, незаконного сына Карла II, было более успешным. Он высадился всего лишь с 80 солдатами на западном побережье Англии в местечке Лим Реджис 11 июня 1685 года, но, предполагая получить там поддержку, привёз с собой оружие для пяти тысяч своих возможных сторонников. Монмаут сразу же издал прокламацию, в которой объявлял себя защитником протестантской религии, законов и свобод в Англии, провозглашал Якова узурпатором, обвиняя его в отравлении собственного брата. Также он сообщал, что теперь находится в состоянии войны с английским королём. Нужно сказать, что начало восстания было довольно успешным: получив широкую поддержку в Таунтоне, лидер восстания объявил себя королём Англии (под именем Якова II), приказал распустить парламент и назначил вознаграждение за голову Якова II Стюарта! Но причина неудачи восстания заключалась в том, что его не поддержала знать, а люди, которые присоединялись к восставшим, не были воинами, а крестьянами и горнорабочими. К тому же стала ощущаться нехватка оружия. Регулярная армия под командованием Февершама и Черчилля стремительно приближалась, и после битвы на равнине Седжмур, которая состоялась в ночь на 5-6 июля 1685 года, восставшие были рассеяны, герцог Монмаут схвачен и через десять дней обезглавлен в Лондоне.⁵

Поражения восставших заметно усилили влияние Якова II Стюарта внутри страны. Но английский король прекрасно осознавал слабость английского оружия: ведь под руководством Февершама у Седжмура было всего около 2000 пехотинцев и 800 кавалеристов. Английский монарх решает провести военную реформу, тем самым удвоить количество солдат и офицеров английской армии до 19 тысяч человек. Он окончательно убедился в беспомощности и опасности ополчения, ведь во время восстания герцога Монмаута многие отряды ополчения переходили на сторону восставших. В обращении к парламенту от 9 ноября 1685 г. Яков II надеялся, что парламентарии откажутся от института ополчения, заявив, что Англии требуются "дисциплинированные, хорошо тренированные войска с постоянной оплатой"⁶, в которых было бы разрешена служба католикам, запрещённая в 1573 г. Но парламент выступил против увеличения количества регулярной армии и предложил реформировать ополчение. После правления Кромвеля, английской нации не нужны были солдаты, кроме народного ополчения. Тем не менее, английский монарх начинает собирать свою собственную армию в местечке Хаунслоу Хис и к осени 1685 года там собралось около 13-14 тысяч солдат и офицеров, которые несомненно были самым лучшим войском в Европе, где армии

большой численности были обычным явлением. Целью создания большой и сильной армии было обеспечение независимой внешней политики, которая также давала власть английскому королю обеспечивать мир и главенство закона внутри страны.⁷

Всё это время внешнеполитическая деятельность занимала внимание Якова II не меньше, чем внутривластные события. Ещё весной он направил папе римскому послание, в котором просил его назначить католических священников для служб в Англии.⁸ К тому же он уверил французского посла в своей поддержке политики французского короля; в ответ Барийон заявил, что Людовик XIV просит у своего кузена только о двух вещах: укрепить свою власть в стране и восстановить католическую религию. Но после подавления восстаний Аргилла и герцога Монмаута внешняя политика Якова II поменяла курс, повернувшись к Голландии. Был возобновлён союз между Англией и Генеральными Штатами 1677-1678 годов. Он был подписан 7-17 августа и ратифицирован в октябре 1685 года.⁹ Несомненно, английский монарх не симпатизировал главе голландской республики Вильгельму Оранскому, но это был довольно расчётливый шаг английской короны: с одной стороны этот союз противопоставил друг другу Францию и Голландию, а с другой - заключение подобного союза в глазах английского населения сделало Якова II истинным патриотом своей страны, пусть и на короткий период. Но можно предположить, что этот союз был возобновлён из-за финансовых соображений. Просто Людовик XIV перестал выплачивать субсидии Англии и Яков воспользовался ситуацией, чтобы, во-первых, ещё более усилить своё влияние в государстве, а во-вторых, показать Людовику XIV, что один лишь авторитет французского монарха не обеспечит ему желанного нейтралитета Англии. Реакция французского двора была незамедлительной: около 800000 ливров были переданы английскому королю и далее в срок выплачивались. К тому же позже французский монарх передавал Якову II значительные суммы средств, предназначенные для поддержания в боевой постоянной готовности морской эскадры и войск.¹⁰ Таким образом, возобновлённый англо-голландский союз попросту не вступил в силу.

После этого основное внимание английского короля было направлено на внутреннюю политику, особенно на дела в Шотландии и Ирландии.

Основная задача шотландской и ирландской политик заключалась в поддержании порядка на территориях этих королевств. Английская корона считала необходимым увеличение численности регулярной армии и снижение влияния оппозиции. Примером этого была политика Якова II в отношении народного ополчения. Ополчение в те времена являлось гражданским и любительским институтом, где офицеры обучали крестьян и ремесленников простейшим навыкам военного искусства. Но в ходе восстания герцога Монмаута ополчение проявило себя как бесполезное и опасное явление для анг-

лийского монарха. Соответственно в Англии и Шотландии институт ополчения пришёл в упадок, а в Ирландии был попросту упразднён.

Ещё одной задачей Якова II в этих королевствах была задача восстановления католицизма, а точнее предоставление католикам права публично проводить свои религиозные службы. Следует отметить, что баланс религиозных сил в трёх королевствах различался существенным образом: в Англии большинство населения придерживалось англиканского вероисповедания, в Шотландии же большую часть составляли пресвитериане, а в Ирландии - католики. В связи с этим, как мне представляется, политика восстановления католицизма в Англии и Шотландии потерпела поражение (к 1688 году в Англии были построены католические часовни во многих городах, а в Шотландии всего лишь две - в Эдинбурге и Абердине¹¹), в отличие от Ирландии.

Яков II рассматривал поэтому ирландское королевство оплотом религиозной борьбы. Во времена правления Якова II Стюарта Ирландией правил Ричард Талбот, граф Тирконнел, который в 1685-1688 годах провёл так называемую "великую чистку" в ирландской армии, когда в течение этого периода была произведена модернизация вооружения, и весь командный состав и более 7000 солдат, придерживающихся протестантской религии, были заменены католиками.¹²

Довольно интересным моментом английской внешней политики в период правления Якова II Стюарта были его отношения с Папой римским, Иннокентием XI. Дело в том, что они были довольно натянутыми в связи с разрывом между Папой и французским королём Людовиком XIV. Глава католической церкви искал союзников среди врагов Франции, поэтому он наладил отношения не только с Австрией, но и протестантской Голландией. Безусловно, присоединение Англии к этому союзу многократно бы его усилило, но такое развитие событий было возможно только в одном случае: если бы совпали интересы английского короля и парламента. Вероятно, по этой причине папа римский не предпринял никаких мер по восстановлению католицизма в Англии, он понимал, что его вмешательство немедленно послужило бы причиной разрыва между английским монархом и его подданными.¹³

Но политика английской короны отнюдь не была направлена против Франции, а скорее даже наоборот. Так, в ноябре 1686 года был подписан договор о мире и нейтралитете между двумя коронами, по которому все спорные вопросы между Англией и Францией на территориях Гудзонского залива решались местными органами управления, а в случае войны между двумя государствами колонии не принимали участия в военных действиях, сохраняя нейтралитет.¹⁴

Также в апреле 1688 года Яков II и Людовик XIV подписали секретное морское соглашение, направленное против каких-либо действий Вильгельма Оранского на море. Согласно подписанному соглашению английский монарх должен был содержать на деньги французского короля морскую эскадру, со-

стоящую из 20 военных кораблей и 8 брандеров, в канале Ла-Манш.¹⁵ Людовик предложил увеличить эскадру на 14-16 французских кораблей, но Яков отверг это предложение, опасаясь, что такое тесное военно-морское сотрудничество с Францией повредит его влиянию в Англии.

В Европе боялись заключения англо-французского союза. Ещё летом 1686 года возник тайный оборонительный союз против Франции, так называемая "Аугсбургская лига", в которую при огромном влиянии Вильгельма Оранского вошли император Леопольд, Карл II Испанский, Карл XI Шведский, некоторые немецкие и итальянские государи. Целью этого союза являлось поддержание мира в Европе и противодействие французской угрозе.¹⁶

Опасения заключения союза между Францией и Англией значительно возросли к марту 1688 года, когда испанский посол Ронкильо заявил, что возможное сближение Англии и Францией неизбежно повлечёт за собой войну с Испанией или Голландией.¹⁷ Дело в том, что несколько полков английских и шотландских солдат в период правления Якова II несли службу в Голландии в качестве наёмников. Некоторые из них были отозваны для подавления восстания графа Монмаута. Так, в конце 1687 года английский король решил вернуть все свои полки; с одной стороны он опасался того, что его солдаты "заразятся" идеей республиканства, а с другой - военная сила позволила бы Якову проводить свою собственную политику, ориентированную на Францию. Людовик в свою очередь настаивал на выводе английских войск из Голландии, убеждая английского короля в том, что эти полки "помогли бы объединить всех католиков Англии под защитой Его Величества"¹⁸, а французский посол Барийон предложил Якову II перевести английские полки из Голландии во Францию для их дальнейшего обучения, что несомненно ослабило бы военную мощь Голландии. Итак, 14 марта 1688 года английский монарх издал прокламацию, по которой английские войска возвращались из Голландии. По Европе пошли слухи о англо-французском союзе. Ронкильо сделал своё заявление. В Голландии акции Восточной Индийской компании упали на 13 %. Но Вильгельм отказался вывести войска.

Вильгельм Оранский правильно продумал свой шаг. В Англии уже давно слышались недовольства в адрес Якова по поводу его про-французской и католической политики. Когда же возмущение политикой короля стало всеобщим, лидеры оппозиции в июне 1688 года послали приглашение главе нидерландского правительства, мужу дочери Якова Марии, явиться в Англию с оружием в руках, восстановить в ней погрязшие протестантские свободы.¹⁹

Но в приглашении слишком преувеличивалось число сторонников вторжения и преуменьшалось влияние английского короля, а на примерах неудач Аргилла и Монмаута Вильгельм понимал, что завоевание Англии будет успешным только в том случае, если английской военной силе будет противопоставлена адекватная сила и если английское население будет поддерживать вторжение иностранных войс.²⁰

К лету 1688 года английская армия уже насчитывала 6257 офицеров и 33860 солдат, поэтому в Голландии начались приготовления к вторжению.

Необходимо отметить, что на протяжении всего лета французский король Людовик XIV предупреждал Якова II Стюарта о подготовке голландского вторжения и предложил помощь французского флота для его предотвращения. А 1 сентября 1688 года глава французского государства заявил о том, что в случае вторжения голландских войск в Англию, он незамедлительно атакует Голландию. Эта декларация парализовала деятельность Вильгельма и практически спасла Якова. Но английский король отверг предложенную ему помощь, которая в его понимании предполагала зависимость английской короны, заявив Людовику, что он может верить клятвенным обещаниям голландского правительства. Такое заявление было, безусловно, патриотичным, но впоследствии стало фатальным для Якова II Стюарта.

Французский король ввиду сложившейся ситуации обещал Голландии мир и направил свои армии к Рейну. (Ещё в июне он получил секретную информацию о том, что Карл II Испанский находится при смерти и начал подготовку к войне за испанское наследство, оставив в стороне дела Якова и Вильгельма).²¹

Тем временем Вильгельм Оранский собрал войско для вторжения в Англию. Оно насчитывало 10692 солдата пехоты и 3660 кавалерии. 3 ноября армия главы голландского государства отплыла на 65 военных кораблях, 10 брандерах и 500 лёгких лодках.²² Трудно сказать, что произошло с английским флотом, очевидно сильный восточный ветер помешал ему оказать малейшее сопротивление вторжению. Так, 5 ноября 1688 года Вильгельм высадился со своим 15-тысячным войском, сразу же направившись к городку Экситер. Он был уверен, что население окажет ему широчайшую поддержку, и для него было неприятным сюрпризом обнаружить, что глава гарнизона Экситера не только закрыл перед его войском городские ворота, но и арестовал человека по имени Хикс, направленного Вильгельмом для набора рекрутов.²³ Так, несмотря на все уверения лидеров оппозиции Англии Вильгельм Оранский осознал, что он столкнулся с теми же проблемами, с которыми столкнулся в своё время граф Монмаут.

Тем временем английский флот заблокировал все пути отступления в Голландию, а регулярная английская армия, наибольшая по численности в Европе приближалась к нему, но ещё не была в относительной близости, чтобы как-то помешать сторонникам вторжения присоединиться к войскам Вильгельма. Казалось, что в Англии просто нет сторонников Вильгельма для смещения Якова II с престола Англии. Глава нидерландского правительства чувствовал, что попал в крайне неприятную и опасную для себя ситуацию.²⁴

Но отряды, собранные Яковым, стали переходить на сторону противника со своими командирами во главе. Покинутый всеми (даже своей дочерью

Анной), Яков II вместе со своей женой и ребёнком 23 декабря 1688 года бежал во Францию, где поселился во дворце Сен-Жермен, недалеко от Парижа.

Вильгельм Оранский вступил в Лондон и вначале 1689 г. был провозглашён королём Англии. Так произошёл бескровный государственный переворот, вошедший в историю под названием "Славная революция".

В заключение можно сказать, что внешняя политика Англии в период правления Якова II Стюарта отличалась непоследовательностью и непостоянством в связи с тем, что, во-первых, английский король хотел восстановить католицизм и установить институт абсолютной монархии (для этого внешне-политический курс Англии становился зависимым от курса, проводимого Францией); во-вторых, Яков намеревался проводить независимую от французского государства политику, а в-третьих, для того, чтобы укрепить свою власть в стране, он должен был учитывать интересы английского населения, направленные против католицизма. Можно предположить, что если бы не произошло вторжение Вильгельма Оранского, Якову удалось бы укрепить своё влияние в стране за счёт постоянно растущей армии.

¹ John Miller. James II. A study in kingship. Wayland publishers, 1977. P.124-127

² Ibid. P.130-135

³ Ibid. P.133-139

⁴ Hilaire Belloc. James the Second. Philadelphia. J.B-Liprincott Company, 1928. P.181-182

⁵ J. Franck Bright. A history of England. Period 2. Personal monarchy: Henry VII to James II (1485-1688). Third edition. Rivingtons: Waterloo place, London, Oxford and Cambridge, 1688. P.766-767

⁶ Chris Cook, John Wroughton. English historical facts 1603-1688. The Macmillan press, London. 1980. P.143

⁷ Jack Haswell. James II. Soldier and sailor. St.Martins press. New York. 1972. P.248-249

⁸ John Miller. James II. A study in kingship. P.176-177

⁹ A general collection of treatys of peace and commerce, renunciatiations, manifestos and other public papers from the year 1642 to the England of the reign of Queen Anne. Vol.3. London. 1732. P.331-333

¹⁰ R.H. George. Financial relations between Louis XIV and James II.// Journal of Modern history, Sept.1931. P.68-73

¹¹ Fergusson. Scotlands relations with England: a survey to 1707. Edinburgh. 1977. P.154-176

¹² John Childs. The army, James II and the Glorious Revolution. Manchester. Univ.press. 1980. P.56-68

¹³ J.Franck Bright. A yistory of England. Period 2. Personal monarchy: Henry VII to James II (1485-1688). P.770

¹⁴ Chris Cook, John Wroughton. English historical facts 1603-1688. P.479

¹⁵ Ibid

¹⁶ David Ogg. England in the reigns of James II and William III. Oxford univ.press. 1969. P.195-196

¹⁷ Ibid. P.191-192

¹⁸ Ibid. P.190

¹⁹ Т.А. Павлова. Революция и становление парламентской монархии в Англии.// Новая история стран Европы и Америки. Под.ред. Кривогуза И.М. 2-е изд. М.,2002

²⁰Hilaire Belloc. James the Second. P.213

²¹William III and Louis XIV. Essays 1680-1720 by and for Mark Thompson. Liverpool. 1968. P.58

²²Jack Haswell. James II. Soldier and sailor. P.273-275

²³John Miller. James II. A study in kingship. P.200

²⁴David Ogg. England in the reigns of James II and William III. P.219

Д.Ю. Круглов

ПРОБЛЕМА НОРМАНДСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ И КОНЦЕПЦИЯ «ФЕОДАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТО- РИОГРАФИИ 60-х-90-х гг. XX СТОЛЕТИЯ.

История Нормандского завоевания вызывала и продолжает вызывать огромное множество споров и разногласий в среде историков-медиевистов. Спектр дискутируемых проблем поистине широк: от причин поражения англосаксонской армии в битве при Гастингсе до степени влияния англосаксонских институтов на развитие англо-нормандского общества. Однако ключевой в анализе последствий Нормандского завоевания является, пожалуй, проблема так называемой «феодальной революции», под которой понимаются те кардинальные изменения, произошедшие в Англии в экономической и социально-правовой сфере с приходом Вильгельма Завоевателя.

Впервые теорию «феодальной революции» выдвинул известный английский историк консервативного направления Дж. Х. Раунд еще в начале XX столетия. В своей работе «Феодальная Англия» он с уверенностью писал, что главным результатом Нормандского завоевания стало введение «феодальной системы» на территории Англии посредством распространения рыцарских земельных держаний. По мнению автора, эта система была без труда импортирована нормандцами на английскую почву, где формирование чисто феодальных земельных отношений было далеко от завершения.¹

Впоследствии эта концепция получила развитие в работах Ф. Стентона, чьи труды представляют собой фундаментальные исследования аграрной истории английского феодализма и связанных с ней правовых институтов. Этот историк во многом идеализировал французский вариант развития феодализма, принесенного с собой нормандцами, как единственно возможный путь присоединения отсталой англосаксонской Британии к континентальной феодальной цивилизации. При этом все попытки сопротивления новым порядкам рассматривались им как следствие косности и варварства саксов, не желавших вкушать плодов прогрессивного развития.²

В похожем ключе рассматривает Нормандское завоевание и другой английский исследователь Х. Р. Лойн. С его точки зрения, только с приходом нормандцев начинается подлинное развитие феодальных отношений в Брита-

нии. При этом особое место отводится развитию института субинфеодации и становлению новой военной организации, основу которой составила профессиональная кавалерия. Автор также отмечает, что процесс формирования рыцарского землевладения был быстротечен, чему во многом способствовала разумная политика Вильгельма и его окружения.³

Однако, начиная с рубежа 60-х-70-х гг. XX столетия, в оценках последствий Нормандского завоевания начинает преобладать более взвешенный подход, пытающийся сочетать новые тенденции в социально-экономической сфере с англосаксонским наследием. Исследователи все чаще говорят о неоднородности развития англосаксонских земель, выделяя патриархальный, находящийся под большим скандинавским влиянием Север и более прогрессивный Юг, где феодальные отношения пустили свои корни еще до вторжения нормандцев. Но эти отношения имели свои существенные отличия от континентальных. По мнению Д. Фишера, на юге Англии сформировалась так называемая «уэссекская модель» феодализма с многообразием форм личной зависимости, когда один и тот же человек мог иметь над собой несколько лордов, причем характер обязательств перед ними у него мог быть совершенно разный.⁴

Некоторые историки, как, например, Ч. Холлистер, вообще ставят под сомнение концепцию «феодальной революции», не только относя зарождение феодализма в Англии к донормандскому периоду, но и подчеркивая достаточно высокую степень его развития, правда, с германской спецификой. По словам Холлистера, накануне Нормандского завоевания англосаксонское государство обладало дееспособным войском, развитой военно-феодальной системой с прочно укоренившимся институтом условных земельных владений, сильной центральной властью. И многое из этого перекочевало в англонормандское королевство. У кого, как не у англосаксов, нормандцы позаимствовали сильное пешее войско на базе народного ополчения и мощный флот. Причину же гибели англосаксонского государства Холлистер объясняет целым рядом случайных факторов, стечением обстоятельств, когда Гарольду пришлось фактически одновременно отражать вторжение норвежцев на севере и Вильгельма Завоевателя на юге, что на практике оказалось не под силу королю англосаксов.⁵

Д. Дуглас еще дальше идет в своих размышлениях, отрицая тезис о том, что к 60-м гг. XI в. нормандское общество представляло собой некий образец феодальных устоев, а, следовательно, механически перенести феодальную систему на английскую почву нормандцы просто не могли. Лишь со временем из-за необходимости установления надлежащего порядка внутри страны происходит оформление феодальных связей в Англии, причем, в первую очередь, среди нормандской знати.⁶

В 70-90-е гг. в англо-американской историографии проблема «феодальной революции» все больше начинает уступать место иным аспектам Нор-

мандского завоевания. Активно изучаются вопросы, связанные со сменой политической элиты в завоеванной стране, с этнокультурными и демографическими процессами. Однако в большинстве работ, даже лишь косвенно касающихся проблемы социально-экономических преобразований, вопрос о характере изменений в области поземельных отношений и личных связей с приходом нормандцев все же заявляет о себе. Историки пытаются более детально разобраться во всей совокупности последствий Нормандского завоевания, для этого нередко анализируя какой-то один важный эпизод, связанный с событиями второй половины XI столетия.

Так, Д. Холт заостряет наше внимание на тексте Солсберийской присяги, принесенной Вильгельму Завоевателю всеми землевладельцами Англии 1 августа 1086 г. Пытаясь найти причины этого события, автор отмечает, что оммаж стал ответным актом, свершенным не столько ради заявления преданности и покорности королю, сколько как благодарность за некое королевское благодеяние. Под ним Холт понимает целый ряд земельных пожалований, осуществленных Вильгельмом в пользу различных представителей знати и нашедших отражение в «Книге Страшного суда». Однако это отнюдь не означало установление в Англии «совершенной феодальной пирамиды» власти. Формула клятвы, что все бароны будут верны королю «против всех других людей», была направлена лишь против короля Франции, наиболее опасного и могущественного соперника.⁷

Предположение Холта о том, что принесение Солсберийской присяги лишь дополнило и укрепило поземельные отношения, установившиеся в Англии к 1086 г., было поддержано и другими исследователями. Однако не все из них придавали первостепенное значение именно материальному фактору как средству укрепления феодальной системы. Например, по мнению Д. Грин, не меньшую роль продолжали играть и личные связи, имевшие различные векторы направленности. Согласно исследованиям этого автора, даже в XIV в. любой зависимый крестьянин аббатства Лиллешелл, принося клятву своему лорду-аббату, заявлял, что будет верен ему так же, как будет верен королю и другим лордам.⁸ И это огромное многообразие как вертикальных, так и горизонтальных персональных взаимоотношений, во многом унаследованных от англосаксов, в не меньшей степени определяли лицо английского феодализма.

В последние несколько десятилетий большое внимание стало уделяться военным институтам англо-нормандского общества в широком социальном контексте. Такие историки, как Дж. Прествич, М. Стрикланд полагали, что Вильгельм Завоеватель не принес собой какой-то единообразной системы военно-феодальных отношений, которые бы сразу утвердились в Англии. Формирование профессиональной армии англо-нормандских рыцарей происходило спонтанно и во многом зависело от конкретной внутри- или внешнеполитической ситуации. Взаимосвязь между служилым землевладением и необхо-

димостью несения военной службы отнюдь не всегда наблюдалась в повседневной практике. Для окончательного становления военной организации нового государства требовался еще значительный промежуток времени.⁹

Важной вехой в развитии историографии Нормандского завоевания стало появление монографии «Феоды и вассалы», вышедшей из-под пера оксфордского профессора С. Рейнолдс в 1994 г. В общеевропейском контексте исследовательница по-новому пытается посмотреть на такие ключевые для эпохи средневековья понятия, как «феодальное право», «феодальное землевладение», «вассалитет». Автор считает, что многие современные историки, рассуждая о содержании этих терминов, нередко следуют за сложившимися стереотипами, которыми просто изобилует историческая наука. А ведь не стоит забывать, что представления о феодальных связях, вассалитете складываются в XVII-XVIII вв., то есть в эпоху, когда средневековье воспринималось исключительно в черных тонах, когда за средними веками отрицали политическую власть и всякое понятие о публичном. Стереотип феодо-вассальных отношений делает фактически невозможной истинную оценку основ феодального правопорядка. Так, многие специалисты по привычке ставят короля на вершину политического Олимпа, рассматривая его как высшего сеньора, ибо это отвечает их концепции феодализма. Очень часто понятием вассалитета стремятся описать нормальные отношения между правителем и подданными. Но на самом деле, рассуждает Рейнолдс, средневековое право не истолковывает связь между сеньорами и их вассалами только лишь в терминах поземельных отношений. Держать феода еще не означает быть вассалом и наоборот. Соединение институтов вассалитета и феода практически недоказуемо. Таким образом, мы не вправе втискивать все многообразие и разноплановость персонально-поземельных связей средневековья в тесные рамки концепции вассалитета.¹⁰

Эти заключения Рейнолдс пытается применить и к анализу последствий Нормандского завоевания. Изучая «Книгу Страшного суда» она приходит к выводу, что не существует каких-либо однозначных свидетельств в пользу того, что наделение землей автоматически определяло характер служебных обязательств, которые должен был выполнять земельный собственник по отношению к королю. А, следовательно, беспрекословно утверждать, что только с приходом нормандцев в Англии окончательно складывается феодальная система, и, тем более, называть этот процесс «феодальной революцией», у нас нет никаких оснований.¹¹

Книга Рейнолдс вызвала целую волну споров и дискуссий в английской исторической науке. Многие подвергли критике некоторые из высказываний оксфордской исследовательницы, назвав их странными и ведущими по ложному пути. Но в то же время была отмечена огромная важность данной работы, где предпринимается попытка отойти от привычной схемы рассмотрения феодализма и под другим углом посмотреть на фундаментальные понятия и

термины средневековья. Одновременно развернулась острая дискуссия в журнале «Прошлое и настоящее» под общим заголовком «Феодальная революция». Большая часть споров касалась развития континентального феодализма, которому преимущественно и была посвящена монография С. Рейнолдс. Т. Н. Биссон анализировал властные и персональные связи, полагая, что в основе социального порядка в средние века лежали отношения господства-подчинения, имевшие некий универсальный характер.¹² Т. Ройтер считал недопустимым рассматривать всю историю средневековой Западной Европы через призму северофранцузских реалий, поскольку в каждом конкретном государстве существовали свои неповторимые особенности.¹³ А К. Уикхем, вновь возвращаясь к вопросу о последствиях Нормандского завоевания, отмечал, что наибольшее значение для дальнейшего развития Англии имели, во-первых, изменения во взаимоотношениях между местной аристократией и носителями высшей государственной и церковной власти, и, во-вторых, формирование новой разветвленной вертикали личных связей между всеми категориями населения в государстве.¹⁴

Другой проблемой, широко обсуждаемой в англоязычной литературе в последние годы, стал вопрос о перераспределении земельных владений в Англии после прихода нормандцев. По мнению Э. Уильямс, первая серия земельных пожалований в пользу новой аристократии произошла уже на рубеже 60-70-х гг. XI столетия, причем источником для этих дарений послужили земли королевского домена, а также владения, конфискованные у наиболее непокорных англосаксов, особенно тех, кто принимал активное участие в битве при Гастингсе. В последующем конфискации подверглись земельные держания сторонников англосаксонского сопротивления, прямо или косвенно поддерживавших мятеж эрлов Эдвина и Моркара, а также восстания под руководством Роджера, эрла из Херефорда, англо-бретонца Ральфа, эрла Восточной Англии, и Вальтеофа, эрла Нортумбрии. К моменту создания «Книги Страшного суда» процесс перераспределения земельной собственности на территории Англии был фактически завершен. В то же время, отмечает Э. Уильямс, в некоторых графствах, как, например, в Шропшире, англосаксонская знать была не столько лишена своих земель, сколько «понижена во владельческом статусе», поскольку большая часть их владений была изъята безвозвратно.¹⁵

С точки зрения Р. Флеминг, переход земель в руки нормандских баронов происходил двумя основными способами. Чаще всего нормандской знати передавались целые комплексы наследственных владений крупных саксонских родов. Как правило, эти земли располагались компактно в каком-либо одном графстве. Но нередко пожалованные земли были разбросаны по территории нескольких, зачастую удаленных друг от друга, графств. Власть и порядок в таких владениях поддерживались при помощи укрепленных замков и разветвленного полицейского аппарата. Там, где преобладал второй способ

перераспределения земель, происходила коренная ломка территориально-владельческой структуры, характерной для англосаксонской Британии.¹⁶ Согласно исследованиям Д. Грин, саксонской знати удалось сохранить свои домены лишь на севере страны, в Нортумбрии, где, как известно, был также велик процент скандинавского населения, и в некоторых пограничных регионах. На остальной территории полноправными хозяевами стали бароны Вильгельма Завоевателя и его преемников.¹⁷

Не все специалисты были согласны с такими утверждениями. По мнению Д. Роффа, «Книга Страшного суда» не содержит в себе реалий донормандской Англии, а ведь многие компактные владения в центральных районах страны, создание которых приписывается нормандцам, могли возникнуть задолго до 1066 г.¹⁸ Хотя нередко высказывались и диаметрально противоположные суждения, подвергающие острой критике попытки некоторых медиевистов увидеть глубокий англосаксонский след в структуре земельных владений нормандской Англии. Так, П. Далтон на примере изучения графства Йоркшир делает вывод, что нормандский натиск на земли саксонской знати был настолько колоссален и носил столь молниеносный характер, что уже к рубежу 70-80-х гг. XI столетия от англосаксонского бокленда не осталось и следа.¹⁹

В последние годы наряду с вопросом о трансформациях в аграрной и социальной сферах английского общества в результате завоевания 1066 г. все чаще поднимается проблема институциональных изменений, коснувшихся нового государства. Здесь мы также не найдем единства мнений среди англо-американских исследователей. Споры ведутся по различным аспектам, начиная от степени сохранности англосаксонской правовой системы в англо-нормандском королевстве до характера изменений в деятельности королевского двора и местных органов власти. Однако в одном исследователи, несомненно, сходятся, когда говорят о высокой эффективности управленческих структур как у англосаксов, так и в Нормандском герцогстве. При этом англосаксонскому наследию нередко отводится первое место. Как писал Х. Р. Лойн, с нормандским завоеванием многие государственные институты англосаксов не только не прекратили свое существование, но и получили свое дальнейшее развитие. Преемственность наблюдается в функционировании системы налогообложения, особенностях монетного производства и торговли, деятельности королевского двора с его кругом должностных лиц и органов местной власти. В последнем случае особо следует подчеркнуть то значение, которое придавалось институту шерифов при королях англо-нормандской династии.²⁰ Объединение англосаксонской и нормандской систем управления привело к тому, что в Англии в XI-XII вв. возникло, пожалуй, наиболее централизованное государство в Западной Европе. Однако этот вопрос и его интерпретация в англоязычной историографии требует гораздо более подробного освещения, что уже выходит за рамки данной статьи.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы заметить, что проблема «феодальной революции», связанная с последствиями Нормандского завоевания, отнюдь не является историографическим мифом, возникшем в ходе острой полемики среди западных медиевистов. Эта проблема, сформулированная столетие назад, не только имеет право на существование, но и требует своего дальнейшего изучения. На наш взгляд, для более результативного и эффективного анализа вопросов, связанных с характером изменений в социально-экономической сфере английского королевства во второй половине XI в., необходимо отказаться от тех избитых стереотипов и клише, которыми страдает современное научное сообщество историков, и пойти по пути, предложенному, в частности, С. Рейнолдс. Ибо, только отказавшись от жестких методологических и терминологических рамок исследования, мы сможем гораздо ближе приблизиться к пониманию того, что же на самом деле представлял собой европейский феодализм.

¹ Round J.H. Feudal England. Historical studies on the XIth and XIIth centuries. L., 1909.

² Stenton F.M. William the Conqueror and the rule of Normans. N.Y., 1966. P. 210, 270, 322-323.

³ Loyn H.R. Anglo-Saxon England and the Norman Conquest. L., 1962. P. 316.

⁴ Fisher D.J.V. The Anglo-Saxon age. C. 400-1042. L., N.Y., 1973. P. 347.

⁵ Hollister C.W. Anglo-Saxon military institutions on the eve of the Norman Conquest. Oxford, 1962. P. 151; The impact of the Norman Conquest. L., 1966. P. 2.

⁶ Douglas D.C. William the Conqueror. L., 1964. P. 96-98.

⁷ Holt J.C. 1086 // Domesday Studies / Ed. by J.C. Holt. Woodbridge, Suffolk, 1987. P. 41-64.

⁸ Green J.A. The Aristocracy of Norman England. Cambridge, 1997. P. 217-218.

⁹ Prestwich J.O. The military household of the Norman kings // English Historical Review 96. 1981. P. 1-37; Strickland M. Anglo-Norman warfare. Woodbridge, Suffolk, 1992. P. 59-83.

¹⁰ Reynolds S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford, 1994. P. 2, 342-349.

¹¹ Ibid. P. 350.

¹² Past and Present. 1996. N 152. P. 6-42.

¹³ Ibid. 1997. N 153. P. 177-195.

¹⁴ Ibid. P. 196-208.

¹⁵ Williams A. The English and the Norman Conquest. Woodbridge, Suffolk, 1995. P. 79-97.

¹⁶ Fleming R. Kings and Lords in Conquest England. Cambridge, 1991. P. 109-158.

¹⁷ Green J.A. Op. cit. P. 49-50.

¹⁸ Roffe D. From thegnage to barony: sake and soke, title and tenants-in-chief // Anglo-Norman Studies. 1990. N 12. P. 157-176.

¹⁹ Dalton P. Conquest, Anarchy and Lordship. Yorkshire, 1066-1154. Cambridge, 1994. P. 72-73.

²⁰ Loyn H.R. The governance of Anglo-Saxon England, 500-1087. L., 1984. P. 169-171.

ИСТОРИЯ РОССИИ

Р.Б. Фельдшеров

ДОНСКИЕ ОТПУСКИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИЙСКО-ДОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 30-х – НАЧАЛЕ 70-х гг. XVII ВЕКА

С 1613 г. начинается практика регулярных отправок государева жалованья донским казакам – так называемых донских отпусков (эпизодически такие отправки осуществлялись еще в конце XVI – начале XVII вв., но систематический характер они приобрели именно с 1613 г.)¹. Важность военно-стратегического положения казаков, оказавшихся на пути татаро-турецкого наступления на север, было по достоинству оценено московским правительством. Крымская (в меньшей степени – турецкая) экспансия стала одним из факторов, заставлявших царские власти поддерживать донцов, наладив регулярную отправку жалованья, таким образом выражая свою заинтересованность в пребывании казаков на Дону и их службе московскому государю². Очень скоро царское жалованье становится одним из важных источников существования казаков³, являясь основным звеном официально санкционированных экономических связей Российского государства и Донской земли. Это обстоятельство позволило московским властям превратить донские отпуски в важнейший рычаг экономического воздействия на казачество, давая возможность при необходимости увеличивать материальные и военно-технические потенциалы донцов, а когда нужно – резко их ограничивать, влияя и на политическое развитие войска Донского. Такое сочетание экономического и политического значения донских отпусков определило их исключительную важность в системе взаимоотношений России и Дона XVII в.

Тот факт, что отправки царского жалованья на Дон велись из Воронежа, обусловил особую значимость этого города как важного посредника или агента центрального правительства в отношениях с казаками, одного из главных центров российской донской политики.

Характеристике практики донских отпусков в рамках донской политики российского правительства и определению роли и значения государева жалованья в отношениях России и донского казачества во 2-й трети XVII в. посвящена первая часть настоящей статьи. Во второй части рассматривается роль Воронежа как центра подготовки и отправки царского жалованья на Дон и то, какое значение это имело для жизни населения города.

Хронологические рамки статьи охватывают период с 30-х до начала 70-х гг. XVII в. – время между двумя крупными кризисами в отношениях между Россией и Доном. Роль и значение государева жалованья казакам в ходе этих кризисов также является предметом изучения этой работы.

Донские отпуска могут служить своеобразным индикатором, характеризующим состояние российско-донских отношений в тот или иной период времени.

Сведения за 1625-1631 гг., когда за семь лет жалованье на Дон было отправлено лишь однажды (в 1628 г.)⁴, иллюстрируют серьезный и продолжительный кризис во взаимоотношениях российского правительства и донского казачества. Он был вызван проявлением значительной самостоятельности войска Донского в выборе своих внешнеполитических приоритетов: Россия готовилась к войне с Польшей и нуждалась в прочном мире с Османской империей и Крымом, а казаки вели постоянные боевые действия с турками и татарами, осложняя дипломатическую подготовку предстоящей войны за Смоленск⁵. Этот кризис показал слабость позиций российского правительства на Дону во 2-й половине 20-х – начале 30-х гг. XVII в. Поэтому от правительства потребовались затраты больших усилий, в т.ч. репрессивные действия и длительное прекращение поставок жалованья, чтобы переломить упорство и настойчивость казаков, заставить их выполнять свои требования. Вместе с тем, все это привело к принятию иного, более гибкого курса правительства в донской политике, одним из проявлений которого стало возобновление донских отпусков. Благоприятное развитие отношений русских властей и донского казачества, выразившееся в т.ч. и в регулярном с 1632 г. пополнении материальной базы донцов за счет государева жалованья, было одним из решающих факторов, содействовавших взятию войском Донским Азова в августе 1637 г.⁶

Занятие казаками Азова резко изменило положение в данном регионе, причем, даже не столько в пользу войска Донского, сколько Российского государства. Основное внимание турок и татар в этом направлении оказалось сосредоточено на противостоянии с казачеством в попытках вернуть утраченную крепость. Россия же, оставаясь в стороне от конфликта и не неся никаких людских потерь, получила возможность значительно укрепить положение страны на южном пограничье, т.к. в сложившихся условиях татарские набеги на окраины практически прекратились⁷. Таким образом, российское правительство было заинтересовано в как можно более длительном пребывании казаков в Азове, самому при этом не вступая в открытое противостояние с Портой. Поэтому Москва была готова оказывать (и оказывала) донцам всевозможную помощь: финансовую, экономическую, материально-техническую, психологическую, но только не военную. Одной из важных составляющих российской помощи донским казакам были поставки государева жалованья в значительно увеличенном размере.

В 1638 г., вопреки традиции, казакам в Азов было отправлено два отпуска за год, причем главный упор делался на доставку боеприпасов, особенно необходимых в данных условиях⁸. Отпуск же 1639 г. в своей денежной и хлебной части вырос на несколько порядков, по сравнению с предыдущими поставками: в Азов прибыло 6000 рублей, тогда как ранее казаки за один отпуск не получали более 2000 рублей, и 2000 четвертей хлебных запасов (ранее не поступало более 400 четвертей в год)⁹. Всего же за время пребывания казаков в Азове им было доставлено в счет государева жалованья 20500 рублей, что всего на 500 рублей меньше денег, которые направлялись в донских отпусках за весь прошедший период 1613-1637 гг.¹⁰ Деньги, продовольствие и боеприпасы, доставленные в ходе донских отпусков в Азов, сыграли свою, не последнюю, роль в том, что казакам удалось выдержать тяжелейшую осаду татаро-турецких сил и не сдать город.

В первые годы после оставления Азова на Дон продолжает посылаться жалованье в повышенном размере. Донское войско за время Азовской эпопеи понесло значительные потери в живой силе и материальной базе. Турки же и крымцы, в полной мере ощутившие всю величину угрозы со стороны донцов, развернули широкое наступление на казачьи городки, стремясь «сбить» казаков с Нижнего Дона¹¹. Российское правительство, в свою очередь, оценив всю выгоду от пребывания казачества на Дону, их значение как авангарда русского наступления на Поле и буфера между Россией и турецко-крымской экспансией, старалось всесторонне поддерживать казаков в столь непростой ситуации. Немаловажной частью этой поддержки были отправки жалованья в увеличенном размере. При этом в 1643 и 1646 гг. оно посылалось на Дон дважды, а в 1647 г. – трижды¹².

Затем, вместе с определенной стабилизацией сил на Дону в конце 1640-х гг., правительство отказывается от чрезвычайно высоких поставок жалованья, однако, донской отпуск в 50-е – 60-е гг. XVII в. обычно бóльших размеров, чем отпуски до 1636 г. Войско Донское, правда, порой высказывало недовольство неоправданно заниженным, по его мнению, размером жалованья. Так, в январе 1654 г. казаки жаловались, что в последние годы они получали недостаточно хлебных запасов – всего по 2000 четвертей в отпуске, а сукна им вообще не присылают¹³. Но в Москве на этот год было запланировано еще меньшее жалованье: 1000 рублей, 1000 четвертей хлеба, 100 пудов пороха и 50 пудов свинца, хотя были включены поставки на 100 половинок сукон¹⁴.

Войско вновь выступает с ходатайством об увеличении денежной и хлебной части жалованья, ссылаясь на то, что раньше им присылали в 2-3 раза большее жалованье¹⁵. Правительство пошло на удовлетворение просьбы казаков и по случаю рождения царевича Алексея Алексеевича прежде запланированные денежные и хлебные поставки были увеличены в 2 раза. Однако казаков предупредили, что такая ситуация, когда Войско выпрашивает при-

бавку к жалованью «впредь... не в образец»¹⁶. И в следующем, 1655 г., на Дон было отправлено только 1000 рублей и 1000 четвертей хлеба¹⁷.

Впрочем, потом во 2-й половине 50-х – 60-е гг. XVII в., денежное и хлебное жалованье донцам постепенно увеличивалось и к 1671 г. достигло 3000 рублей и 4000 четвертей хлебных запасов¹⁸.

Но и в эти годы не обходилось без разногласий. В 1663 г. казаки отказались принять в счет жалованья 10000 рублей медными деньгами, вышедшими из обращения¹⁹. А в 1670 г. впервые за последние 33 года правительство отказалось от отправки донского отпуска. Дело в том, что в борьбе с расширявшимся выступлением Степана Разина, правительство объявило полную экономическую блокаду Дона²⁰, в т.ч. уже приготовленное к отправке жалование было задержано в Воронеже²¹. Во-первых правительство так хотело застраховаться от возможного попадания в руки повстанцев большого количества денег, провизии и боеприпасов, а, во-вторых, это было способом давления на низовую казачью старшину, дабы заставить ее активно бороться с «воорами и изменниками» из числа голыдбренных казаков верхних городков.

Дело в том, что получаемое от государя жалование казаки обычно «дувалили», т.е. делили поровну, но не между всем населением Дона. Как сообщали, например, в 1648 г. сами донцы, «...дуванят де они на тех людей, которые государю служат, а которые де вновь придут, и на тех людей не дуванят, и опричь тех казаков, которые живут в Верхних городках...»²² То есть царское жалование делилось только между наиболее заслуженными казаками низового Войска, которые составляли основу домовитого казачества и старшины. Эта часть казачества, в отличие от событий 2-й половины 20-х – начала 30-х гг. XVII в., в период разинского выступления не пошла на конфликт с российскими властями, что говорит о значительно укрепившихся за 1640-е – 1660-е гг. позициях царского правительства на Дону. В этом важную роль сыграла практика донских отпусков, усилившая экономическую зависимость казачества (прежде всего, его верхушки) от России. Поэтому именно экономические меры воздействия, в т.ч. задержание в Воронеже в 1670 г. жалования, явились важнейшим фактором, заставившим низовое Войско в целом сохранить верность российскому государю и способствовать разгрому повстанцев: С.Разин был схвачен в бою именно с низовым Войском²³. Это же вынудило казаков нарушить один из своих главных принципов – «невыдачи с реки», передав Степана правительству для последующей его казни²⁴. За верность и службу войско Донское в 1671 г. получило очередное жалование, но вместе с тем было приведено к присяге царю, династии Романовых и Российскому государству²⁵, что стало выражением и политической зависимости Донской земли от России.

Таким образом, донские отпуска в конце 30-х – начале 70-х гг. XVII в., способствовали усилению экономической зависимости донского казачества

ва от Российского государства, что привело в 1671 г. и к официальному оформлению политической зависимости войска Донского от России.

Город Воронеж с самого начала практики регулярных отправок государева жалованья на Дон, т.е. с 1613 г., и на протяжении всего XVII в. являлся бессменной базой донских отпусков.

Донской отпуск обычно включал в себя поставки денежной «казны», хлебных запасов (ржаная мука, сухари, крупы, толокно; с конца 1640-х гг. — только ржаная мука), сукно, боеприпасы («зелье» (порох), свинец, иногда — ядра, редко — пушки), вино.

На стадии предварительной подготовки отпуск делился на две части: деньги, сукно и боеприпасы собирались в Москве, а затем отправлялись в Воронеж; хлебные запасы непосредственно готовились в Воронеже, иногда и в других городах, откуда потом доставлялись в Воронеж. Вино обычно бралось из воронежского кабака²⁶.

Руководство сбором хлебных запасов для жалованья казакам и ответственность за их подготовку возлагались на воронежского воеводу, который о результатах работы или в случае каких-либо заминок должен был своевременно информировать Разрядный приказ. Непосредственная же нагрузка по хлебозаготовкам распределялась между земледельческим населением Воронежского уезда в качестве государственной повинности. Иногда власти могли скупать хлеб у населения для отпуска на Дон, как было, например, в 1644 г.²⁷

Поступавшая в Воронеж в счет донского отпуска рожь должна была здесь перемалываться в муку. Помол зерна ложился дополнительным бременем на жителей города и уезда, порой вызывая серьезные затруднения. Так, в 1671 г. воевода Борис Бухвостов в отписке в Москву указывал, что к уже имевшимся в житницах города 1534 четвертям ржаной муки воронежцы должны намолоть из зерна, прибывшего из разных городов, еще 1414 четвертей с осьминой муки (ок. 110 тонн) для донского отпуска, и к тому же 332 четверти (ок. 26 тонн) муки для «стрелецкого хлеба». В связи с этим воевода сетует, что «будет, государь, тое рожь доведетца молоть воронежцом же всяких чинов людям и то, государь, будет им в тягость, потому что на Воронежи на посаде мельниц нет, а которая, государь, мельницы в Воронежском уезде есть, и те в дольних местех»²⁸.

Еще одной не менее важной задачей воронежцев была подготовка средств доставки царского жалованья казакам. Главным образом, это были струги и дощенники, на которых донской отпуск осуществлялся по рекам Воронежу и Дону. Это были государственные суда, которые должны были строиться и содержаться в Воронеже, и обычно предназначались только для донских отпусков. Иногда суда дополнительно прибывали из других городов (Ельца, Ефремова и т.д.). Строительство и содержание этих судов входило в ряд государственных повинностей воронежцев. Следить за наличием доста-

точного числа стругов и дощеников и их состоянием должен был лично воронежский воевода.

В октябре 1640 г. воевода князь Андрей Солнцев-Засекин получил царскую грамоту с подробными инструкциями о постройке судов для донского отпуска. В ней извещалось о присылке в Воронеж судовых мастеров из Москвы. Воеводе предписывалось, чтобы к судовому делу были определены «дети боярские и иные приставы из каких людей пригоже», которые должны следить, чтобы «мастера, плотники и сошенные судоделовцы не гуляли, лес готовили». Воеводе указывалось экономно расходовать средства, «конопать, железо и конаты покупать, где дешевле»; мастерам и плотникам давать кормовые деньги с того времени, как «как учнут судовое дело делать». О ходе постройки, издержках и количестве готовых судов воевода должен был периодически отписывать в Разряд²⁹.

Таким образом, центральное руководство уделяло повышенное внимание готовности в Воронеже судов для донского отпуска, т.к. отсутствие нужного числа стругов или их неудовлетворительное состояние могло вызвать срыв отпуска.

Воронежские власти должны были также снаряжать в донский отпуск гребцов, кормщиков и провожатых из воронежских служилых людей³⁰. Их задача была очень ответственная, т.к. караван с жалованьем донцам, который мог достигать нескольких десятков судов, нуждался в надежной защите. Сохранность грузов зависела и от способностей и опыта кормщиков. В 1663 г. из-за их недостаточной внимательности под Коротояком «на мелях и каршах суды испроломилась». Груз с потерпевших аварию судов – 500 четвертей хлеба – был оставлен в Коротояке до очередного донского отпуска³¹.

Но в целом московские власти положительно оценивали профессионализм воронежцев в деле отправки и сопровождения донских отпусков. Поэтому неслучайно, что в 40-е – 60-е гг. XVII в. воронежцы 11 раз назначались руководителями доставок жалованья на Дон, а двое из них – Т.Михнев и С.Хомицкий – выполняли эту обязанность дважды (первый – в 1647 и 1651 гг., второй – в 1658 и 1659 гг.)³². Более того, есть сведения о получении тем же Трофимом Михневым жалованья в Москве за участие в донских отпусках 1638 и 1646 гг., когда он руководителем отправки не был³³. Следовательно, можно предположить, что некоторые из воронежских служилых людей, так сказать, профессионально занимались донскими отпусками, участвуя в них постоянно, и, получая за это жалованье от государства. Его размер мог колебаться от 15 до 30 рублей (обычно ок.20), иногда могли пожаловать и прибавкой к поместному окладу³⁴.

Подготовка донского отпуска к отправке порой сопровождалась конфликтами между различными должностными лицами, а также казаками, которые должны были сопровождать жалованье на Дон. 12 июня 1649 г. в Москву поступили челобитные от руководителя донского отпуска в этом году

соловлянина Степана Карцева и атамана казачьей станицы (отряда), которая его сопровождала, Павла Федорова. Они жаловались на неправомерные действия воронежского воеводы Василия Михайловича Еропкина, который в нарушение царского указа «отпускать [жалованье из Воронежа на Дон] немедленно», всячески задерживает донской отпуск, не присылая к Карцеву кормщиков, гребцов и провожатых, велит ему «...запасы грузить самому». Более того, Еропкин отказался предоставить новые суда, прибывшие из Ефремова и Ельца, а заставляет грузить хлебные запасы в старые воронежские струги, которые «худы, з донской ход их не будет». К тому же, воронежский воевода препятствовал отправке в Москву гонца с жалобой от С.Карцева и П.Федорова³⁵.

Воеводе Еропкину была направлена царская грамота с указанием, чтобы он Карцеву «дал суды добрые,... чтоб хлебные и пушечные запасы и нашу денежную казну к донским атаманом и казаком довести здорово. <...> И отпустил бы еси Степана Карцова с Воронежа на Дон... тот час безо всякого задержанья...»³⁶.

14 июня 1649 г. в Москве была получена отписка от воеводы В.Еропкина. Он заявлял, что в Воронеже стоят 52 струга в отличном состоянии и что он, воевода, отдал их Карцеву и велел грузить хлебные запасы. Однако соловлянин эти струги принять отказался и погрузку не начал, дожидаясь судов из Ефремова и Елецкого уезда. Поэтому, продолжает В.Еропкин, задержка отпуска происходит не по его вине, а по вине С.Карцева, который «воронежских стругов не емлет и готовых хлебных запасов в те воронежские струги не грузит, неведомо для чего, и Донскому отпуску чинит мотчанья»³⁷.

Из Москвы вновь поступил приказ побыстрее уладить ситуацию и скорее отправлять жалованье на Дон³⁸.

Но 16 июня последовала новая жалоба от Степана Карцева. Соловлянин сообщает, что 6 июня воевода В.Еропкин, наконец, прислал к нему 130 ратных людей, которые должны быть гребцами. Карцев спросил их мнения о качестве предоставленных воеводой стругов. «И гребцы, все сто тридцать человек, сказали... про те струги, что они худы». С.Карцев велел эти свидетельства гребцов записать, чтобы отправить государю, но воевода запретил попам и другим грамотным воронежцам подписаться за гребцов. Карцев все равно отослал царю «сказку» гребцов о злоупотреблениях воеводы. В ней к тому же сообщалось, что воевода назначил этих гребцов «выбрав бедных людей». Сами они узнали об этой службе только 4 июня, и «они де к службе запасу никакова не готовили, а купить де ничим: твоего государева денежного жалованья им [воевода] не выдает»³⁹.

В общем, из-за всех этих проволочек и взаимных обвинений жалованье казакам отправилось в путь из Воронежа только 1 июля⁴⁰.

Прояснить ситуацию позволяет войсковая отписка в Москву от 16 декабря 1649 г. В ней атаман Павел Федоров и казаки его станицы подтвержда-

ли все обвинения в злоупотреблениях воеводы В.Еропкина, высказанные С.Карцевым. По свидетельству казаков Еропкин поступал так «для ради своей бездельной корысти, хотя с нас взять посулов»⁴¹. Т.е. все сводится к банальному мздоимству должностного лица!

Однако подобный случай все же исключение. Обычно подготовка и отправка донских отпусков проходила в гораздо более спокойной и конструктивной обстановке.

Таким образом, можно сделать вывод о значении города Воронежа как одного из ключевых центров донской политики Российского государства во 2-й трети XVII в., который являлся базой по подготовке и отправке государева жалованья донским казакам. Донские отпуски и все, что с ними связано: встреча различных грузов из Москвы и других городов, подготовка всевозможных «запасов» к «донской посылке», строительство и содержание транспортных средств, прежде всего, судов, погрузка, сопровождение, охрана и проч. – составляли весьма значимую часть жизни населения города, от высших должностных лиц до рядовых воронежцев.

Если же говорить о значении донских отпусков для русско-донских отношений в 30-х – начале 70-х гг. XVII в., то, с одной стороны, они способствовали поддержанию определенного материального и военно-технического потенциала казачества, что позволяло ему выдерживать крымско-турецкий натиск. А с другой – государево жалованье выступало средством экономического воздействия московских властей на войско Донское, втягивая его во все большую зависимость от Российского государя и государства.

¹ Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке//Из истории Воронежского края. Вып.1. Воронеж, 1961. С.133, 136.

² Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. С.90.

³ Там же. С.73.

⁴ Загоровский В.П. Указ.соч. С.142.

⁵ Мининков Н.А. Указ.соч. С.304-308.

⁶ Там же. С.308.

⁷ Там же. С.309.; Загоровский В.П. Воронеж: историческая хроника. Воронеж, 1989. С.25.

⁸ Донские дела. Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археографической комиссией (далее – ДД). Кн.4. СПб, 1913. Стб.57.

⁹ Там же; Загоровский В.П. Донское казачество ... С.141-143.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мининков Н.А. Указ.соч. С.312.

¹² ДД. Кн.4. Стб.57-59; Загоровский В.П. Донское казачество ... С.142-144.

¹³ ДД. Кн.4. Стб.731-733.

¹⁴ Там же. Стб.742.

¹⁵ Там же. Стб.746-747.

- ¹⁶ Там же. Стб.747.
- ¹⁷ Там же. Стб.908-910.
- ¹⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов (далее – Крестьянская война). Т.Ш. М., 1962. С.103.
- ¹⁹ Загоровский В.П. Донское казачество ... С.145.
- ²⁰ Крестьянская война. Т.1. М., 1954. С.162-163.
- ²¹ Там же. С.193.
- ²² ДД. Кн.4. Стб.2-3.
- ²³ Крестьянская война. Т.Ш. М., 1954. С.29.
- ²⁴ Там же. С.83-87.
- ²⁵ Там же. С.103-105, 145-149, 169-170.
- ²⁶ См.например: ДД. Кн.4. Стб.54-60.
- ²⁷ ДД. Кн.2. СПб, 1906. Стб.493.
- ²⁸ Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Воронеж, 1904. С.71.
- ²⁹ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова. Србраны и изданы К.Александровым-Дольником и Н.Второвым (Воронежские акты). Кн.2. Воронеж, 1852. С.182-183.
- ³⁰ Воронежские акты. Кн.3. Воронеж, 1853. С.97; ДД.Кн.2. Стб.105.
- ³¹ Там же. Кн.2. С.147-148.
- ³² Загоровский В.П. Донское казачество ... С.143-145.
- ³³ ДД. Кн.4. Стб.545-546; ДД. Кн.3. СПб, 1909. Стб.134.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Стб.126-130.
- ³⁶ Там же. Стб. 130-131.
- ³⁷ Там же. Стб.147-148.
- ³⁸ Там же. Стб.149.
- ³⁹ Там же. Стб.138-139.
- ⁴⁰ Там же. Стб.144.
- ⁴¹ Там же. Стб.326-327.

Е.В. Казмина

ВОЕВОДСКАЯ ВЛАСТЬ В ГОРОДАХ ВЕРХОСОСЕНСК И УСЕРД В 1702-1712 гг.

В течение всего XVII в. воеводское управление оставалось основной формой местного управления, а приказная изба была главным государственным учреждением в южных городах России. Отдельным этапом в истории воеводского управления можно считать первое десятилетие XVIII в. Это своеобразный переходный период от эпохи «классической» воеводской власти XVII века к губернской реформе Петра I. В результате реформы были созданы губернии как новые административно-территориальные единицы. С 1710 г. начали функционировать органы губернского управления. Возникла трехчленная система: губерния (как высшее звено), обер-комендантская про-

винция, уезд. В 1711 г. Верхососенск и Усерд вошли в состав Воронежской провинции Азовской губернии¹.

Настоящая статья представляет собой попытку изучить этот интересный этап в истории приказных изб на примере управления городами Верхососенск и Усерд. Эти крепости были построены в верховьях реки Тихой Сосны в ходе сооружения Белгородской оборонительной черты. К началу XVIII века они имели более чем полувековую историю существования.

Во главе городского управления как в Верхососенске, так и в Усерде, стоял воевода с соответствующим штатом приказной избы (подьячие). До начала петровских реформ воевода назначался из Разряда обычно на срок от двух до четырех лет. Попытаемся выстроить хронологию пребывания в должности верхососенских и усердских воевод в первом десятилетии XVIII века. В Верхососенске в 1702 г. и до февраля 1703 г. на воеводстве был Федор Лаврентьевич Хвоцинский². В январе 1703 г. в город приезжает стольник Леонтий Иванович Зыков, который сменяет Хвоцинского и остается главой Верхососенска до августа 1705 г.³ С августа 1705 г. по август 1709 г. городом руководит стольник Матвей Васильевич Колычев⁴. До приезда в Верхососенск он был воеводой Коротояка (приблизительно с 1702 г.)⁵. Впоследствии Колычев был назначен комендантом в Ольшанск и упоминался на этой должности в царской грамоте от 17 ноября 1710 г.⁶ В 1708-1709 гг. он управлял Верхососенском вместе со стольником Лукой Артемьевичем Милюковым, который чуть раньше находился на воеводстве в Ольшанске и объезжал верхососенские заповедные леса в августе 1704 г. Милюков регулярно упоминается в царских грамотах как верхососенский воевода с апреля 1708 г. по декабрь 1709 г.⁷ Кто управлял городом в 1710 г. и в начале 1711 г. не совсем понятно. Можно сделать предположение, что в этот период воеводы в Верхососенске не было. Управление городскими делами было сосредоточено в руках подьячих приказной избы Федора Маркова и Федора Лукина⁸. Некоторые факты могут свидетельствовать о том, что М. В. Колычев, будучи уже комендантом в Ольшанске, принимал участие в верхососенских делах. Так, 7 марта 1711 г. в приказной избе была подана царская грамота на имя подьячего Федора Маркова, датированная 28 февраля 1711 г. В ней речь шла о том, что «сево числа» с Воронежа послан сын боярский Парамон Лосев. Ему велено «до приезду ольшанского коменданта Матвея Колычева в Верхососенску правлением всяких дел и высылкой работных людей ведать». Лосев должен был принять городовые ключи у того, кому они были поручены на время отъезда М. В. Колычева из Верхососенска. Ф. Маркову повелевалось распорядиться об отдаче ключей Лосеву. В июле 1711 г. в Верхососенск была прислана царская грамота о том, что по указу великого государя Петра Алексеевича и «по приказу адмирала, кавалера, генерала и губернатора азовского и тайного советника Федора Матвеевича Апраксина велено быти в Верхососенском Фаддею Веневитинову». Грамота была адресована «кому ведать» верхо-

сосенские дела. В ней повелевалось передать Ф. Веневитинову городские ключи, полковые припасы, артиллерию, денежную казну, документы приказной избы и «во всем с ним, Фаддеем расписатца». Росписной список и отписку велено было подать в Воронеже в канцелярии земского правления ландрихтеру Степану Тимофеевичу Клокачеву⁹. Воронежский сын боярский Фаддей Антонович Веневитинов принял город у подьячих и управлял Верхососенском с середины июля 1711 г. до мая 1712 г.¹⁰. С октября 1711 г. в царских грамотах к нему обращаются не как к воеводе, а как к коменданту¹¹. С 1 мая 1712 г. по царскому указу и по приказу азовского губернатора Ф. М. Апраксина городом должен был управлять комендант Ефим Константинович Бломберхов, который оставался в Верхососенске вплоть до конца 1712 г.¹². Среди руководителей Верхососенска этого периода много воронежских детей боярских. Это Ф. Л. Хвощинский, П. Лосев, Ф. Веневитинов.

Период руководства Ф. А. Веневитинова отражает начальный этап воплощения в жизнь петровской реформы местного управления. Указом от 22 февраля 1711 г. был создан Правительствующий Сенат. Этим же указом был упразднен Разрядный приказ, он был преобразован в Разрядный стол Сената¹³. От Разряда ведущая роль в организации местного самоуправления на юге России перешла к новым органам власти. Участие в назначении воевод, а затем и комендантов отныне принимал азовский губернатор. Об этом свидетельствует формулировка царской грамоты о передаче воеводства Ф. А. Веневитинову. Ему велено «быти на Верхососенском» по царскому указу и «по приказу» азовского губернатора Ф. М. Апраксина. Росписной список как итоговый документ по факту передачи города новому владельцу повелевалось предъявлять в Воронеже в канцелярии земского правления ландрихтеру. Таким образом, центр управления южнорусскими городами сместился из столицы в провинцию.

В городах первыми помощниками воевод в государственных делах были подьячие, профессиональные делопроизводители. Они представляли собой постоянную часть личного состава приказных изб и, как правило, были выходцами из местного населения. В соответствии с данными переписной книги Верхососенского уезда за 1710 г. в городе было три двора, принадлежавших подьячим приказной избы. Хозяином одного двора был 40-летний подьячий Федор Лукьянов сын Марков. У него было два младших брата, 35-летний Алфер и 32-летний Петр. С женой Аксиной Дмитриевой дочерью Федор нажил четырех дочерей в возрасте от года до девяти лет. Всего во дворе Федора Маркова проживало 25 человек. Из них взрослых было пятеро мужчин и шесть женщин.

Главой второго двора был 45-летний подьячий Федот Исаев сын Зацепин. У него было пятеро детей: три сына и две дочери. Старший сын Игнат пошел по стопам отца и в свои 25 лет тоже был подьячим. Вместе с женой Марфой и двумя дочерьми он жил на отцовском дворе. Семья у Зацепина бы-

ла поменьше, чем у Маркова. Она состояла из 11 человек: двое взрослых мужчин с женами и семеро детей.

Еще один двор принадлежал самому старому из верхососенских подьячих 55-летнему Игнатию Дмитриеву сыну Переверзеву. У него было пятеро сыновей. Старший, Иван, записан в переписную книгу как подьячий. Вся семья Переверзева состояла из 12 человек: трое мужчин с женами и детьми ¹⁴.

Таковы в общих чертах сведения о штатах верхососенской приказной избы в первом десятилетии XVIII века.

Данные о воеводах Усерда менее полны. С января по июль 1702 г. Усердом управлял стольник Алексей Васильевич Беклемишев ¹⁵. Чуть ранее он сидел на воеводстве в Воронеже, куда был назначен примерно в 1699 г. ¹⁶. В Усерде А. В. Беклемишев показал себя недобросовестным руководителем. Дело в том, что из Москвы из Оружейной Палаты в города Острогожск, Ольшанск, Усерд и Полатов был послан сыщик Иван Дмитриев «для сыску про корчемную и табачную продажу». Воеводам, приказным людям и бурмистрам этих городов было велено во всем ему помогать. Однако 9 января 1702 г. И. Дмитриев писал из Острогожска в Оружейную Палату и жаловался на Беклемишева. По словам сыщика усердский воевода «для сыску корчемного табака постоянных дворов, и чернил, и бумаги, и подьячего, и служилых людей не дал». Беклемишев даже не расписался о приеме в приказной избе царской грамоты от Дмитриева, в которой повелевалось оказывать сыщику всякое содействие. В ответ на жалобу Дмитриева в Усерд была послана новая царская грамота от 24 марта 1702 г. В ней содержалось требование к Беклемишеву: до 30 апреля 1702 г. он должен был прислать в Москву сказку обо всем своем «непослушании». Так как воевода никак не отреагировал на это повеление, то в следующей грамоте было написано «доправить» на нем пеню. Дмитриев жаловался на нерадивость воевод еще раз. Он вновь писал в Оружейную Палату 13 июля 1702 г. и уверял, что ольшанский воевода Михаил Гвоздев и все тот же Беклемишев ни в чем ему не помогают ¹⁷. Возможно, по причине отсутствия усердия в середине июля 1702 г. Беклемишева сменил Иван Степанович Голосин. Он управлял Усердом примерно до апреля 1704 г. ¹⁸. С ноября 1704 г. по июль 1706 г. на воеводстве в Усерде был Петр Кириллович Зыбин ¹⁹. Следует отметить, что А. В. Беклемишев и П. К. Зыбин были из числа воронежских детей боярских.

Согласно переписной книге Усердского уезда за 1709 г. в городе было девять подьяческих дворов. Четыре принадлежали подьячим приказной избы. Хозяином одного двора был Афонасий Агеев сын Губин. С ним проживал его двоюродный брат Иван Петров сын и приемный сын Григорий Алексеев сын Андреев. Остальные три двора принадлежали представителям целой подьяческой династии Александровых. На одном из дворов проживал Петр Семенов сын с двумя малолетними детьми. На другом дворе обустроился Осип Павлов сын с двумя детьми, на третьем хозяйничал Иван Семенов сын. На своих дво-

рах Александровы держали наймитов. У Губина проживал дворовый купленный человек Кирилл с сыном²⁰. Усердские подьячие различались по своей квалификации. Конечно, опытные подьячие везде пользовались большим спросом. Князь Иван Михайлович Кольцов - Мосальский, воевода Белгородского полка, 28 мая 1702 г. писал Беклемишеву и просил прислать к нему в Каменный Затон «усердского приказной избы подьячего самого доброго и знающего для письма полковых дел»²¹. Беклемишев послал к нему Осипа Александрова. Но Кольцова-Мосальского такой подьячий не устроил, так как он «к делам незобычен и писать не умеет». Он вновь писал в Усерд 2 ноября 1702 г. и потребовал прислать Афонасия Губина. При этом он напомнил, что по указу великого государя и по грамоте из Разряда велено посылать в Каменный Затон только «добрых» подьячих, то есть самых опытных и знающих. Голосеину, который сменил Беклемишева в Усерде, пока шла эта переписка, пригрозили взысканием пени и тем, что Губин будет взят и без его согласия²². Однако хороший делопроизводитель был нужен и в самой усердской приказной избе. В ответ на грозные требования Голосеин отписался, что подьячий Афонасий Губин сидит в приказной избе «у письма крепостных дел и у продажи гербовой бумаги», да его же велено выслать в Оружейную Палату с государевой денежной казной. Свою отписку он закончил словами: «и что ты, господине, на это укажешь»²³. По всему видно, что Губин был «добрым» подьячим, вполне заслуживающим доверия воеводы. Он работал в приказной избе еще долгие годы и после губернской реформы. Он упоминается в документах как подьячий усердской избы в 1721 г.²⁴ В Усерде было пять дворов площадных подьячих. Два из них принадлежали Александровым, Василию Степанову сыну и Родиону Петрову сыну. Хозяевами на остальных были Терентий Тимофеев сын Рыжий, Трофим Иванов сын Торхов и Иван Иванов сын Дьяконов²⁵.

В рассматриваемый период основными категориями населения Верхососенска и Усерда были служилые люди (дети боярские, стрельцы, казаки, солдаты), крестьяне, священнослужители (в Верхососенске было одиннадцать церквей, а в Усерде пятнадцать). Всего в Верхососенске было по переписи 1710 г. 689 дворов, в Усерде по данным 1709 г. около 800 дворов. В переписных книгах определялось количество людей, которым велено быть «у городских обыкновенных служб для рассылок и караулов и у описных лесов». Этих людей освобождали на год от государственных работ, таких как заготовка леса для строительства судов, кораблестроение и прочих. Основных городских служб было восемь. В Усерде в 1709 г. на них было задействовано 59 человек, в Верхососенске в 1710 г. 52 человека:

- 1) по два человека на карауле у каждого городских ворот (у одних в Верхососенске и у трех ворот в Усерде);
- 2) по два человека в сторожах в приказной избе;

3) четыре человека в Верхососенске (два в Усерде) охраняли казенный погреб и оружейный амбар;

4) по шесть человек из нестроевых в денщиках для посылки в города и уезды;

5) четыре человека в Верхососенске (десять в Усерде) для высылки «рабочих людей» на государственные службы;

6) по десять человек «с переменою» подводчиков для посылки в разные города;

7) двенадцать станичников в Верхососенске (десять в Усерде) для посылки в Воронеж и другие города с воеводскими отписками;

8) двенадцать человек в Верхососенске (тринадцать в Усерде) лесных объездчиков «для осмотра и береженья описных лесов»²⁶.

В связи с активными кораблестроительными работами в Воронеже в начале XVIII века охрана заповедных лесов приобрела особое значение. С 1702 г. охраной лесов Верхососенского, Усердского, Ольшанского, Полатовского уездов руководил стольник Степан Тимофеевич Клокачев. В своей отписке в приказ Адмиралтейских дел к Ф. М. Апраксину в октябре 1702 г. он жаловался на плохую организацию службы лесных объездчиков в подведомственных ему городах. Он писал, что в прошлых годах были выбраны лесные объездчики из числа детей боярских и иных служилых чинов. Но воеводы и приказные люди в городах этих объездчиков высылают на службу или отправляют "в посылки" по своим воеводским делам, "а иных берут в приказные избы и держат по несколько дней или недель неведомо зачем". Поэтому объездчики свои наказы не выполняют: заповедные леса не объезжают и "посеченные" леса во дворах не ищут. С. Т. Клокачев просил запретить воеводам и приказным людям отрывать объездчиков от их дела. Периодически выходили царские указы, направленные на охрану лесов. Например, 23 июня 1703 г. в Верхососенск был прислан указ, запрещающий вырубку "описных лесов" под угрозой штрафа. В Усерде в приказной избе 13 апреля 1703 г. была подана грамота о запрете делать дубовые гробы (можно только сосновые или еловые), чтобы сберечь ценную древесину для строительства судов. В тот же день эта грамота была переписана в записную книгу подьячими и сослана в Верхососенск для сведения местного воеводы. С августа 1704 г. в верхососенские леса "надзирателем" был назначен Л. А. Милюков. А С. Т. Клокачев с января 1706 г. стал ведать не только усердские, верхососенские, ольшанские, полатовские, но и коротоякские, битюцкие, икорецкие и серебские леса. Воеводам всех этих городов были посланы грамоты об оказании ему любого содействия²⁷.

Ежегодно, в соответствии с указаниями Разряда, воеводы распоряжались о составлении в приказных избах подьячими сметных годовых росписей. В эти росписи входило описание прикрепостных укреплений (ров, земляной вал), городской крепости, военных припасов, гарнизонного вооружения. Объ-

зательным было составление списков населения «по чинам и именам», в том числе умерших, ушедших в другие города и вновь прибывших людей. Составленные сметные годовые росписи воевода высылал в Белгородский полк, откуда их отправляли в Разряд. В городах следили за всеми перемещениями населения. По распоряжению Разряда подьячие были обязаны брать сказки у «пришлых людей» о том, откуда они прибыли, где именно проживают в городе. Например, в Верхососенске в июле 1704 г. подьячие, заручившись памятью от воеводы и поддержкой служилых людей, должны были переписать и расспросить всех жителей, прибывших в город после переписи 1700 г.²⁸ Причиной такого пристального внимания было то, что эти пришлые люди зачастую селились на землях старожилов и мешали законным владельцам распорядиться своими участками. Кроме того, вновь прибывших нужно было записывать в списки работных людей, обязанных участвовать в государственных работах.

Конечно, основной работой подьячих было ведение делопроизводства. Они принимали в приказной избе различные документы. Записывали их прием в специальных книгах. Существовали книги для записи челобитных, царских грамот. На обороте грамот фиксировалась дата приема документа, данные о том, кто доставил документ по назначению. Сами составляли документы, руководствуясь при этом соответствующими государственными указаниями. Например, в 1706 г. составление документов о закреплении было строго регламентировано соответствующим царским указом и новоуказными статьями. В частности, в указе говорилось о том, что нужно "крепости писать, как и всякие приказные дела, на листах, а не на столбцах, и руки прикладывать тому, кто дает на себя крепость. Далее следовала подробнейшая инструкция, где в документе должны стоять все необходимые формулировки. Поручители должны были подписываться "в ряд ровными строками", так же и свидетели. После них подписывался подьячий, составивший купчую. Он расписывался о взятии денег за купчую и о записи крепости в книгу. В книге нужно было обязательно указать дату составления документа и имя закрепощенного. После текста указа следовали статьи о видах крепостей, о взимании пошлин, то есть посвященные разным частным вопросам. Но написанием и приемом документов работа подьячих не ограничивалась.

В числе прочих обязанностей, подьячие в приказной избе выполняли функцию своеобразных «казначеев». Зачастую им приходилось заниматься сбором, хранением и высылкой по назначению различных государственных податей. На верхососенских и усердских подьячих был возложен сбор «денег вместо службы». Служилые люди, которые по каким-либо причинам не были на государственных работах, должны были платить деньги (серебро) в государеву казну. Свои платежи они приносили в приказную избу, отдавали подьячему, а взамен получали платежную отпись. Подьячие записывали эти взносы в специальные книги. В них фиксировалось, за какую именно службу

получены деньги, от кого и сколько. Вместе с деньгами эти книги нужно было отвозить в Разряд, где подьячие отчитывались за принятые платежи. В дорогу воевода выделял для охраны казны в провожатые служилых людей. Основной государственной повинностью для верховосенцев и усердян в начале первого десятилетия XVIII века (вплоть до конца 1704 г.) было участие в строительстве крепостей Азова и Троицкого на Таганроге ²⁹. По именному царскому указу от 24 февраля 1705 г. города Верховосенск, Усерд, Урыв, Ольшанск и Острогожск были приписаны к корабельным строительным работам в Воронеже. Воеводам этих городов было дано указание выслать в Воронеж именные списки работных людей, расписанных по селам и деревням. Обязанность по написанию таких списков была возложена на подьячих. От строительства Азова и Троицкого верховосенцы и усердяне были освобождены. С «отставленных» от воронежского кораблестроения тоже взимались деньги ³⁰. С 1711 г. по именному царскому указу высылкой работных людей на государственные службы из городов Верховосенск, Усерд, Урыв, Ольшанск, Острогожск и Полатов должен был руководить коротоякский комендант князь Петр Львович Касаткин. В приказных избах этих городов подьячие были обязаны составить именные списки работных людей и выслать в Коротояк. С этого времени завязалась активная переписка Верховосенска и Усерда с Коротояком ³¹.

Хорошие подьячие в городах были на вес золота. Тем не менее, существовала практика записи подьячих в военную службу. В начале 1705 г. руководство Разряда решило организовать общероссийский смотр подьячих. В города были посланы царские грамоты. В них повелевалось подьячих приказных изб "всех замосковных, рязанских, заоцких, Белгородского полку, Севского полку городов, которые служилых отцов дети полковой сотенной службы, и копейщиковы, и рейтарские, и солдацкие, и иных нижних чинов, и площадных дьячков, которые в возрасте для смотру, высылать всех к Москве". То есть, больше всего шансов попасть в рекруты имели подьячие, недавно вышедшие из служилых чинов, а не потомственные делопроизводители. В Верховосенске Л. И. Зыкову в грамоте от 10 января 1705 г. было велено организовать высылку местных подьячих и дьячков в течение января 1705 г. Но вскоре московские власти переменили свое решение. В царской грамоте от 6 февраля 1705 г., присланной в Верховосенск, говорилось о том, что подьячих городов Белгородского и Севского полков высылать не велено. В эти города будет послан разборщик стольник Юрий Степанович Нелединский-Мелецкий. Он и будет разбирать служилых людей и подьячих, которые "служилых отцов дети" ³². К 1711 г. практика записи из подьячих в служилые люди еще более утвердилась. В октябре 1711 г. в Верховосенск к Ф. А. Веневинову пришла грамота из канцелярии земского правления. В ней повелевалось прислать в Воронеж на смотр верховосенских площадных дьячков, приказных подьячих и их детей. Вместе с ними требовалось выслать и их имен-

ные списки. В грамоте указывалось, что из этих подьячих в Воронеже будут выбраны "даточные", т. е. те, кто будет отдан в службу в качестве рекрута. А остальные подьячие должны будут сдать деньги по 10 рублей с человека. Эти средства будут переданы рекрутам³³. В июне 1712 г. в города Воронежской провинции был послан стольник Иван Дмитриевич Хлопов для разбора подьячих этих городов. Верхососенскому коменданту Е. К. Бломберхову было велено оказывать ему всякое содействие во время разбора, а затем распорядиться о высылке в Москву тех, кто будет записан в службу³⁴.

На смотры высылали не только подьячих, но и воевод. В 1703 г. в Москве проводился смотр "московских чинов людей, которые были в Москве в приказах и у дел, и в городах на воеводствах, и на приказах, и в посылках, и которые из посылок и от дел освободились". В грамоте в Верхососенск Л. И. Зыкову было велено выехать в Москву на смотр, оставив все приказные дела "кому пригож" из отставных дворян или первой статьи старому подьячему. А Л. И. Зыков должен был записать свой приезд в Разряде до 1 декабря 1703 г.³⁵ То есть допускалось краткосрочное пребывание подьячего в должности "заместителя" воеводы. Из Усерда, в ответ на грамоту о высылке московских служилых людей в Разряд на смотр, И. С. Голосеин отписал, что в его городе помещиков и вотчинников московских чинов нет ни одного человека³⁶.

Необходимо сказать несколько слов о материальном обеспечении приказных изб к концу первого десятилетия XVIII века. Деньги на бумагу, чернила и свечи собирали с населения. Например, в июле 1711 г. из канцелярии земского правления в Коротояк П. Л. Касаткину был послан царский указ. В нем речь шла о том, что на приказные расходы воронежского присутствия (свечи, чернила, бумагу) на 1710-1711 гг. и "впредь на все годы" велено собирать с работных людей, попов, церковных причетников и крестьян по три деньги со двора. Касаткин писал об этом указе в города Верхососенск, Усерд, Урыв, Острогжск, Ольшанск и велел воеводам собирать эти деньги и присылать в Воронеж по две деньги со двора. А треть собранных средств оставалась в городах на местные приказные расходы³⁷.

В связи с созданием в январе 1704 г. Семеновской приказной палаты в городах Верхососенск и Усерд проводился пересмотр прежних и введение новых оброков, податей и пошлин. Происходило это потому, что Семеновской канцелярии была передана вся ответственность за поступление всех оброчных сборов. Само это учреждение представляло собой совокупность ряда приказов (канцелярий): Банная, Медовая, Мельничная, Рыбная, Постоялая и другие канцелярии. Возглавлял его А.Д. Меньшиков. В течение 1704-1705 гг. многочисленные грамоты из Разряда и из Семеновской приказной палаты к воеводам Верхососенска и Усерда повелевали организовать в этих городах переписку оброчных статей. Нужно было переписать все оброчные статьи и торговые промыслы, которыми владели русские или иноземцы "на откупе" или "на вере". Затем предполагалось составление описных книг с указанием,

кто какими статьями и на каких условиях владеет. Такие книги надо было отправлять в Разряд, а оттуда книги высылались в саму канцелярию, которая находилась в подмосковном селе Семеновском. Воеводы должны были распорядиться о переоброчке рыбных ловель, бортных угодий, конских площадок, торговых бань, мельниц, постоянных дворов и т. д. Перепиской оброчных статей занимались в основном подьячие приказных изб. В Верхососенск, Усерд, Н. Оскол, Тополи, Валуйку, Царев-Борисов и другие города приезжал Алексей Алексеевич Есипов. По наказу ландрихтера Азовской губернии П. В. Кикина от 25 августа 1709 г. он должен был принять у воевод и подьячих ведомости различным окладным и неокладным сборам, оброчным статьям, канцелярским сборам за 1696/97-1709 гг. Он же принимал и саму денежную казну. В наказе А. А. Есипову оговаривалось, что он должен был принимать ведомости, обязательно заверенные подьячими приказных изб³⁸.

Таким образом, в первом десятилетии XVIII века управление Верхососенском и Усердом продолжало представлять в основных чертах вариант "классического" воеводского управления: сосредоточение всей полноты власти в руках воеводы, существование приказных изб, где вершились все государственные дела, наличие штата подьячих как главных воеводских помощников. Но в этот стандартный образец включались постепенно новые черты: переход руководящей роли в организации местного управления к воронежской земской канцелярии во главе с ландрихтером, сосредоточение большего числа полномочий в руках подьячих. Наблюдалась передача управления отдельными государственными отраслями (охрана заповедных лесов, высылка работных людей на службы и других) в руки конкретных людей. Во втором десятилетии XVIII века наступила новая страница в истории не только Верхососенска и Усерда, но и всех южнорусских городов.

¹ Комолов Н. А. Средние и низшие административно-территориальные единицы Азовской губернии в 1710 – 1720-е гг. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2003. Вып. 11. С. 65.

² Государственный архив Воронежской области (далее - ГАВО), ф. И-304, оп. 1, д. 1, л. 11-12, 45-50.

³ Там же. Л. 2, 3, 13-24, 26, 27, 29-41, 53-56, 59-60, 84, 85, 106, 107, 124-127, 187, 188, 201-204, 217-220, 223-226, 239-242, 246, 247, 276-279.

⁴ Там же. Л. 243, 244, 249-252, 256, 257, 266, 267, 270, 271, 281-284, 296-332, 335-342, 349-422, 455, 500, 505, 506, 527-529, 539, 540.

⁵ Там же. Л. 268, 269, 333, 334; ф. И-171, оп. 3, д. 26, л. 1-4.

⁶ Там же. Ф. И-304, оп. 1, д. 1, л. 556.

⁷ Там же. Л. 162, 501-504, 507-526, 532-538, 546-555.

⁸ Там же. Л. 557, 559-578, 581-589, 591, 601.

⁹ Там же. Л. 557, 558.

¹⁰ Там же. Л. 579, 590-601, 603-612.

¹¹ Там же. Л. 611.

¹² Там же. Л. 750.

- ¹³ Государственность России (конец XV в. – Февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 4 (Р-Я). М.: Наука, 2001. С. 14.
- ¹⁴ ГАВО, ф. И-304, оп. 1, д. 2, л. 148-163.
- ¹⁵ Там же. Ф. И-298, оп. 1, д. 2, л. 8, 9, 12, 13, 17, 18, 20, 23, 30, 31.
- ¹⁶ Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России: противодействие уголовной преступности. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2001. С. 163.
- ¹⁷ ГАВО, ф. И-298, оп. 1, д. 2, л. 14, 15, 28, 29.
- ¹⁸ Там же. Л. 24-31, 34-41, 44-51, 60, 62, 63, 74, 75, 80, 81, 85, 86, 89, 90, 95, 96, 173, 174.
- ¹⁹ Там же. Л. 186, 187, 197, 198, 216, 217, 225-228, 238-240, 248.
- ²⁰ Там же. Д. 1, л. 1. л. 66.
- ²¹ Там же. Д. 2, л. 16.
- ²² Там же. Л. 44, 45.
- ²³ Там же. Л. 56.
- ²⁴ Там же. Ф. И-296, оп. 1, д. 1, л. 2 об.
- ²⁵ Там же. Ф. И-298, оп. 1, д. 1, л. 66.
- ²⁶ Там же. Л. 35; ф. И-304, оп. 1, д. 2, л. 143 об.
- ²⁷ Там же. Ф. И-304, оп. 1, д. 1, л. 9, 10, 25, 39, 40, 162, 258, 259; ф. И-298. оп. 1. д. 2. л. 78, 79.
- ²⁸ Там же, ф. И-304, оп. 1. д. 1. л. 51, 52, 138, 139, 146, 147, 173-176, 181, 182, 193, 196; ф. И-298, оп. 1, д. 2, л. 82, 83.
- ²⁹ Там же. Ф. И-304, оп. 1, д. 1, л. 5, 6, 35, 36, 43, 44, 73-76, 86-89, 122, 123, 130, 131, 135, 137, 156, 157, 165, 166, 193, 194, 223, 224, 233, 234, 239, 240, 290-295; ф. И-298, оп. 1, д. 2, л. 17, 18, 22, 66, 67, 70, 71, 74, 75, 85, 86, 113-116, 123-126, 173, 174.
- ³⁰ Там же. Ф. И-304, оп. 1, д. 1, л. 227, 228, 250, 251, 260.
- ³¹ Там же. Л. 559-578, 601, 602, 612, 613, 682, 683.
- ³² Там же. Л. 74, 75, 208, 209, 215, 216.
- ³³ Там же. Л. 613.
- ³⁴ Там же. Л. 751.
- ³⁵ Там же. Л. 2, 3, 15, 16.
- ³⁶ Там же. Ф. И-298, оп. 1, д. 2, л. 101, 102.
- ³⁷ Там же. Ф. И-304, оп. 1, д. 1, л. 560, 561.
- ³⁸ Там же. Л. 53, 54, 61-70, 79, 83, 98, 100, 112-115, 124, 125, 128, 129, 187, 188, 197, 201, 204, 211, 212, 235, 236.

И.Ю. Иголкин

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ ПАВЛА I.

Конец XVIII века в Европе прошел под знаком Великой Французской революции – события, изменившего мировую историю, приведшего к формированию системы международных отношений в Европе. Опасения, вызванные, с одной стороны, казнью короля и развязанным террором против представителей дворянства и духовенства, а с другой – возможностью экспорта революции в соседние с Францией страны, привели к возникновению анти-французской коалиции, созданной императором Австрии и королем Пруссии. Инициатором её выступила Англия.

Революционная французская армия не только сумела отразить интервенцию европейских держав, но сама перешла границы Франции и стала перекраивать политическую карту Европы, создавая марионеточные государства.

Екатерина II испытывала неприязнь к революционной Франции, что было связано со страхом расшатывания основ абсолютизма в Европе. Важную роль в антифранцузских настроениях императрицы играли и внешнеэкономические интересы империи. Россия являлась крупнейшим экспортером сельскохозяйственной продукции на западноевропейские рынки, в первую очередь в Великобританию. Экономическая политика Директории носила антианглийский характер, что отражалось на российском экспорте. С политической точки зрения падение французской монархии приводило к дестабилизации в Европе и нарушало «баланс сил»¹.

Итак, в своем отношении к Франции Екатерина II руководствовалась экономическими и внешнеполитическими интересами России.

Но при всем при этом активных военных действий против революционной Франции Екатерина не вела. Императрица ограничилась отправкой эскадры в Англию и выплатой субсидий Австрии². Кроме того, её действия сводились к тому, чтобы вызволить Людовика XVI и его семью из Франции при помощи дипломатического давления на «французское революционное собрание»³.

Причиной такого поведения служило финансовое истощение казны, связанное с жестокими и длительными войнами, которые вела Россия.

В связи с успехами революционной армии и возрастающей территориальной экспансией молодого буржуазного государства французский вопрос для Екатерины выглядел следующим образом: или Россия примирится с разгромом сил I антифранцузской коалиции и будет ждать своей очереди, либо примет активное участие в коалиции и постарается уничтожить революцию собственными силами.

С января 1793 г. Россия активизирует свое участие в борьбе с революционной Францией с целью остановить «экспорт» революции, защитить «старый порядок», абсолютизм и социальные привилегии господствующего класса⁴.

5 апреля 1. года после заключения Базельского мира Екатерина вступила в дипломатические контакты с Англией по вопросам субсидирования русской армии на случай ее вступления в войну на стороне коалиции.

Ещё в 1792 г. с целью подавления революции путем вооруженного вмешательства были заключены договоры с Австрией и Пруссией о совместных действиях против Франции. 60-тысячный корпус под командованием фельдмаршала Суворова готовился к походу на Париж.

В августе 1796 г. с решением польского вопроса Россия окончательно сосредотачивает свое внимание на французских делах. Однако в ноябре 1796 г., в разгар приготовлений к войне, Екатерина II умирает.

Борьба, которую Россия собиралась вести против Франции, была, в первую очередь, борьбой с агрессивными устремлениями буржуазной республики. Экспансия Франции на Юге Европы угрожала ближневосточным интересам Российской империи. Россия стремилась помешать Франции подчинить своему влиянию итальянские и германские государства, а также не допустить объединения враждебных России государств – Швеции, Турции, Пруссии, Австрии под её эгидой⁵.

Подготовкой к борьбе с Францией завершила свою внешнеполитическую деятельность Екатерина, этим начал свою – Павел I.

Однако, вступив на престол, он свернул все военные приготовления Екатерины: посылку войск во Францию, отменил рекрутский набор, вернул из Англии эскадру русских кораблей, расторгнул секретный договор с Англией.

Такое поведение императора может быть объяснено крайним истощением людских и материальных ресурсов страны, а также внутренней слабостью и непрочностью коалиции⁶.

Дело в том, что правительство Питта Младшего после Базельского мира стремилось наладить мирные отношения с Францией, а без английских субсидий русские военные планы едва были бы не осуществимы из-за плохой финансовой базы Российской империи. Два государства Центральной Европы – Пруссия и Австрия – также занимали неустойчивое положение по отношению к коалиции. Так, Пруссия заключила конвенцию с Францией, а Австрия из-за военных неудач занимала колеблющуюся позицию. 18 апреля 1797 года Австрия заключила прелиминарный договор в Леоберне, а затем 17 октября того же года в Кампо-Формио подписала мирный договор с Францией. Австрия признавала все французские завоевания в Европе. Бельгия стала частью Франции, северная Итальянская (Цизальпинская) республика была признана Австрией. От Базеля до Альдернаха левый берег Рейна стал французским⁷. Италия и Ионический архипелаг также отходил к Франции. Кроме того, этот договор имел своей целью попытку изолировать Россию от европейских дел.

Понимая все это, вице-канцлер Российской империи А.Б. Куракин в марте 1798 года констатировал, что ни с венским, ни с берлинским дворами союз пока невозможен, и поэтому не следует «становиться во враждебные отношения с Францией при её теперешнем перевесе»⁸.

Учитывая неблагоприятное внешнеполитическое положение, в котором оказалась Россия, Павел приказал вице-канцлеру И.А. Остерману в циркулярной ноте сообщить европейским державам о мирных с ней отношениях со стороны России⁹.

Европа по-разному отнеслась к мирной декларации России. Англия на время с ней примирилась, Австрия была полна негодования, но все ее эмоции не вышли за стены Кабинета. Пруссия приветствовала позицию России, так как это сохраняло русско-прусский союз, очень выгодный для Пруссии, решавшей спорные вопросы с Францией и дающий возможность ей на него опереться.

17 декабря 1796 г. министр иностранных дел Франции Делакруа дал своему посланнику в Берлине Кальяру поручение через прусского министра иностранных дел Гаутвица: осуществить дипломатический зондаж на предмет установления контактов с Петербургом.

Талейран, сменивший Делакруа в июле 1797 г. на посту руководителя министерства внешних сношений, считал, что основные причины, побудившие Директорию заключить соглашения с Россией, – стремление изолировать Англию, лишить Австрию русской поддержки, прорвать внешнеполитическую изоляцию Французской республики. В официальном Париже надеялись компенсировать потери колониальных владений Франции, сокращение её внешней торговли и убытки от британского морского разбоя путем проникновения на русский рынок. Этому фактору Талейран придавал особое значение, так как, по его мнению, интересы французских деловых кругов в большей мере требовали сближения с Россией, чем «политические расчеты»¹⁰.

В августе 1797 г. начались неофициальные русско-французские переговоры в Берлине. Указания Талейрана Кальяру предусматривали восстановление нормальных политических и торговых отношений между двумя странами, подписание соответствующих соглашений между ними, обмен дипломатическими представителями. Основная цель состояла в том, чтобы, по крайней мере, нейтрализовать Российскую империю, не дать ей вступить в антифранцузский союз с другими европейскими государствами.

Россия стремилась выступить в роли посредника при заключении в Европе всеобщего мира. С помощью русско-французского соглашения в Петербурге хотели укрепить международное влияние Российской империи и не ухудшить при этом свои отношения с монархическими державами.

Официально Петербург демонстрировал сдержанность и готовность к нормализации дипломатических отношений. Обмен миссиями царские сановники считали делом будущего, когда режим во Франции докажет свою прочность. При этом Павел I был настроен против русско-французского договора 1787 г. о дружбе, торговле и мореплавании.

В то время, пока Россия вела трудные переговоры, Франция расширяла сферу своего влияния, создавая марионеточные государства: Батавскую республику, республики в Италии. Таким образом, расширение жизненного пространства Франции создавало угрозу для монархических режимов Европы. Не могло это не пугать и Россию, боявшуюся нового крестьянского движения у

себя в стране, распространения республиканских идей в славянских землях на Балканах и постепенного продвижения революции на Восток¹¹.

Переориентация русской дипломатии от переговоров к военной конфронтации вытекала из анализа изменившейся ситуации в Европе. Франко-австрийские переговоры о мире в Кампо-Формио затягивались. Переговоры в Лилле с Англией тоже были далеки от завершения.

Изменения ситуации в Европе вынуждали Павла определиться с внешнеполитическим направлением и с союзниками. Он решает отложить заключение русско-французского договора.

В конце 1797 – начале 1798 гг. Павел вновь поднимал вопрос о возобновлении русско-французских переговоров при условии, что инициатива должна исходить со стороны французского посланника.

Однако попытка русско-французского сближения не удалась, поскольку император Павел I пришел к выводу, что задачи ограничения французской экспансии в Европе надо решать военными мерами, а для этого нужно было воссоздать коалицию. Пруссия превратилась в яблоко раздора между Парижем и Петербургом. Каждая из сторон стремилась договориться с прусским королем, заставить его отказаться от нейтралитета и перейти в свой лагерь.

Талейран считал, что французские интересы требовали, чтобы Пруссия отодвинулась от новых границ Франции и Батавской республики, но расширила бы свои владения на востоке и на севере Германии.

Директория трижды официально настаивала на «полном объединении сил и средств» Франции и Пруссии. Но прусская дипломатия не хотела связывать себе руки формальным союзом с Директорией, в надежность и стабильность которой в Берлине не верили.

Сближения с Пруссией пыталась добиться и русская дипломатия, но это была нелегкая задача. Противоречия между двумя странами обострились в связи с претензиями Пруссии на гегемонию в Германской империи. Русский император через своего посланника в Берлине Н.П. Панина сообщил прусскому королю Фридриху-Вильгельму, что если Пруссия, действуя как сторонник Франции, хочет поживиться за счет германских государств, то Россия ни при каких условиях не согласится с изменениями в политической системе Европы.

В Петербурге не ограничились переговорами по обычным дипломатическим каналам - весной 1798 г. с чрезвычайным посольством в Берлин и Вену выехал генерал-фельдмаршал Н.В. Репин. «Главнейшей заботой князя должно быть примирение интересов и заявлений Австрии и Пруссии об их обоюдных вознаграждениях в Германии; но затем он должен будет предложить тот великий союз, который воздвигнет оплот против хищнических покушений французов»¹².

«Великий союз», о котором писал вице-канцлер Куракин Панину, в то время еще не был заключен, так как Пруссия и Австрия ради собственных

интересов в Германии готовы были уничтожить друг друга. Павел I, стремившийся ради общего блага примирить своих союзников, взял на себя роль посредника между ними.

Посольство в Пруссию успеха не имело, ибо прусский министр иностранных дел Гаутвиц не желал связывать себя обязательствами по отношению к Австрии. Кроме того, Пруссия не хотела порывать связи с Францией.

Австрия, напротив, стремилась превратить договор из оборонительного в наступательный, настаивая на немедленной отправке к ней российского 12-тысячного корпуса.

Параллельно созданию коалиции Россия стремилась обеспечить свое преобладание в таком ключевом и важном для нее районе, как Южная Европа. Кроме того, Россия стремилась укрепиться на Средиземном море. Лучшим местом для этой цели мог служить остров Мальта. В 1797 г. Павел взял остров и Орден иоаннитов, располагавшийся на нем, под свое покровительство.

Однако, в самом начале своей египетской компании, в 1798 г., остров был захвачен Наполеоном Бонапартом, что было воспринято русским императором как личное оскорбление и вызов России.

10 сентября 1798 г. Павел принял Орден Св. Иоанна Иерусалимского под свое верховное руководство, а 29 ноября стал великим магистром ордена. Таким образом, по мнению Н.К. Шильдера, увлечения рыцарскими идеалами окончательно привели императора в стан противников Франции¹³. Фактически взятие Мальты послужило поводом для открытия военных действий новой коалиции.

23 декабря 1798 г. Россия заключила союзный и оборонительный договор с Османской Портой, направленный против Франции. Распространение влияния Франции на Западные Балканы и установление ее господства на Ближнем Востоке встревожило как Россию, так и Турцию. Это обстоятельство способствовало сближению старых противников. 3 января 1799 г. был заключен русско-турецкий договор. По этому договору проливы Босфор и Дарданеллы открывались для прохода русского флота. Россия обещала Турции военную помощь в случае агрессии со стороны Французской республики.

24 декабря 1798 г. был заключен русско-английский союз. Послу Англии в России лорду Уитворту удалось убедить Павла I в активизации своей внешней политики, направленной против Франции в союзе с Австрией и Англией. На помощь Англии вышла русская эскадра – 15 линейных кораблей и 4 фрегата. Русский корпус направился в распоряжение короля Обеих Сицилий. На Мальту отбыли три батальона гренадеров и артиллеристы.

Несмотря на наличие значительного количества двусторонних договоров, процесс создания коалиции проходил в крайне тяжелых условиях, так как европейские державы за свое участие в коалиции требовали непомерно много. По этому поводу Павел I заметил, что они «находят для себя больше

приманки в территориальных присоединениях, нежели в обеспечении своих престолов»¹⁴. С большим трудом к концу 1798 г. коалиция была создана. В нее вошли Англия, Россия, Австрия, Святой престол, Португалия, Неаполь и Турция¹⁵.

Коалиция, созданная политическим гением Уильяма Питта Младшего, несла в себе элементы разложения, так как в этом союзе были соединены различные государства с различными идеями. У каждого из участников имелись свои представления о конечных целях коалиции. Реставрация Бурбонов для Австрии имела второстепенное значение. Восстановление абсолютистской Франции с Эльзасом, Лотарингией и Франш-Конте было крайне невыгодно для Габсбургов. Их цель в коалиции сводилась к заплучению Ломбардии, крепостей в Пьемонте, а также улучшению в свою пользу швейцарской и рейнской границ.

Что касается Англии, то основой ее политики было морское преобладание, отсюда вытекали задачи ее участия в коалиции: уничтожать флоты, достойные с нею бороться, и уничтожать промышленность и торговлю, угрожающие английскому первенству.

В этой коалиции Россия брала всю военную тяжесть на себя. Она обязывалась послать 45-тысячный корпус в Голландию, его содержание возлагалось на Англию¹⁶. Для возвращения Ионических островов и на помощь Неаполитанскому королю в Средиземное море отправилась русско-турецкая эскадра. Дабы очистить от французов Северную Италию туда двинулся Суворов, корпус Розенберга расположился в крепости Кремс под Веной, балтийский флот готовился выступить совместно с английским. Англия взяла на себя обязательства по финансовому обеспечению союзников. Коалиция стремилась «нанести тяжкие удары, пресечь способы к распространению власти и заразных правил пагубной вольности»¹⁷.

Павел I понимал цель коалиции в том, чтобы восстановить все, что было разрушено французской революцией, и возвести низверженных ею венценосцев вновь на их престолы¹⁸. Фактически он стал душой второй антифранцузской коалиции.

В апреле 1799 г. произошел первый конфликт в коалиции — дипломатический разрыв с Пруссией, российское посольство во главе с Паниным покинуло Берлин. До этого инцидента Россия и Англия пытались убедить Пруссию воевать на их стороне. Российское правительство делало берлинскому кабинету заманчивые предложения: Павел обещал отдать в полное распоряжение короля 40-тысячный русский корпус под командованием князя Сергея Голицына и собрать это войско у границы с Пруссией. Но ни графу Панину, ни лорду Гренвиллу, представителю Англии, не удалось убедить графа Гаутвица и других влиятельных лиц при дворе вывести Пруссию из нейтрального положения¹⁹.

В 1799 году фактически началась война, принесшая славу русскому оружию, но коалиции, в целом, – поражение. Война во имя спасения пошатнувшихся тронов и во имя ограничения агрессии Франции закончилась провалом. В Швейцарии из-за предательства Австрии союзная армия потерпела крах. Англо-русская голландская экспедиция закончилась провалом, русский корпус, эвакуированный англичанами на остров Джерси, испытывал нужду в провианте и в одежде. Результатом этих негативных явлений стали центробежные силы внутри коалиции.

Павел I понял, что его планы не сходятся с планами его союзников. Он стремился восстановить политическое равновесие в Европе. Союзники же, напротив, в этой компании желали вернуть утраченное, а также принять участие в разделе доставшегося им состояния.

Австрия, предавшая войска Римского-Корсакова под Цюрихом, вела переговоры с Францией о выгодных условиях заключения мира. После разрыва с Австрией Павел I пытается создать Северный союз из России, Англии, Пруссии, Дании и Швеции.

События, связанные с переворотом 18 брюмера, царь рассматривал как шаг к восстановлению французской монархии и поэтому писал, что он рад «смене безначалия консульством», «проникнут уважением к первому консулу и его военным талантам»²⁰. Дорога к русско-французским переговорам открылась. Кроме того, союз с Францией был для России единственным средством разрешения в свою пользу ближневосточного вопроса.

Наполеон при помощи царя рассчитывал создать антианглийский союз, который втянул бы в свою орбиту государства не только Европы, но и Америки. В этом случае открывалась бы перспективы вытеснения англичан из Азии, Индии. Он думал даже о разделе Турции между русскими и французами, подчеркивая, что Османской империи осталось существовать недолго, и, если Павел направляет свои взгляды в эту сторону, их «интересы становятся общими»²¹.

Бонапарт надеялся поделить с царем власть над народами и государствами. Момент для русско-французского сближения был выбран в Париже удачно. В начале 1800 г. Павел I выдворил австрийское посольство из Петербурга. Что касается Англии, то в ухудшении отношений с ней немалую роль играла Мальта. По договоренности после захвата Мальты англичанами они должны были вернуть остров иоаннитам. Но Англия, захватив остров в сентябре 1800 г., никому его возвращать, не собиралась, и разгневанный самодержец объявил английского посланника Уитворта, которого он считал «лживым», персоной нон-грата. Павел I заметил: «К несчастью, я связался с вероломными союзниками, действующими в духе Макиавелли; они лишены добросовестности»²².

Параллельно процессу развала II антифранцузской коалиции шел процесс дальнейшего сближения с Французской республикой. Эта тенденция

усилилась после блестящей победы Наполеона над австрийцами при Маренго, и после установления французского контроля над Италией. В таких обстоятельствах союз с Францией становился делом времени. Бонапарт направил российскому императору подарок – шпагу, полученную одним из магистров Мальтийского ордена от папы Льва X. Это был эффектный жест. За ним последовал другой, несравненно более важный. В июле 1800 г. Наполеон освобождал русских военнопленных без обмена и всякой компенсации, возвращает их домой со всеми воинскими почестями, со своими знаменами, в новом обмундировании и с новым оружием, демонстрируя тем самым свою искренность по отношению к императору²³.

Почти через четыре месяца, 8 октября 1800 г., Ф.В. Ростопчин, управляющий Коллегией иностранных дел, сообщил министру внешних сношений Талейрану и Бонапарту условия установления «дружественных отношений» между Россией и Францией: передача Мальты ордену Святого Иоанна Иерусалимского, великим магистром которого являлся русский царь; возвращение сардинскому королю его владений; неприкосновенность владений короля Обеих Сицилий, курфюрстов Баварского и Вюртембергского²⁴.

Задержка с ответом была связана с борьбой двух противоположных тенденций в Петербурге. Так, вице-канцлер Н.П. Панин занял враждебную Франции позицию и выступил за сближение с Австрией и Англией. Ему противостоял Ростопчин, написавший в сентябре 1800 г. внешнеполитическую программу. В ней доказывалось, что сложившиеся международные обстоятельства дают России возможность осуществить свои национальные задачи.

Национальные интересы России требовали в союзе с Австрией, Францией и Пруссией расчленить европейскую часть Турции и создать Греческую республику под протекторатом России и других держав. Россия получала бы Румынию, Болгарию, Молдавию и Константинополь. По мнению Ростопчина, «греки сами придут под скипетр российский». Основой русской внешней политики, по мнению первоприсутствующего в коллегии иностранных дел, должен был стать союз с «мятежной, но уже успокоенной Бонапартом Францией», направленный против Англии. Этот союз должен был дать Российской империи преобладающее влияние в Европе²⁵.

Наполеон, намереваясь быстрее заключить русско-французский союз, ставил целью обеспечить за Францией господство в Германии, гарантировать французскую границу по Рейну, сохранить политическое соперничество Австрии и Пруссии, лишив их военной силы. А Павел I, в свою очередь, рассчитывал, объединившись с Францией, «распоряжаться всею Немецкою империей»²⁶.

В октябре 1800 г. в России было введено эмбарго на английские товары. Суда и имущество англичан в русских портах оказались под секвестром. В декабре 1800 г. был заключен союзный договор северных держав (Россия, Дания, Швеция, Пруссия), направленный против Англии.

К концу 1800 г. отношения между Францией и Россией были окончательно выяснены. полномочный представитель С.А. Колычев был послан в апреле 1800 года для завершения переговоров в Париж.

21 декабря 1800 г. Тайлеран сообщил Ростопчину, что первый консул принимает предложенные ему условия переговоров и желает, «чтобы дела, касающиеся Германии, а также общей свободы торговли и прав нейтралитета, обсуждались Россией с Францией с их общего согласия»²⁷.

За день до этого, 20 декабря, в Париж прибыл барон Спренгпортен для приема русских пленных. В Париже его миссии придавали политическое значение. Барон прибыл в Париж, имея при себе секретные инструкции царя. В этом документе говорилось: «Франция и Российская империя, находясь далеко друг от друга, никогда не могут быть вынуждены повредить друг другу. Но они могут, соединившись... воспрепятствовать тому, чтобы другие своим стремлением к захвату и господству могли повредить их интересам»²⁸.

На встречах со Спренгпортенем Талейран говорил о необходимости для Франции сохранить левый берег Рейна и Египет, развивать торговое мореплавание на Черном море. Он обещал защитить интересы монархов Сардинии и Неаполя, соглашался на территориальные приращения Баварии и Вюртемберга, на возвращение Мальты Ордену. Министр хотел, чтобы Россия помогла французам ограничить австрийские владения рекой Эч, выступить посредником перед султаном в освобождении французских пленных.

4 января 1801 г. С.А. Колычев выехал в Париж для подписания мирного договора. Еще не завершилась миссия Спренгпортена, когда 5 марта он прибыл в столицу Франции. Колычев был настроен антифранцузски. Он не только отрицал возможность русско-французского сотрудничества, но также подвергал резкой критике своих основных контрагентов – Бонапарта и Талейрана, что не могло не создавать трудностей для завершения переговоров.

В инструкции С.А. Колычеву, датированной 19 декабря 1800 г., Рейн признавался границей Франции, говорилось об использовании Бонапартом земель австрийского дома для вознаграждения германских князей и сардинского короля, давались обещания восстановить русско-французские торговые отношения, подчеркивалось «право» первого консула «кончить с англичанами, как ему заблагорассудится». В случае русско-английской войны французские войска должны были напасть на Британские острова. В Петербурге считали, что Бонапарт должен освободить оккупированные французами государства, вернуть Египет Турции, гарантировать России Мальту, «восстановить» на Святом престоле нового папу, которому царь предлагал поселиться в России²⁹.

Павел I рекомендовал Бонапарту сделаться наследным королем, настаивал «на уничтожении клубов, польского комитета и всех вообще учреждений вне Франции, которые занимаются распространением демократических и философских начал с соизволения французского правительства и под

его покровительством». Российский император готов был согласиться с тем, чтобы Франция оставалась республикой, лишь бы она помогла «подорвать систему расширения Австрии, Англии и Пруссии – систему, которая даже вреднее для общего блага, чем принципы революционной Франции»³⁰.

Также Россия предлагала произвести крайне дерзкую, но вполне осуществимую операцию по захвату Индии – «ахиллесовой пяты» британской империи. Предполагалось, что русские войска пойдут через Хиву и Бухару. В Индии должен был действовать 40-тысячный русско-французский корпус под командованием французского генерала Массены.

Однако русско-французский договор так и не был подписан. Император Павел I был убит 11 марта 1801 г..

Короткий период его правления (1796-1801 гг.) характеризовался частой сменой внешнеполитических направлений. В начале царствования Павел I, стремясь спасти пошатнувшиеся престолы от революционной угрозы, стал душой II антифранцузской коалиции, взяв всю военную тяжесть на себя. Но, обманувшись в намерениях своих союзников, желавших лишь ослабить Францию и уменьшить её территориально, резко изменил вектор внешней политики России. Теперь его союзником стал Наполеон Бонапарт. Попытка заключения союза с Французской республикой была предпринята сразу после переворота 18 брюмера, превратившего Наполеона в первого консула, фактически авторитарного правителя. Русский царь, планируя заключить договор с Бонапартом, не намерен был оставлять своих союзников. Он потребовал от Наполеона вознаградить за потерянные земли германских князей, не ущемлять территориальные интересы королей Сардинии и Неаполя. Особую роль во внешней политике Павла I играла Мальта. Из-за неё он начал войну с Францией, из-за неё же готов был послать балтийский флот к берегам Англии, а войска в Индию. О серьезности намерений Павла I говорит тот факт, что англичане фактически спонсировали устранение императора.

Пришедший к власти Александр I своим указом отменил все распоряжения Павла, касающиеся русско-французского сближения.

¹ Итенберг Б.С. Россия и Великая Французская революция. М., 1988. С. 18.

² Борисов Ю.В. Талейран. М., 2003. С. 108.

³ Итенберг Б.С. Указ. соч. С. 17.

⁴ Три века: Россия от Смуты до нашего времени. М., 1994. Т. 5. С. 115.

⁵ Окунь С.Б. История СССР (1796-1825 гг.). Л., 1948. С. 35.

⁶ Джеджула К.Е. Россия и Великая Французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972. С. 418.

⁷ История воин. Т. II. Ростов н/Д., 1997. С. 266.

⁸ Цит по: Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 109.

⁹ Три века. С. 116.

¹⁰ Цит по: Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 109.

- ¹¹ Джеджула К.Е. Указ. соч. С. 423.
- ¹² Цит по: Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 118.
- ¹³ Шильдер Н.К. Император Павел I М., 1996. С. 378.
- ¹⁴ Джеджула К.Е. Указ. соч. С. 424.
- ¹⁵ История воин. Т. II. С. 270.
- ¹⁶ Три века... С. 120.
- ¹⁷ Окунь С.Б. Указ. соч. С. 43.
- ¹⁸ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 390-391.
- ¹⁹ Там же. С. 393.
- ²⁰ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Спб., 1888. Т. 70. С. I (далее РИО).
- ²¹ Цит по: Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 244.
- ²² Жоржель аббат. Путешествие аббата Жоржеля в Петербург в царствование императора Павла I. М., 1994. С. 142.
- ²³ См. РИО. Т. 70. С. 2.
- ²⁴ Там же. С. 10-11.
- ²⁵ Цит по: Песков А.М. Павел I // ЖЗЛ. М., 2003. С. 91-92.
- ²⁶ РИО. Т. 70. С. XXVII.
- ²⁷ Там же. С. XXI.
- ²⁸ Там же. С. 11-12.
- ²⁹ Цит по: Борисов Ю.В. Указ. соч. С. 253.
- ³⁰ РИО. Т. 70. С. XXVII.

Ю. Н. Моногаров.

Л.Н. ТОЛСТОЙ ПРОТИВ Н.Ф. БУНАКОВА ИДЕЙНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ РУССКИХ ПЕДАГОГОВ

Одним из наиболее видных представителей демократического направления в русской педагогике второй половины XIX века был Николай Федорович Бунаков. Будучи ярким теоретиком и практиком начального образования, он оставил значительный след в истории отечественной педагогической мысли, в культурной жизни Воронежского края.

Родился Николай Федорович в 1837 году в Вологде, в небогатой чиновничье-помещичьей семье¹. Окончив местную гимназию, он более одиннадцати лет преподавал русский язык в Тотемском, Кадниковском, а вскоре и в Вологодском уездном училищах². Педагогический опыт, знакомство с трудами К.Д. Ушинского, статьями Н.А. Добролюбова пробудили желание Бунакова посвятить себя школьному делу³. Особое впечатление на него произвела встреча в Петербурге с самим Константином Дмитриевичем Ушинским. В своих мемуарах Н. Бунаков с исключительной теплотой замечал, что беседы с великим русским педагогом затронули в его душе "ту педагогическую жилку, которая заговорила громче, настойчивее, и я решил, что одно только учитель-

ство - истинное моё дело, которому я могу отдаться всей душой и весь без остатка"⁴.

В 1866 году Н.Ф. Бунаков переезжает в Воронеж, где получает место преподавателя русского языка и словесности в военной гимназии (бывший кадетский корпус)⁵. За короткое время он приобрел небывалый авторитет, был популярен в кругах воронежской элиты, слыл интеллигентом - энциклопедистом. С первых дней своей работы в гимназии Николай Федорович рекомендовал себя блестящим педагогом. Он заранее продумывал каждый урок, тщательно подбирая оптимальную методику преподавания, фиксировал результаты в особые тетради, которые станут черновиками его первых учебников и учебных пособий.

За время работы в военной гимназии Бунаков подготовил к печати и издал "Концентрический учебник русской грамматики" и "Хрестоматию для изучения образцов русской словесности, с биографическими очерками, примечаниями и руководящими вопросами"⁶. В своих педагогических трудах Николай Федорович искал более совершенные методы, критикуя старые способы обучения, проникнутые духом "формализма, зубрёжки и чрезмерного религиозного запугивания детей". Используя опыт, прежде всего немецких идеологов педагогики, Бунаков стал новым продолжателем концепций Песталоцци, Дистервега, Вурста, Фребеля, Денцеля, внедряя в своей практике наглядный и звуковой методы обучения. Работа Н.Ф. Бунакова в военной гимназии явно спорилась, его уважали коллеги, ценили учащиеся. Он был одним из любимых учителей Г.В. Плеханова, учившегося в Воронежской военной гимназии с 1868 по 1873 годы.

Бурная педагогическая деятельность Николая Федоровича переходит в новую фазу, - в 1867 году он за свой счёт открывает "элементарную двухклассную школу", которая должна была готовить детей, прежде всего из малообеспеченных семей, к поступлению в средние учебные заведения. Эта школа под руководством Н.Ф. Бунакова просуществовала семнадцать лет, с 1867 по 1884 годы, подготовив в своих стенах несколько сотен ребятишек. Находилась она в доме знакомой Н.Г. Чернышевского, А.П. Блюмер-Кравцовой на бывшей Поднабережной улице (ныне улица 20-летия ВЛКСМ, дом №37). Николай Федорович позднее, в записках, вспоминал скромность данного помещения: "две небольшие классные комнаты, зальце для игр и пения несколько больше, да совсем маленькая столовая для завтрака"⁷. Плата за обучение в экспериментальной школе составляла пять рублей в месяц, но часть детей бедных родителей имели право обучаться бесплатно. Правила учёбы были довольно необычны: ни классных журналов, ни оценок, ни заданий на дом. В учебную программу входили следующие дисциплины: Закон Божий, чтение, письмо, арифметика, рисование, черчение, наглядная геометрия, иностранный язык, пение русских народных песен.⁸

Опыт работы двухклассной школы, являвшейся творческой лабо-

раторией её создателя, достаточно широко освещался в местной и центральной печати, ежегодные отчёты Бунакова публиковались в ряде педагогических изданий. На основе этой практики Николаем Федоровичем были написаны такие работы, как "Азбука и уроки чтения", а также руководство к ней: "Книжка-первинка"; книга для чтения "В школе и дома". Эти учебники и учебные пособия были одобрительно встречены учителями и получили широкое распространение. Труды и методы Бунакова становятся не просто популярными, а модными. Николай Федорович получает множество приглашений на учительские съезды и курсы, проводимые земством. В это время он получает неофициальный почётный титул - "учитель учителей", неоднократно выезжает для чтения лекций на съезды учителей в Кострому, Псков, Курск, Тамбов, Великие Луки, Херсон, Одессу, Ярославль и другие города. Материалы этих выступлений были изданы отдельной книгой под названием "Школьное дело". В 1872 году Бунаков был приглашён в качестве лектора по методике обучения родному языку на Всероссийский учительский съезд, где присутствовало около 700 учителей и деятелей народного образования, в том числе И.Н.Ульянов⁹. Лекции, прочитанные на данном съезде Николаем Федоровичем, под названием "Родной язык как предмет обучения в народной школе" также были вскоре изданы¹⁰.

Карьера Бунакова в тот момент казалась более чем удачливой. Всеобщее признание, богатая литературная деятельность рисовали блестящую перспективу для Николая Федоровича. Но в середине семидесятых годов позапрошлого столетия белая полоса жизни Н. Бунакова резко сменилась на чёрную. В своих записках период с 1875 - 1880 гг. он озаглавил как "Пора невзгод и огорчений"¹¹. Кипучая деятельность Николая Федоровича вызвала тревогу в правящих кругах, и в середине 1874 года его лишают права проводить курсы для учителей¹².

Для Бунакова это решение стало огромной неожиданностью, но вскоре более сильное потрясение обрушилось на него со страниц "Отечественных записок". Автором разгромной статьи "О народном образовании" был ни кто иной, как патриарх русской педагогики, великий русский писатель, граф Лев Николаевич Толстой. В своей публикации создатель "Войны и мира" резко критиковал новое обучение, школу, созданную земством, и, в частности Н.Ф. Бунакова и В.А. Евтушевского, как самых ярких и видных представителей школы, основанной, по его мнению, исключительно на принципах чуждой нам немецкой педагогики. Толстой клеймил позором Николая Федоровича за оторванность от опыта и увлечение теоретической стороной дела, которая не только не является панацеей от всех бед, но и наоборот тормозит развитие в учащихся всех тех небольших знаний, которыми они обладали в дошкольный период.

Лев Николаевич цитирует теоретические азы Бунакова по учебнику "Родной язык, как предмет обучения": "Надо сообщить этим маленьким дика-

рям (то есть ученикам) главные порядки школьного обучения и провести в их сознание такие начальные понятия, с которыми придётся сталкиваться на первых не порах, на первых уроках рисования, чтения письма и всякого элементарного обучения, как-то: правая и левая сторона, вправо-влево, вверх-вниз, рядом-подле-около, вперёд-назад, вблизи-вдали, перед-за, над-под, скоро-медленно, тихо-громко и т.д. Как бы ни просты эти понятия, но мне из практики известно, что даже городские дети из зажиточных семейств нередко приходят в элементарную школу, не различая правой и левой стороны"¹³.

Л. Толстой, не скрывая своего неудовольствия по поводу данного примитивизма, предлагает в своей статье еще несколько цитат из этого Бунаковского учебника: "Учитель может начать разговор по своему личному усмотрению: иной спросит каждого ученика об имени, другой о том, что делается на дворе, третий о том, кто откуда пришел, где живёт, что делает дома, - потом уже переходит к главному предмету. Где же ты теперь сидишь? Зачем ты сюда пришёл? Что мы будем делать в этой комнате? Да, мы будем в этой комнате учиться, назовём же её учебной комнатой. Посмотрите все, что у вас под ногами, внизу. Посмотрите, но не говорите. Скажет тот, кому я велю. Скажи, что ты видишь внизу, под ногами? Повторите всё, что мы узнали и сказали об этой комнате: в какой комнате мы сидим? какие части комнаты? что есть на стенах? что стоит на полу?"¹⁴

После этих примеров Толстой отмечал, что данные указания Бунакова рассчитаны не на детей, проживавших в тот период в Российской империи. "Может быть, дети готтентотов резюмировал Лев Николаевич, - негров, может быть, иные немецкие дети могут не знать того, что им сообщают в таких беседах, но русские дети, кроме блаженных, все, приходя в школу, знают не только, что вниз, что вверх, что лавка, что стол, что два, что один и т.п., но, по моему опыту, крестьянские дети, посылаемые родителями в школу, все умеют хорошо и правильно выражать мысли, умеют понимать чужую мысль (если она выражена по-русски)"¹⁵. Великого писателя покорило подобное неуважение к детям своей страны, он отмечал, что такие беседы можно проводить лишь с малышами младше двух лет, "ибо двухлетние дети знают уже все то, что в них сообщается". Толстой писал, что такие методы уподобляют учащихся попугаям и, что любой ученик от шести до девяти лет действительно не найдёт ответы на подобные расспросы, ибо они очевидны любому здоровому ребенку, отсюда начнётся поиск более сложного, «заковыристого» ответа, либо какого-то подвоха в формулировке самих вопросов.

"Такие требования бесед, - подчёркивал Лев Николаевич, - показывают или совершенное незнание, или нежелание знать той степени развития, на которой находятся ученики"¹⁶.

Помимо данных критических замечаний Толстой на протяжении всей своей статьи проводил мысль о том, что львиная доля трудов Н.Ф. Бунакова есть ни что иное, как плагиат и поверхностная переработка старых учебников

и рекомендаций. Примеры, истории, сравнительные параллели заимствованы, по мнению Л. Толстого, Бунаковым из грамматики Перевлесского и других отечественных и иностранных педагогов. Там же, считает Лев Николаевич, где нет "выписки из других книг, есть ряд сплошных ошибок против языка. Тут есть слова: косари, вместо косцов, тогда как косарь есть или орудие, или продавец кос; лиска, не унизительное Елизавета, а уменьшительное лиса..., тут есть выражения: что речка катится по полю; что люди веселятся всячески, как умеют; что глотка - часть рта и т.п."¹⁸

По интонации и содержанию статьи "О народном образовании" заметно, что Лев Толстой не просто подмечает слабости трудов Н. Бунакова, он взбешен тем фактом, что данные методики стали указаниями "для практического дела", и указаниями, которыми "уже следуют некоторые", что одновременно и злит, и пугает великого русского классика. Он соглашается с тем, что старые педагогические приёмы стали неприменимы, вспоминает, что сам "сколько имел умения и силы, боролся с этими старыми приёмами педагогики и содействовал их уничтожению"¹⁹. Но то, что пришло им на смену, по мысли Л.Н. Толстого, "чуждо нашему русскому, не педантичному складу ума, уродства его так ярко бросаются в глаза, что казалось бы, способ этот никак не может привиться в России, а между прочим, он прилагается"²⁰. Оценивая такую новую педагогику, Лев Толстой выделяет её характерную черту: "Всё внимание обращается на то, чтобы учить тому, что ученик знает. А так как ученик знает то, чему его учат, и легко, по желанию учителя, передаёт в том и в другом порядке то, что от него требуется, то учителю кажется, что он чему-то учит и успехи учеников большие, и учитель, не обращая никакого внимания на то, что составляет самую трудность учения, то есть учить новому, преспокойно толчется на одном месте"²¹.

Вершиной преподавательской некомпетентности для Льва Николаевича стали вопросы, которые Н.Ф. Бунаков рекомендовал задавать на уроках родного языка: "...где можно видеть кошек? где сороку? где песок? где осу и суслика? чем покрыты суслик, сорока и кошка, и какие части их тела?"²² Комментируя подобные "материю", Л.Толстой процитировал старинную немецкую пословицу: "Один дурак может задать столько вопросов, что и десять мудрецов не смогут ответить"²³.

Николай Федорович Бунаков, по его же словам, "был страшно потрясен статьёй графа Толстого"²⁴. "Месяца три, - писал он впоследствии в записках, - я ходил как в воду опущенный, не мог ни разобраться в путанице мыслей и сомнений, овладевших мной, ни справиться с самим собой, невольно поддаваясь мрачным отчаянным думам и чувствам".²⁵

По настоянию своего брата - Петра Федоровича и издателя "Семьи и школы" - Юрия Ивановича Симашко, Бунаков публикует в том же 1874 году в этом журнале краткое, но крайне резкое возражение Льву Толстому, в котором звучат следующие слова: "Нельзя обойти молчанием ту ложь, которой с

начала до конца проникнута статья графа Толстого, - написанная увлекательно, остроумно и таким прекрасным языком, каким умеет писать только автор "Войны к мира". Граф Толстой говорит, что он очень любит русский народ и народную школу. Опять не смею сомневаться. Но нельзя не сказать, что в статье его, посвященной народному образованию, скорее выражается громадное себялюбие, нежели народолюбие. Лишь этим себялюбием объясняются и те приёмы, которыми он пользуется для утверждения своей правоты, - это сплошное сцепление лжи, голословных приговоров и суждений свысока". Помимо этого, Николай Федорович не совсем соглашался и с мнением, что его метод обучения детей - "немецкий" и не имеет в своей основе никаких отечественных корней.

Лев Толстой не стал парировать Бунакову, и конфликт двух видных российских педагогов не имел дальнейшего продолжения. Необходимо лишь уточнить, что в 1885 году Николай Федорович на страницах "Русского начального учителя" защищал Л.Н.Толстого от нападков со стороны известного педагога И.Пуальсона, который в книге "Методика грамоты" обвинил русского писателя в "педагогическом нигилизме".²⁸ Пытаясь официально, хотя и заочно, примириться с автором "Войны и мира", Бунаков признаёт по истечении четырнадцати лет относительную правоту и "отрезвляющее действие" статьи Л.Н. Толстого "О народном образовании", которая заставила Николая Федоровича переработать свою "Азбуку" и написать ряд протолстовских очерков в журнал "Русское начальное училище".

Полную картину своего отношения к Льву Толстому и его статье Н.Ф. Бунаков изложил в своих записках, опубликованных через пять лет после смерти автора, в 1909 году в Санкт-Петербурге. Труд, безусловно, крайне субъективный, и частое лукавство его создателя то и дело проглядывает со страниц, хотя нельзя и не отметить тот факт, что для освещения данного вопроса не использовать этот противоречивый исторический источник было бы делом недопустимым.

Осознавая масштабность своего идейного оппонента, дальновидный Николай Федорович пытается убедить читателя в том, что статья Толстого в большинстве своём верна и своим содержанием предостерегла новое поколение педагогов от действительных перегибов в своих трудах и работах. Бунаков: пишет, что, ознакомившись со статьёй Льва Николаевича, он сам подверг сомнению всю свою деятельность: "Своё ли дело и дело ли я делаю? по своей ли дороге иду? ... не прав ли Толстой? полно, полезное ли дело делал я, как "учитель учителей", - не сбивал ли с толку и работников народной русской школы, и самую эту школу, и земство в его заботах о народном образовании?"³⁰

Но через некоторое время Николай Федорович оправился от пережитого, "вера в себя и в своё дело прояснилась, пробудилась с новою силою и жажда деятельности", а уверенность в своей невинности, убеждение

в том, что завистливо был оклеветан, привели уже к совершенно иной трактовке статьи "О народном образовании".

В своих записках Н.Ф. Бунаков так объясняет причину нападок на него Льва Николаевича: "Дело в том, - повествует Бунаков, - что перед этим граф Л.Н. Толстой издал свою двухрублёвую азбуку, которая прошла незамеченной и вовсе не привилась к народной школе, несмотря на обилие превосходного материала для чтения. Причины неуспеха заключались: в способе обучения грамоте (буквослагательном), ...и в дороговизне книги, не соответствовавшей средствам русской народной школы. Очевидно, что автора раздражало и то обстоятельство, что на его книгу не обратили внимания, ...тогда как книги и руководства какого-то Бунакова идут, употребляются в школах. Я, уверен, что это личное раздражение было одним из главных стимулов, вызвавших злобное нападение графа Л.Н. Толстого на новую школу, новое обучение и на меня, грешного".³¹

Николай Федорович, будучи блестящим оратором и лингвистом, автором довольно интересных стихов³² и любопытных прозаических трудов³³ в меткости и остроте своего литературного языка ни в чём не уступал Льву Николаевичу Толстому.

В своих мемуарах Бунаков тонко проводит мысль о том, что в статье Л. Толстого хорош только стиль написания, "его художественная изобретательность, сила и меткость, оригинальность, естественность и простота"³⁴, само же содержание публикации лживо, безнравственно и проникнуто клеветой. В чём именно состоит клевета и ложь Николай Федорович не поясняет, но из страницы в страницу навязывает эту мысль своим читателям. Мастер литературного парадокса Н.Ф. Бунаков пишет, что в его душе "не осталось никакого иного чувства к великому русскому художнику, жестоко отделавшего его, кроме чувства благодарности"³⁵ одновременно замечая, между прочим, что работа "О народном образовании" – "не критика, не опровержение, а грубое и не совсем добросовестное глумление... Не менее того в статье графа Толстого - тщеславного сомнения, хвастливой самоуверенности, показного афиширования своей непогрешимости, весьма сомнительной"³⁶.

Более того, "учитель учителей" косвенно обвинял Льва Николаевича в смерти В.А. Евтушевского, которому наряду с Бунаковым также досталось от Толстого в вышеупомянутой статье. Вот, что об этом пишет Николай Федорович: "... Евтушевский, через несколько лет разбитый параличом в лучшую пору жизни, страшно мучился нравственно", "так и в могилу ушел с чувством озлобления против графа Л.Н.Толстого".³⁸ Серьёзно разозлили Бунакова и другие критические замечания, которые обрушились на него со стороны "коллег по преподавательскому цеху". "Как орла, говорят, всегда сопровождает разная пернатая сволочь, - так и следом за статьёй гениального Толстого последовали бранные статьишки разных мелких писак, в роде фельетонов Буренина, глумившихся над русской земской народной школой, над новым

якобы - "немецким" обучением, ... а особенно надо мной и Евтушевским, - замечал Николай Федорович Бунаков, продолжая, - ... в глумлениях этих сквозила та скверная нотка, что вот, мол, эти педагоги загребают тысячи за свои азбуки, сборники задач, руководства и тому подобную школьную дребедень, тогда как мы, заправские литераторы, питающие русское общество настоящей умственной пищей, получаем умеренную плату; их книжки расходятся десятками тысяч экземпляров, выдерживают десятки изданий ("Книжка-первинка" Бунакова переиздавалась 38 раз)³⁹, а мы должны ограничиваться одним печатанием своих произведений на страницах журнала, и не помышляя об отдельном издании их".⁴⁰

Николай Федорович на это пояснял, что при номинальной стоимости его "Азбуки" в 25 копеек, ему, в качестве гонорара, выплачивалось от двух до трёх с половиной копеек за книгу, "следовательно, для получения не то что тысяч, но даже и одной тысячи, надо было продать от тридцати до пятидесяти тысяч экземпляров".

В целом, Бунаков признавался, что был впоследствии только рад тому ажиотажу в прессе, который поднялся вокруг его имени. Он отмечал, что статья Л. Толстого сделала ему хорошую рекламу: "Мои книги получили небывалую ходкость. Издатели стали усиленно привлекать меня в свои издательские предприятия. Вскоре, я убедился, что иные тщеславные педагоги просто завидовали и досадовали, что громы и молнии автора "Войны и мира" достались на мою голову: это навлекло с их стороны бессильное брюзжание и против моей маленькой особы, и против "великого писателя Русской земли"⁴¹.

Как бы то ни было, если верить источникам, Л. Толстой и Н. Бунаков никогда не встречались, и их заочный конфликт не был официально разрешён. Попав за критику верхов в опалу в 1902 году, Николай Федорович Бунаков был арестован и выслан под гласный надзор полиции в город Острогжск, где и умер спустя два года⁴². Лев Николаевич Толстой, в свою очередь, свои последние годы жизни провёл в Ясной Поляне в непрестанных душевных страданиях, в атмосфере интриг и раздоров с близкими и родными. В ноябре 1910 года он тайно ушёл из своего имения, по дороге простудился и скончался на станции Астапово.

Трагические финалы двух великих отечественных педагогов подтверждают мудрые слова, сказанные ливанским художником и писателем Халилем Джебраном: "Ложны убеждения и учения, которые делают человека несчастным в его жизни, и ложны чувства, которые приводят его к отчаянию, печали к страданию".⁴³

1 Винокуров С.В., Пчельников Т.С. Видные русские педагоги в Воронежском крае. Воронеж, 1972. С. 5.

2 Там же. С. 6.

- 3 Пыльнев Ю.В., Рогачёв С. А. История школы и народного просвещения Воронежского края 18 - начало 20 века. Воронеж, 1999. С. 223
- 4 Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837 - 1905. СПб., 1909. С. 46.
- 5 Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края 18 - начало 20 века. Воронеж, 1999. С. 223.
- 6 Винокуров С.В., Пчельников Т.О. Видные русские педагоги в Воронежском крае. Воронеж, 1972. С. 7.
- 7 Акиньшин А.Н. Вслед за адресами Бунакова. // Воронежский курьер, 1992. 13 мая.
- 8 Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края 18 - начало 20 века. Воронеж, 1999. С. 224.
- 9 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XII века. Под редакцией А.И. Пискунова. М. 1976. С.305
- 10 – Винокуров С.В., Пчельников Т.О. Видные русские педагоги в Воронежском крае. Воронеж, 1972. С. 8.
- 11 Записки Н.Ф. Бунакова,- Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837 - 1905. СПб., 1909. С. 111.
- 12 Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края 18 - начало 20 века. Воронеж, 1999. С. 224.
- 13 Толстой Л.Н. О народном образовании.// Педагогические сочинения. Л., 1948. С. 308.
- 14 Там же. С. 309.
- 15 Там же. С. 311.
- 16 Константинов Н.А., Струшнский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953. С. 192.
- 17 Толстой Л.Н. О народном образовании.// Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. Л., 1948. С. 325.
- 18 Там же. С. 311.
- 19 Там же. С. 322.
- 20 Там же. С. 323.
- 21 Там же. С. 320.
- 22 Там же. С. 312.
- 23 Там же. С. 314.
- 24 Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837 - 1905. СПб., 1909. С. 114.
- 25 Там же. С. 115.
- 26 Там же. С. 116.
- 27 Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края 18 - начало 20 века. Воронеж, 1999. С. 226.
- 28 Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837 - 1905. СПб., 1909. С. 119.
- 29 Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края 18 - начало 20 века. Воронеж. 1999. С. 226.
- 30 Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837 - 1905. СПб., 1909. С. 115.
- 31 Там же. С. 113.
- 32 Винокуров С.В., Пчельников Т.С. Видные русские педагоги в Воронежском крае. Воронеж, 1972. С. 9.

- 33 Там же. С. 6.
 34 Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837 – 1905. СПб., 1909. С. 117.
 35 Там же. С. 118.
 36 Там же. С. 116.
 37 Там же. С. 114.
 38 Там же. С. 118.
 39 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. Под ред. А.И. Пискунова. М., 1976. С. 306.
 40 Записки Н.Ф. Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837 - 1905. СПб., 1909. С. 114.
 41 Там же. С. 120.
 42 Пыльнев Ю.В., Рогачёв С.А. История школы и народного просвещения Воронежского края 18 - начало 20 века. Воронеж, 1999. С. 230.
 43 Борохов Э. Энциклопедия афоризмов. М., 2001. С. 588.

Е. Н. Азизова.

МАСОНСКИЕ СВЯЗИ Д.П. РУНИЧА¹.

*«Я масон, но не принадлежу
 Ни к одной масонской ложе
 Ни в Москве ни в Петербурге»*

Дмитрий Павлович Рунич (1778 – 1860) известен как один из «главных возбудителей и деятелей суда» над профессорами Петербургского университета, которые были обвинены в 1821 г. в религиозном и политическом «вольномудстве». Но мало кто знает Д.П. Рунича как переводчика, мемуариста и сторонника восстановления масонства в России после приказа Екатерины II о закрытии масонских лож¹. Уже в первой четверти XIX в. масонство пронизывало все поры образованного общества, охватывая своим влиянием даже мелкое чиновничество из дворян, которые поступали в ложи, в основном, из побуждений карьеры, чтобы добиться продвижения по службе.

В юности Рунич интересовался культурой и образом жизни Западной Европы, изучал историю христианских миссионерских рыцарских орденов и масонских обществ Австрии. Его отец, П.С. Рунич (1748-1825), в царствование Павла I владимирский гражданский губернатор, впоследствии сенатор и тайный советник, был посвящен в третью масонскую степень «мастера» известным масоном, надворным советником С.И. Гамалеей. Этот глубоко религиозный человек, ученик Киевской духовной академии, был переводчиком мистических сочинений², одним из основателей Дружеского Ученого общества, членом Типографической компании и ближайшим другом Н.И. Новикова³. Отец Рунича дружил с видными масонами А.Ф. Лабзиным и А.А. Плещеевым,

и одно время был в тесном контакте с московскими розенкрейцерами, а его друг Лоренц Витберг был «надзирателем» в одной из немецких лож в Петербурге⁴. Дмитрий Павлович хорошо знал Лабзина еще по дому своего отца, в котором тот был частым гостем, и отзывался о нем как об истинном христианине. А.Ф. Лабзин, воспитанник Московского университета, историограф ордена Св. Иоанна Иерусалимского, которому покровительствовал Павел I, впоследствии вице-президент Академии художеств, был участником Дружеского Ученого общества Н.И. Новикова, учеником И.Г. Шварца, переводчиком и издателем мистических книг⁵. Еще один друг П.С. Рунича, с семейством которого Рунич дружили долгие годы, был масон XVIII в. А.А. Плещеев, друг и покровитель известного историка и писателя Н.М. Карамзина, который посвятил ему и его жене «Письма русского путешественника»⁶. Именно в доме А.А. Плещеева Дмитрий Павлович познакомился с Н.М. Карамзиным, масоном и воспитанником Дружеского Ученого общества. В подражание любимому писателю он издал несколько произведений, впоследствии между ними завязалась переписка. «Добрый почтальон» Рунич, как называл его Карамзин, по его просьбе, содействовал переписке между масонами А.И. Тургеневым и Н.И. Новиковым и выполнял некоторые его поручения⁷.

Не случайно после того, как Дмитрий Павлович 24 января 1797 г. вышел в отставку в звании прапорщика⁸, его отец выбрал для него дипломатическую деятельность: масоны предавали ей большое значение. Согласно учению «вольных каменщиков», включающем мысли о добре и зле, войне и мире, созидании и разрушении, акцент делался на эволюционных формах развития без вооруженных столкновений. Масонский пацифизм концентрировался на стремлении любым путем снизить накал международной напряженности, в случае возникновения войны, в данном случае Наполеоновской агрессии, ограничить ее рамки, сократив масштабы кровопролития. 4 февраля 1797 г. Рунич был зачислен на должность переводчика в Коллегию иностранных дел, благодаря знанию иностранных языков и связям отца. Тогда же он был причислен к канцелярии вице-канцлера А.Б. Куракина, воспитанника старого масона Н.И. Панина и долголетнего друга Павла I⁹. 1 мая 1797 г. Рунич получил назначение на должность секретаря-переводчика при Венском посольстве. В 1799 г., русский посланник при прусском дворе граф Н.П. Панин (1770-1836), известный масон, племянник старого масона и воспитателя Павла I Н.И. Панина, поручил Руничу доставить депешу Павлу I, сообщавшую об убийстве трех французских уполномоченных, возвращавшихся из Раштадта с конгресса. В середине июня 1800 г. Рунич приехал в Петербург и передал депешу вице-канцлеру графу В.П. Кочубею, известному московскому масону, впоследствии члену «негласного комитета» Александра I¹⁰.

Близость Л. Витберга и П.С. Рунича к А.Ф. Лабзину способствовала тому, что их сыновья вступили в масонское братство в основанной им 15 января 1800 г. в Петербурге первой в XIX в. русской масонской розенкрейцерской

ложе «Умиравший сфинкс». Работая втайне первое пятилетие своего существования, после запрещения масонских лож при Екатерине II, эта ложа принимала большие предосторожности, чтобы ее собрания не были обнаружены. Запрещалось разглашать о работах в мире «профанов», не посвященных в тайны «вольных каменщиков», и в среде масонов, не принадлежавших к ложе «Умиравший сфинкс». Власть Лабзина, как «управляющего мастера» тайной ложи, была велика, «братья» должны были беспрекословно ему повиноваться, не могли без его разрешения переходить в другие ложи и повиноваться другому масонскому начальству. Ложа работала на русском языке, была немногочисленной по составу и не принадлежала к масонским союзам. Обстановка и обиход ложи не были особенно богаты, но круг братьев отличался большим рвением к орденскому делу, клятва гласила: «посвятить всех себя и все свое, честь, имение и самую жизнь цели ордена», старые розенкрейцеры благоволили к ложе¹¹.

12 ноября 1804 г. Д.П. Рунич был посвящен в первую степень в ложе «Умиравший сфинкс». Желая стать «вольным каменщиком» должен был заручиться рекомендацией кого-нибудь из членов той ложи, в которую он желает быть принятым. «Поручителем» при вступлении в ложу Рунича выступил шурин А.Ф. Лабзина А.Г. Чурин¹². Затем наступил обряд инициации, то есть посвящения в масонство. Первая степень масонства – «ученик», длилась не меньше года, главная ее задача – научиться понимать «великую тайну своего существования и путем самосовершенствования становиться более достойным собственной жизни». В качестве «ученика» принятый в масонство работал над собой, совершенствовался в добродетелях, усваивал «царственную науку вольных каменщиков» и готовился к прохождению других, более высоких степеней, в этом ему помогал «наставник». «Наставником» Рунича стал А.Г. Черевин, юнкер Коллегии иностранных дел, впоследствии муж сестры Рунича Александры, статский советник и знакомый Н.И. Новикова, который называл его своим «внуком»¹³. В день посвящения «учитель» Рунича, поздравил его с этим событием: «и из всех моих сил молю Начавшего, да совершит с вами, равномерно и с нами, славный тройственный путь; по совершении коего мертвенное наше пожерто [так в тексте – Е.А.] будет животом и все будет нова»¹⁴. По словам Черевина, Дмитрий Павлович был довольно своенравным «учеником», не всегда уважительно относился к своему «учителю» и Священному Писанию. «Наставник» содействовал переписке Рунича с знаменитым просветителем и масоном Н.И. Новиковым, организатором издательской и благотворительной деятельности московских розенкрейцеров. Усилиями Новиковского кружка были открыты училища для бедных детей в Петербурге, Педагогическая семинария при Московском университете, первое студенческое общество в России - Собрание Университетских питомцев, Переводческая семинария, Дружеское Ученое общество и Типографическая компания. Именно в масонской организации Новиков на-

шел ответ своим просветительским и благотворительным стремлениям, стал самым ярким выразителем благотворительно-христианского направления в масонстве¹⁵. Рунич считал его своим наставником, который обучал его тайнам масонской эзотерики и направлял к «истинной цели». В одном из частных писем Рунич назвал Новикова «прирожденным дворянином», которому «обязана Россия тем, что русский язык обогатился напечатанием многих томов превосходных сочинений в переводе»¹⁶.

24 декабря 1804 г. Рунич был возведен во вторую степень «подмастерья», который обязывался трудиться для других, приносить пользу в жизни. При посвящении в эту степень масонство обращалось к «братьям», уже воспринявшим его заветы и лишь дожидавшимся благоприятного случая, чтобы применить их на практике. Срок пребывания в степени «подмастерья» был не определен, «подмастерье» ожидал того времени, когда сможет стать «мастером». Немаловажную роль в обучении Рунича на этом этапе сыграл А.Ф. Лабзин. Он советовал ему больше молиться, читать и переводить, снабжал книгами модных в то время в масонских кругах западно-европейских мистиков Штиллинга и Эккартсгаузена, наставлял Рунича: «внутреннее смирение», «скромность и кротость всего лучше», так как скромным больше доверяют, главное - не угодить, а услышать истину и не ссориться с людьми¹⁷. Лабзин содействовал его карьере, помог назначению Рунича на должность помощника московского почт-директора 28 июня 1805 г. Он советовал держаться за это место, которое, по его мнению, было лучше, чем место экспедитора и правителя канцелярии. Московский почтамт был своего рода негласным центром московского масонства, так как приоритетной задачей масонов было овладение средствами массовой информации, в начале XIX в. таким средством была почта. Особенно Лабзин советовал не перечить и выполнять все поручения директора почтамта Ф.П. Ключарева, участника Дружеского Ученого общества и масона высоких степеней посвящения¹⁸.

В 1806 г. Рунич по поручению Лабзина занялся распространением пакетов с издаваемыми им книгами и экземпляров его религиозно-нравственного журнала «Сионский вестник». Таким образом Лабзин, считавший себя последователем Н.И. Новикова, попытался наладить издательскую деятельность розенкрейцеров, однако, не так успешно¹⁹. Он интересовался мнением Рунича о сочинениях, помещенных в журнале, учил понимать их, так как, с его точки зрения, он не чувствовал общего настроения произведений и глубоких мыслей авторов. Под влиянием Лабзина Рунич вступил в религиозно-мистическое общество «Народ Божий», известное также как «Новый Израиль». Оно появилось в России в 1806 г., первоначально было учреждено в 1778 г. в Берлине, затем в 1786 г. в Авиньоне во Франции. Основатель общества, граф Грабянка (Лешиц-Грабянка) Тадеуш (Фаддей), был принят в общество в Берлине в 1779 г. и почитался «Царем Израилевым». Цель его состояла в том, чтобы возвещать народам по велению Божию второе и близкое пришествие Иисуса

Христа, причем посредником в сношении с небом граф Грабянка объявил самого себя. Как и у розенкрейцеров, в ложе увлекались теософией, алхимией и магией. В 1807 г. граф Грабянка был арестован и посажен в крепость, общество прекратило свое существование²⁰.

6 августа или 30 июля 1809 г. Рунич был посвящен в третью степень «мастера», которая считалась степенью завершения изучения масонского опыта. В ноябре 1809 г. Рунич поехал к Н.И. Новикову за «градусом» и был принят в «теоретическую степень». Она была одним из нововведений розенкрейцества, после ее принятия масон становился розенкрейцером. Тогда же Рунич получил некие подлинные документы, «истинный источник истории масонства», которые, по масонской легенде, привез из Германии в 1782 г. известный масон, профессор Московского университета, руководитель московских розенкрейцеров И.Г. Шварц для создания в России «истинного масонства, противоядия неверию и вольнодумству»²¹. Среди привезенных Шварцем документов были признание независимости русского масонства от шведского, разрешение на организацию «теоретического градуса» и высших розенкрейцерских степеней, право на основание в Москве «Ордена Злато-розового Креста» и согласие на участие уполномоченных от русских масонов в заседаниях будущего Вильгельмсбадского конвента для учреждения особой провинции из России²². Вероятно, это были те документы, которые мечтал получить А.Ф. Лабзин. Он считал себя «любимым племянником» и наследником масонского дела Н.И. Новикова, обещавшего поддерживать с ним связь и передать уникальные масонские акты²³. Эти события осложнили отношения Рунича с Лабзиным: «Прежде я был твой М[астер], а ты мой У[ченик], а теперь что?»²⁴. Дмитрий Павлович отдалился от него еще тогда, когда начались гонения на «Сионский вестник». Рунич, по словам Лабзина, стал опасаться связи с ним, «опасным и подозрительным» человеком. В это время он больше доверял мнению Новикова, переписка между Руничем и Лабзиным становилась более эпизодичной.

После ареста и высылки из Москвы почт-директора Ф.П. Ключарева 10 августа 1812 г. Рунич был назначен директором Московского почтамта. Он исправно выполнял свои обязанности, по приказу министра внутренних дел О.П. Козодавлева осуществлял некоторые полицейские функции: секретно проводил перлюстрацию писем, секретно сообщал о всех московских происшествиях, следил, чтобы экспедиторы почтовых мест доставляли сведения о всех местных событиях. Рунич показал себя как «усердный сотрудник и соучастник (...) в попечении о пользе и распространении мануфактур»²⁵. По приказу Козодавлева он собирал у московских фабрикантов образцы ситца, сукна и лент для изготовления орденов и часов, которые потом одобрял сам император. В то же время, согласно масонской филантропии, которая распространялась в первую очередь на братьев, а потом на лиц, не принадлежавших к ордену, Рунич оказывал помощь «братьям», обращавшимся к нему, напри-

мер: действительному статскому советнику П.А. Левашеву, жене генерал-аншефа графа З.Г. Чернышова А.Р. Чернышевой, сыну дипломата, переводчика и писателя Я.И. Булгакова К.Я. Булгакову²⁶.

Когда в 1812 г. было учреждено Библейское общество в Петербурге, которое стало своего рода легальной масонской ложей²⁷, Рунич принял в нем деятельное участие. Главной целью общества было реформировать православие на «просвещенных началах», а по сути дела, заменить его каким-то суррогатом, соединяющим в себе мистику и космополитизм. Это было первое экуменическое общество в России, где рядом с деистом, атеистом, масоном-мистиком сидели английские квакеры, методисты, католические патеры, лютеранские пасторы и православные архиереи. Его деятельность всецело контролировалась и направлялась вольными каменщиками, которые декларировали приверженность православию, но на деле сознательно разрушали его в повседневной практике. Президентом общества был известный мистик и масон князь А.Н. Голицын, министр духовных дел и народного просвещения и цензор, он подавлял любой протест против масонства и мистицизма²⁸. Рунич интересовался деятельностью общества, рассылал по губерниям по поручению секретаря Петербургского Библейского общества и масона В.М. Попова книги, в которых разъяснялись цели общества. В июле 1813 г. Рунич вступил в московский комитет Библейского общества, и начал заниматься распространением бесплатных Библий. В это дело было необходимо вкладывать собственные деньги, согласно масонской филантропии: личные пожертвования и создание специальной литературы, в целях подготовки общества к восприятию масонских идей. Первоначально Рунич был уверен в благих намерениях общества, которое, как он думал, занималось только распространением Библий. С целью разъяснения этих намерений Рунич предпринял попытку напечатать речь о цели и пользе Библейского общества в «Сыне Отечества». Впоследствии он признал, что «выдуманная в Англии протестантскою философию филантропия, которую она ввела и в Россию; не имеет ничего общего с Евангельскою любовью к ближнему, а скорее имеет одно начало с торговлею и промышленностью»²⁹. По мнению Рунича, общество «оскорбляло народные нравы и оспаривало прерогативы [православного – Е.А.] духовенства», поскольку это было необходимо ему, чтобы окрепнуть и развиваться³⁰.

Таким образом, через создание Библейского общества «вольные каменщики» осуществили реформу православной церкви. Также их приоритетной задачей было внедрение в государственный аппарат и подчинение общественных организаций, абсолютное большинство которых оказались под влиянием масонских лож³¹. Так Рунич в 1812-1822 гг. был ординарным членом, затем стал почетным членом императорского общества испытателей природы при московском университете. С 1819 г. он был почетным членом общества врачей и физических наук при московском университете, в 1822 г. стал вице-президентом и одним из директоров комитета Санкт-Петербургского общест-

ва попечительного о тюрьмах³². Можно сказать, что масонство стало «одним из первых проявлений общественной инициативы»³³. В связи с реформой Петра I в обществе появились признаки самосознания; оно перестало видеть в себе только служебное предназначение, начало чувствовать потребность и обязанность самостоятельной деятельности. Это новое возбуждение выразилось не только в участии в общественных организациях, но и в создании новой литературы.

В 1813 г. в Москве было издано сочинение Рунича «Дружеский ответ всем тем, до кого сие касаться может», которое было написано, с одной стороны, из своеобразных гуманистских побуждений, свойственных масонам: «желание близким всякого добра и милости Божьей», с другой, с целью разбудить общество, возжечь в нем стремление к лучшему, стремление вступлению в масонский орден: «склонить к внимательному рассмотрению предметов, касающихся до вечного блаженства»³⁴. Согласно масонскому учению лишь посвященные, приобщившиеся к мудрости веков, продолжающие работу таких же посвященных, могут в полной мере развить в себе высокие нравственные качества и «строить храм» будущего человечества, руководствуясь масонством. Произведение было по достоинству оценено единомышленниками Рунича: «восхитительно видеть такое усердие в распространении спасительного просвещения»³⁵. Масонские связи Рунича не ослабевали, он продолжал переписку с братьями масонами, получал масонские бумаги от Н.И. Новикова, его наставник «по ослаблению руки» уже не мог писать самостоятельно, но продолжал обучение своего подопечного. Рунич переписывался с И.В. Лопухиным, авторитет которого в масонских кругах был очень велик³⁶. К нему поступали все масонские бумаги, и он координировал деятельность масонского ордена, в первую очередь, «теоретического градуса» в России, о некоторых ответвлениях которого не знал даже Н.И. Новиков. В письмах Лопухин восхищался «спасительными книгами» Библейского общества, как и Рунич он был его членом, подробно сообщал о своих литературных занятиях и издаваемых им мистических книгах, давал поручения и советы³⁷.

11 февраля 1816 г. Рунич был уволен от должности московского почт-директора и получил чин действительного статского советника и был причислен к почтовому департаменту с жалованием, соответствующим званию помощника Московского почт-директора³⁸. После увольнения он находился в «стесненном положении» и вскоре принял предложение министра духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицына занять место директора департамента в его министерстве. В 1818 г. от руководителей масонских лож опять стали требовать «предварительное объявление» в полиции о месте и времени проведения собраний, великие мастера должны были возобновить свои систематические отчеты министру полиции о переменах в составе и обо всем происходившем в ложах³⁹. В 1818 г. Рунич, очевидно, исходя из соображений карьеры, в письме В.М. Попову, написанному по требованию А.Н. Голицына,

заявил: «Я масон, но не принадлежу ни к одной масонской ложе ни в Москве, ни в Петербурге»⁴⁰. 18 апреля 1820 г. Д.П. Рунич и А.Л. Витберг были исключены из масонского братства Лабзиным, так как проявили, по его словам, «своеумие и своенравие» и перестали посещать собрания «усыновившей их ложи»⁴¹. Рунич, разочаровался в Лабзине, так как он, по его мнению, постепенно отдалялся от «истинного смысла» масонства. Причинами этого он называл независимость ложи Лабзина, издание некоторых мистических сочинений Юнга-Штиллинга, переводимые им «без всякого разбора, основываясь лишь на новизне данных»⁴².

Подобно своему «учителю» Н.И. Новикову, который дистанцировался от масонских структур после выхода из Шлиссельбургской крепости, Рунич отказался от принадлежности к ложе, но не от своих масонских убеждений. Логика деятельности Рунича в первой половине 20-х гг. XIX в. определялась идеологическими представлениями, вызревшими в лоне масонства, верность которым он сохранил до конца своей жизни, о чем свидетельствуют многочисленные источники.

¹ Два письма Д.П. Рунича – В.М. Попову // Русская Старина (далее РС). 1898. № 8. С. 393; исследование выполнено при поддержке Министерства образования Российской Федерации: грант А03-1.2-86.

² В 1782 г. Екатерина II приняла «Устав Благочиния», направленный, в целом, против обществ и собраний, а в частности против масонских лож, с 1785 г. начались систематические гонения масонов, в 1786 г. большинство масонских лож было закрыто, остались тайные и немногочисленные. См.: Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб. 1999. С. 284-318.

³ Под «мистическими сочинениями» понимаются произведения, посвященные мистицизму, как форме религиозно-идеалистического мировоззрения. Основные черты мистицизма – отказ от рационального знания и мышления как способа познания окружающего мира и обращение к религии, «религиозному чувству», «высшему внутреннему свету» для достижения «высоких и таинственных истин» бытия. См.: Пыпин А.Н. Масонство в России XVIII и первая четверть XIX в. М. 1997. С. 182-186.

⁴ С.И. Гамалея (1743-1822) - член ложи «Озириса» в Петербурге (с 1776 г.), с 1782 г. мастер стула ложи «Девкалиона», розенкрейцер, член директории «теоретического градуса», 2-й надзиратель капитула 8-й провинции в Москве (после разделения Европы на масонские провинции на Вильгельмсбадском конвенте 1782 г. Россия была объявлена 8-ой провинцией), посетитель лож «Геркулеса в колыбели», «Восходящего солнца», университетской ложи «Гермеса». См.: Лонгинов М.Н. Новиков и масонские мартинисты. СПб. 2000. С. 182-183; Серков А.И. Русское масонство 1731-2000. М. 2001. С. 717.

⁵ Дмитриев М.А. Воспоминание о Лабзине (из записок М.А. Дмитриева) // Русский Архив (далее РА). 1866. С. 850; Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 48.

⁶ А.Ф. Лабзин (1776-1825) - секретарь Библейского общества, мартинист с 1783 г, основатель и мастер стула ложи «Вифлеема», которая объединяла членов шотландских степеней «Умирающего сфинкса», член ложи «Народа Божьего», участник собраний «теоретических братьев» в Петербурге 1809-1810 гг. и «теоретического круга» в Москве с 1819 г., посетитель лож, входивших в союз Великой провинциальной ложи («Ищущих манн»),

«Нептуна») и Астреи («Елизаветы к добродетели», «Орла Российского», «Соединенных друзей»). Серков А.И. Указ. соч. С. 454.

⁷ Жене А.А. Плещеева Н.П. Протасовой, свояченице и приятельнице Н.М. Карамзина, принадлежит перевод сочинения госпожи Ле-Пренс-де-Бомон «Училище бедных, работников, слуг, ремесленников и всех нижнего класса людей», в котором она выступила как сторонница просвещения для «простолюдинов». Серков А.И. Указ. соч. С. 646.

⁸ Н.М. Карамзин (1766-1826) в 1784 г. вступил в ложу «Златой венец» в Симбирске, с 1785 по 1789 гг. был воспитанником Дружеского Ученого Общества, в 1789 г. перед отъездом за границу объявил о выходе из братства. См.: Бакунина Т.А. Знаменитейшие русские масоны. М. 1991. С. 63-69. Сочинения Рунича: в 1795 г. «Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году миледи Кравен», в 1796 г. «Удивительное мщение одной женщины». РГБ ОР. Ф. Полт. К. 45 Д. 26. Л. 3; Ф. 751. К. 2. Д. 52. Л. 6. Письма Н.М. Карамзина к Д.П. Руничу: РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 19. Л. 7.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 1 об., 2.

¹⁰ А.Б. Куракин (1752-1818) был посвящен в первую степень в 1773 г. в ложе тамплиеровского ордена, в 1776 г. при его посредничестве были организованы ложи шведской системы в России, после принятия им высших градусов в Стокгольме. Бакунина Т.А. Указ. соч. С. 43-47.

¹¹ Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 1. С. 77. В.П. Кочубей (1768-1834) был членом масонских лож с 1786 г. «Минервы» и «Девкалиона» и членом «теоретического градуса» в Москве.

¹² В числе благоволивших к ложе Лабзина были Н.И. Новиков, С.И. Гамалея, И.А. Поздеев и все бывшие еще в живых члены московского новиковского кружка. Собрания первоначально проходили на квартире А.Ф. Лабзина в доме А.Г. Черевина, затем в доме купчихи А.В. Глушковой. См.: Соколовская Т.О. Возрождение масонства при Александре I // Тайные ордена. Масоны. Ростов-на-Дону. 1997. С. 241-242.

¹³ Необходимо заметить, что в списках заседаний ложи «Умиравший сфинкс» Рунич значился под масонским псевдонимом «Чурин». Серков А.И. Указ. соч. С. 717.

¹⁴ А.Г. Черевин (1778 - 1818) был посвящен в ложу «Умиравший сфинкс» в 1801 г., примерно в марте 1809 г. порвал отношения с А.Ф. Лабзиным, до 1809 г. был принят в «теоретическую степень» Н.И. Новиковым, состоял секретарем в собраниях «теоретических братьев» в 1809-1810 гг., проходивших для членов «теоретической степени» ложи «Умиравший сфинкс», масонский псевдоним: Вечерин. Также Черевин был членом общества Грабянки «Народ Божий», в его доме проходили собрания общества. Серков А.И. Указ. соч. С. 871.

¹⁵ РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 24. Л. 93.

¹⁶ Н.И. Новиков (1744-1818) был посвящен в масоны в 1775 г., посещал ложу «Урании», был одним из девяти членов, составивших ложу «Астрея», мастером стула ложи «Латона», в 1780 г. организовал ложу «Гармонии», с 1782 г. член капитула и президент директории 8-ой провинции, член ложи «Злато-розового Креста», член директории «теоретической степени», в ложах XIX в. участия не принимал. Екатерина II, не терпевшая проявлений общественной инициативы, начала преследования московского масонского кружка с конца 1784 г.; в 1787 г. указ о запрете распространения книг, ранее изданных, повлек приостановление деятельности типографии Новикова, в 1791 г. Типографическая компания была уничтожена, в 1792 г. Новиков был посажен в Шлиссельбургскую крепость. Освобожденный из тюрьмы Павлом I, он поселился в своем селе Авдотьино с неразлучным другом С.И. Гамалеей, «партикулярно», то есть вне лож, посвящал своих сторонников в высшие масонские степени, и занимался составлением библиотеки братьев Злато-Розового Креста,

которая содержала различные произведения мистико-нравственного характера и должна была служить познанием масонских тайн. См.: Бакунина Т.А. Указ. соч. С. 29-35.

¹⁷РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 6. Л. 4 об.

¹⁸Там же. Д. 22. Л. 16-17.

¹⁹Ф.П. Ключарев (1751-1822) был членом директории 8-й провинции, мастером стула масонской ложи «Св. Моисея», членом ложи «К Мертвой голове», главным надзирателем собраний «теоретического круга» в Москве с 1819 г.

²⁰«Сионский вестник» был запрещен в сентябре 1806 г., «Друг юношества», издававшийся с 1 января 1807 г., не смог его заменить: в нем не было ярко мистической окраски, помещались преимущественно нравственно-религиозные и назидательные статьи. 10 лет спустя в 1817 г. Лабзин опять возобновил свое издание, но оно вызвало энергичные протесты со стороны православного духовенства, и в 1818 г. журнал окончательно прекратил свое существование.

²¹Собрания общества «Народ Божий» графа Грабянки проходили в доме А.Г. Черевина, членами были А.Н. Голицын, Р.А. Кошелев, А.Ф. Лабзин, А.А. Ленивец, С.И. Плещеев, Г.М. Походяшин, Н.В. Репнин, А.Г. Черевин, П.И. Донауров, Ф.П. Лубяновский. См.: Бращев В.С. Масоны и власть в России. М. 2003. С. 228-229.

²²И.Г. Шварц (1751-1784), посвященный в масонство во второй половине 1770-х гг. в Митаве в ложе «Красный орел» строго наблюдения, был членом-основателем ложи «Геркулес в колыбели» в Могилеве в 1776-1777 г., мастером стула, канцлером или великим секретарем в 1783 г. директории 8-й провинции в Москве, вместе с Новиковым членом-основателем «тайной сиенцифической», эклектической ложи «Гармония» 1780-1783 гг., наместным мастером ложи «Дружба» с 1779 г., которая была переименована в ложу «Три меча», канцлером капитула 8-й провинции с 1783 г., членом директории «теоретической степени» в Петербурге, членом ложи «Трех замен» в Москве с 1779 г., ложи «Озириса» в Петербурге с 1776 г. См.: Записка Д.П. Рунича о масонстве // Литературный вестник. 1904. Т. 8. С. 106; Рунич Д.П. Россия от 1633 до 1854 г. Взгляд на древний и новый ее быт (из бумаг Д.П. Рунича). Ярославль. 1909. С. 9; Серков А.И. Указ. соч. С. 888.

²³Лонгинов М.Н. Указ. соч. С. 179.

²⁴Михайловский С.И. «Семейный портрет Руничей» А.Л. Витберга // Страницы истории отечественного искусства. Вып. 1. XVIII – первая половина XIX века. СПб. 1993. С.72.

²⁵РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 24. Л. 122 об.

²⁶Там же. Д. 21. Л. 53. О.П. Козодавлев (1754-1819) был посвящен в ложе «Равенства» в 1775 г., вице-президент Российского Библейского общества с 1812 г., почетный член «Беседы любителей русского слова», член Российской Академии наук.

²⁷Помощь «братьям» подразумевала служебное содействие (масон старался помочь продвинуться по службе всем, кто состоял в ордене, масонский диплом – залог, обеспечивавший восхождение по служебной лестнице) и денежную поддержку (масоны помогали нуждавшимся братьям деньгами). П.А. Левашев (ок. 1720-1820) служил при посольстве, был близок к А.Б. Куракину и Н.И. Панину, член ложи «Девяти или Трех Муз» в Петербурге с 1774 г.; А.Р. Чернышова (1744-1830) сестра жены П.И. Панина, замужем за графом З.Г. Чернышевым (1722-1784), с 1763 г. вице-президент военной коллегии, с 1769 г. главнокомандующий в Москве, оказывал покровительство масонам, секретарь ложи «Трех камонов» в Вене с 1743 г., член ложи «Девяти или Трех Муз» с 1774 г.; К.Я. Булгаков (1782-1835), дипломат, обратил на себя внимание А.Б. Куракина и А.К. Разумовского, с февраля 1816 г. московский почт-директор, его отец Я.И. Булгаков (1743-1809) был переводчиком при дипломатических миссиях и Н.В. Репнине, при содействии Н.И. Панина стал полномочным министром в Константинополе 1781 г., комиссионер изданий Н.И. Новикова. Сер-

ков А.И. Указ. соч. С. 149, 467, 874-875. Сведения о помощи см.: РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 8, 3; РГБ. ОР. Ф. 41. Д. 28; Ф. 751. К. 3. Д. 11.

²⁸Брачев В.С. Указ. соч. С. 235-236.

²⁹А.Н. Голицын (1774-1844), действительный статский советник, сенатор, член Государственного совета с 1810 г., хотя официально и не состоял в масонских ложах, однако его принадлежность к масонам не вызывает сомнений. Он был членом общества Грабянки «Народ Божий», впоследствии стал попечителем ряда обществ, находившихся под сильным масонским влиянием, например: императорского человеколюбивого общества, общества истории и древностей российских, общества любителей российской словесности при московском университете и других. Членами Библейского общества были: В.М. Попов и А.И. Тургенев (секретари), министр внутренних дел О.П. Козодавлев, обер-прокурор святейшего синода князь Мещерский, будущий министр народного просвещения при Николае I граф С.С. Уваров и другие масоны, видные деятели правительственной администрации. См.: Серков А.И. Указ. соч. С. 250; Брачев В.С. Указ. соч. С. 235-236.

³⁰РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 9. Л. 28 об.

³¹Из записок Д.П. Рунича // РС. 1901. № 5. С. 375.

³²Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 127.

³³Серков А.И. Указ. соч. С. 717.

³⁴См.: Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 11.

³⁵РГБ. ОР. Ф. 751. К. 2. Д. 52. Л. 8.

³⁶Рунич Д.П. Дружеский совет всем тем, до кого сие касаться может. М. 1813; Письма И.В. Лопухина к Д.П. Руничу // РА. 1870. № 7. С. 1235. Эта книга, несмотря на заверения министра внутренних дел О.П. Козодавлева, по-масонски оказывавшего покровительство Руничу, «будьте уверены, что я ничего не (запрещаю) что может вам полезно и паче когда вы столь правы и невинно страдаете» (РНБ. ОР. Ф. 656. Д. 21. Л. 24 об.), была конфискована из-за содержащихся в ней рассуждений о таинстве крещения, которые не соответствовали учению православной церкви, и была повторно издана лишь в 1837 г.

³⁷И.В. Лопухин (1756-1816) был посвящен в одной из московских лож, состоял членом Дружеского Ученого общества и Типографической компании, был управляющим мастером в ложе «Латона», членом тайной новиковской ложи «Гармония», розенкрейцером, с 1784 г. мастером ложи «Блистающая звезда», «надзирателем» для русских братьев в директории «теоретического градуса», позднее вице-президент директории 8-й провинции. См.: Бакунина Т.А. Указ. соч. С. 55-61.

³⁸Письма И.В. Лопухина к Д.П. Руничу. С. 1215-1236.

³⁹РГБ. ОР. Ф. 41. К. 144. Д. 12; РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 7; Ф. 1863. Оп. 1. Д. 53. Л. 3 об., 4.

⁴⁰Брачев В.С. Указ. соч. С. 269-270.

⁴¹Два письма Д.П. Рунича – В.М. Попову. С. 393.

⁴²Пыпин А.Н. Указ. соч. С. 364 - 365.

⁴³Михайловский С.И. Указ. соч. С. 74.

ИСТОРИЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Е.А. Калинина

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИРЛАНДИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Одним из наиболее острых вопросов политической жизни Англии первой половины XIX века оставался ирландский. Обе партии правящих классов, сменявшие поочередно друг друга у кормила власти, стояли за сохранение английской власти в Ирландии и противились любым реформам, которые могли ослабить эту власть, ограничить эксплуатацию ирландского народа.

Политический режим, который английские господствующие классы поддерживали в Ирландии на протяжении всего XIX века, представлял собой яркий пример колониального угнетения покоренного народа. Политические порядки в Ирландии, хотя она и считалась составной частью «конституционной» Великобритании, представляли собой резкий контраст с теми, которые действовали в метрополии.

С принятием Унии 1 января 1801 г. завершилась почти 500-летняя история эпохи ирландского парламентаризма. Акт об Унии установил Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии. Документ состоял из 8 статей¹. Первые четыре касались политической основы союза. Ирландия направляла в верхнюю палату Вестминстера четырех духовных лордов и 28 светских, избранных пожизненно пэрами Ирландии. В нижнюю входило 100 коммонеров, по два от каждого графства, по два от Дублина и Корка, по одному от 31 другого города и баро и один от Дублинского университета. Статья пятая объединяла протестантские церкви Англии и Ирландии в Государственную церковь. Статья шестая вводила свободную торговлю в обеих частях Королевства. Седьмая статья регулировала финансовые отношения, а в восьмой говорилось о единстве судопроизводства и права.

Формально, с введением Унии Ирландия стала составной частью Соединенного Королевства, но фактически централизованное управление, установленное им, усилило колониальное закабаление.

Уния ликвидировала деятельность автономного парламента и самоуправления. Ликвидация автономии приводила автоматически к упрочению позиций исполнительной власти в этой части государства. В Ирландии был сосредоточен 25-тысячный гарнизон английской армии и за небольшими исключениями на протяжении первой трети XIX в. в ней действовало чрезвычайное законодательство. Уния внесла изменения в методику управления.² Политика правительства в Ирландии носила скорее карательный, нежели созидательный характер, в целом она была призвана усмирить, сломить сопротивление ирландцев, недовольных Унией с Великобританией и политикой, проводимой английским правительством. Иерархия управления Ирландией строилась по следующей схеме. Верхнюю строчку занимал министр по делам

Ирландии. Главой местной власти был лорд-лейтенант или вице-король Ирландии, а далее шли лорд-канцлер и другие должности в правительстве. Полномочия лорда-лейтенанта распространялись на осуществление британского контроля над островом, он определял параметры ирландской исполнительной власти, следил за тем, кого выбирали на службу британскому королю в Британии. Вице-король имел тесные контакты с Короной, премьером, министром внутренних дел и Кабинетом³. Администрация Ирландии дополняла власть лорда-лейтенанта и уравнивала ее. Для поддержания порядка и власти, защиты страны от иноземных врагов Ирландия содержала армию и милицию. Система законов была, как правило, комбинацией британских прецедентов и ирландских нерегулярных правил. Механизм принятия законов опирался на работу судей, «вытащенных» из мелких лендлордов, богатых протестантских адвокатов, части священников из Государственной Церкви, а позднее на «ответственных» католиков⁴.

Вице-король нуждался в упрочении своего авторитета и в поддержке общественности. Он жаловал деньги, субсидировал частные фонды, проводил аудиенции и устраивал приемы, давал интервью, стремясь выполнять важную социальную функцию. Важным инструментом у вице-короля было контролирование системы покровительства.⁵ Подобная модель управления всегда опиралась на конкретную политику правящей партии метрополии в той же мере, как получала реальное воплощение в зависимости от личности самого лорда-лейтенанта.

Можно подробно анализировать итоги Акта об Унии для Ирландии, ибо его последствия начали сказываться буквально во всем. Но один аспект вопроса вызывает особый интерес. Потеря парламентской автономии значила, что отныне все дела Ирландии будут в руках Вестминстера. Взяв во внимание тот аспект, что в основе английской и ирландской избирательной системы лежал высокий имущественный ценз, можно сделать вывод, что даже для политически полноправных протестантов прохождение в палату общин по-прежнему оставалось невозможным. Данной точки зрения придерживается и ряд историков (О'Фэррелл, Макдонаг и др.)⁶. Один из основателей газеты «Нация» («Nation») и лидеров движения «Молодая Ирландия» Ч. Даффи писал: «... В Ирландии любой класс общества, за исключением высших гражданских чиновников и епископата, были беднее, чем соответствующие классы в любой стране Европы»⁷.

Хотя электорат Ирландии состоял из католического населения, депутатами Вестминстера могли быть только протестанты. Чаще всего это были арендаторы, которые подвергались массированному давлению своих протестантских лендлордов. Надеждам католиков на эмансипацию не суждено было сбыться, ибо сломить сопротивление консервативных политиков в британском парламенте и Георга III премьер-министру Питту-мл. оказалось не под

силу. В результате этих противоречий Питт 3 февраля 1801 г. ушел с поста премьер-министра.

Таким образом, первоначальное движение против Унии было преимущественно протестантским, порожденным боязнью потери своего господства. Католики, вне зависимости от своего социального и имущественного положения были не только лишены права быть избранными в парламент, но не могли быть судьями и министрами. Д.Чарт отмечал, что принципы консолидации католиков и одновременно основы все большего отхода их от протестантов были заложены в самой структуре Унии⁸. Уния консервировала систему, которая ударяла по интересам подавляющего большинства ирландской нации. Безусловно, политические аспекты объединения резко изменили положение Ирландии и, как сходятся во мнении исследователи, явно не в лучшую сторону⁹. Неоднозначными стали и экономические последствия Унии – с одной стороны, Ирландия была введена в единую экономическую систему Королевства, а с другой – ей все более отводилась роль сырьевого придатка Британии и поставщика дешевой рабочей силы¹⁰.

После установления Унии 1801 г. в ирландском обществе на первый план вышли три основные идеи, которые долгое время были главенствующими. Первая – проведение эмансипации католиков, вторая – возврат к самоуправлению, которое сводилось к восстановлению парламента и сохранению связей с британской Коронай. Третья – борьба за права арендаторов, что фактически привело бы к уничтожению английского лендлордизма.

Первой реакцией на введение Унии стало восстание 1803 г., предпринятое группой националистов во главе с Робертом Эмметом. События 1803 г. выявили несколько важных особенностей. Концептуально восстание и его задачи были связаны с идеалами «Объединенных ирландцев», так как сам Эммет был одним из лидеров дублинского отделения «Объединенных ирландцев». В подготовке восстания 1803 г. немаловажную роль сыграл и Томас Рассел, еще один из активистов «Объединенных ирландцев». Задачей, которую ставили перед собой Эммет и Рассел, должно было стать учреждение республики в Ирландии. В отличие от 1798 г., выступление 1803 г. проходило при отсутствии какой-либо серьезной организации и участия военных подразделений. Эммет рассчитывал силами малого числа своих сторонников захватить правительственные учреждения. Это, по его мнению, должно было вызвать революционный подъем населения. Однако ирландцы помнили неудачный опыт восстания 1798 г. и репрессии, последовавшие за ним. 23 июля, в день, назначенный для выступления, вместо сотен человек под руководством Эммета оказалось всего несколько десятков. Восстания не получилось, скорее все выглядело как «уличный бунт»¹¹, как акт отчаяния. Подавление восстания и казнь самого Эммета означало для страны не просто устранение конкретного сопротивления, но и привело к уничтожению революционного направления в национальном движении. Нельзя не согласиться с

оценкой Р. Ки, считающего события 1803 г. «коротким постскриптумом к восстанию 1798 г.»¹². Д.О'Коннелл, противник любого насильственного движения крайне негативно выразил свое отношение к этому восстанию: «Человек, который подготовился к такому количеству кровопролития, к такому числу убийств, к таким ужасам любого свойства, перестал быть объектом сострадания»¹³.

После неудачи восстания Эммета националисты перешли к легальной, реформаторской работе. Их целью было добиться обещанной эмансипации католиков. Главная заслуга в ее проведении принадлежала политическому и общественному деятелю Ирландии Даниэлю О'Коннеллу. В целом во всей политической деятельности О'Коннелла можно выделить две основные задачи: эмансипацию католиков и борьбу за отмену Унии 1801 г. (рипил).

О'Коннелл понимал эмансипацию как «освобождение», подчеркивая, что свобода, как равенство прав, должна распространяться и на другие неблагополучные территории, например в отношении протестантов в Испании и Португалии, христиан в Османской империи¹⁴. Эмансипация, по О'Коннеллу, не должна сталкивать две конфессии, а призвана объединить ирландскую нацию, превратив религиозный водораздел в ничтожное явление.

В 1823 г. О'Коннелл основывает Католическую Ассоциацию - движение за права католиков. Наступал тот период истории, который У. Лекки определил как «блестящий» в жизни О'Коннелла¹⁵.

Одним из элементов стратегии Ассоциации была католическая рента, для чего по всей стране был начат сбор денег по подписке. Оплата ренты означала прямую заинтересованность ирландца в движении. В данном случае были важны не деньги, а причастность к эмансипации, хотя сборы были не малыми. Если первая неделя действия ренты принесла доход в 8 ф. ст., то в течение года ее недельный сбор составлял уже 1000 ф. ст. По подсчетам Гуйнна, они собирали сумму около 13000 ф. ст.¹⁶

Немаловажное значение Ассоциация придавала пропаганде, которая осуществлялась через газеты, контролируемые католиками: «Dublin Evening Post» и «Morning Register»¹⁷.

Ярким примером мощи движения и авторитета Ассоциации, ее новых форм работы стали выборы 1826 и 1828 гг. В нескольких графствах потерпели поражение кандидаты в коммонеры, стоявшие на позициях неприятия эмансипации.

Та политическая группа Англии во главе которой стояли Р. Пил и Веллингтон (единственный за всю историю ирландец – премьер-министр), понимала, что отложение эмансипации сейчас было бы равносильно укреплению нового национализма на острове¹⁸.

Непосредственной задачей политической эмансипации было восстановление пассивного избирательного права католиков. Размах борьбы ирландцев за это право был столь значителен, что премьер-министр Веллинг-

тон решил пойти на уступку и 13 апреля 1829 г. Акт об эмансипации католиков был принят¹⁹.

По новому закону католическое население получало возможность быть избранным в парламент, но имущественный ценз для них увеличился с 40 шилл. до 10 ф. ст. Таким образом, доступ к власти получила небольшая доля нации, к тому же католики по-прежнему не могли занимать высшие государственные посты. В письме к жене О'Коннелл писал: «Билли приняты. Огромный и славный триумф...но билль устанавливает квалификацию фригольдеров до десяти фунтов. Это плохо, очень плохо и мы должны предотвратить это, если сможем...»²⁰ Очевидно, что непосредственные результаты эмансипации для ирландского населения были ограниченными.

Не следует забывать и тот факт, что британское общество в подавляющем большинстве отрицательно восприняла Акт 1829 г. Тори называли Пила «Рипилом», подчеркивая тем самым, что следующим его шагом, возможно, будет отмена Унии. Но главным было не это. Англичане были шокированы самим фактом изменения конституционных основ страны.

Карательные акции Англии внутри Ирландии сводили на нет все достижения эмансипации. Весьма показательна хронология британских законов для Ирландии, представленная в книге Джона Митчела. 1807-10 гг. – Чрезвычайное положение, согласно Акту о мятеже, 1814 г. – Акт восстановлен в силе, 1815-25 гг. – продление действия Акта, 1833 г. – принятие нового Акта о мятеже, в 1834 г. – Акт восстановлен²¹.

Став депутатом Вестминстера О'Коннелл поднял вопрос о расторжении Унии, связав его с принципами радикализма, в том числе и по проектам парламентской реформы²². Итоги первых всеобщих выборов в декабре 1832 г. подтвердили, что идея аннулирования Унии жила в ирландском народе. Рипилеры получили 42 места, существенно обойдя тори – 30 и вигов – 33 места²³. Нельзя упустить из виду и то, что если для Великобритании парламентская реформа 1832 г. расширила рамки электората, то в Ирландии она же, исходя из норм 1829 г. их сузила.

Другим направлением деятельности О'Коннелла стала борьба за принятие в 1840 г. Ирландского Муниципального акта²⁴. Этот закон заложил основы системы местного самоуправления. Акт распустил 48 старых муниципальных корпораций и модернизировал 10 других. В состав корпуса избирателей были включены квартиросъемщики с доходом в 10 ф. ст. Там право муниципального электората имели все налогоплательщики. В отличие от метрополии, шериф не избирался городским советом и не был подотчетен ему, а назначался решением лорда-лейтенанта. Несмотря на то, что акт увеличивал возможность появления католиков в органах местного самоуправления, процент протестантов в городском управлении по-прежнему был велик.

С 1840 г. О'Коннелл приступил к формированию рипилеровского движения²⁵. Приход в сентябре 1841 г. к власти торийского кабинета Роберта

Пилия растопил надежды на понимание британских властей, да и сам Пил не скрывал своей антикатолической позиции.

Для О'Коннелла выход был только один – усилить ирландские требования. Ликвидацию Унии он предлагал провести используя те же методы, что были апробированы в период движения за эмансипацию. Тактически коннеллистскую схему достижения рипила можно представить в виде ряда последовательных этапов: создание организации; сплочение под ее началом широких слоев нации; демонстрация британскому обществу общеирландского стремления к рипилу; в конце – давление просвещенного английского общественного мнения на свое правительство.

Главным противником коннеллистской модели рипила стал лидер ирландских консерваторов Айзек Батт. В своих речах он говорил, что рипил никогда не будет принят метрополией, а потому без насилия и крови он невозможен, в отличие от О'Коннелла, который считал что для победы рипила нужна лишь резолюция и мирная агитация. Однако победила линия О'Коннелла – 43 голоса против 15 в его пользу²⁶.

В апреле О'Коннелл начал подготовку к митингам для сбора подписей под проектом о рипиле с последующим представлением их в Вестминстере. К концу года О'Коннелл опирался уже на трехмиллионную организацию рипилеров²⁷.

По всей стране шли сведения о митингах рипила. МакКэффи привел впечатляющую динамику. Апрель 1843 г.: Лимерик – 120000 чел., Келлз – 150000; Чарлвилл – 200000, Корк – 500000, Кэшел – 30000, Нэна – 500000; июнь: Килкенни – 300000, Мэллоу – 500000, Эннис – 500000 и т.д.²⁸

Подробный анализ атмосферы митингов проведен Г. Оуинзом²⁹. Автор выражает сомнения в реальности тех огромных цифр участников митингов, которые давала рипилеровская пресса. Указанное число собравшихся не давало им физической возможности слышать ораторов; кроме того, личное присутствие было не обязательно – все подробности митингов можно было узнать из газет.

В числе важных инициатив рипилеров было создание прообраза будущего ирландского парламента в форме так называемого Совета Трехсот. Этот Совет, по идее О'Коннелла, должен был состоять из представителей графств, собравшихся в Дублине³⁰.

Первоначально О'Коннелл, допуская возможность отказа со стороны Вестминстера принять билль о рипиле, надеялся на королеву Викторию. У него был даже план очередного устройства правительства страны. По нему Виктория получала ирландский трон; палата лордов восстанавливалась во всем объеме старинных привилегий, но католики получали туда доступ; палата общин в составе 300 коммонеров повторяла очертания доюнионистского времени, лишь с поправкой на новое избирательное право.³⁰ Упомянутый выше Совет Трехсот становился бы временным правительством. Фактически

О'Коннелл желал ирландского парламента, связи с Британией, одного монарха и две легислатуры. Но вышло иначе. На закрытии сессии парламента 24 августа Виктория подчеркнула, что Уния должна быть сохранена³². Мечтам О'Коннелла не суждено было сбыться.

В условиях безраздельного господства идеологии и практики коннелизма в национальном движении в 1842 г. в Ирландии появилась еще одна патриотическая организация, имевшая целью оказать помощь О'Коннеллу в борьбе за рипил. Это была «Молодая Ирландия» во главе которой стояли трое молодых националистов – Томас Озборн Дейвис, Джон Блейк Диллон и Чарлз Гэвэн Даффи. Ими была основана газета «Нэйшн», получившая популярность среди ирландской интеллигенции.

Появление младоирландского течения, основанного на всестороннем развитии национальной культуры, было в известной мере предопределено творчеством их современников, в частности ирландским драматургом Джоном О'Киффом, актуализировавшим проблемы истории в реалиях страны первой трети XIX века³³.

Обе организации – Ассоциация рипила и «Молодая Ирландия» поддерживали требование отмены Унии. Но наряду с этим, молодые представители интеллигенции более склонялись к приоритету ренессанса нравственной и культурной атмосферы в стране, чем к политическим преобразованиям, ратовали за ликвидацию засилья английской идеологии. Её члены полагали полезным культивировать гэльский язык, обычаи, нравы, пропагандировать героическое прошлое Ирландии. Освобождение страны должно придти через культурный ренессанс, образование, развитие чувства национального самоуважения и самосознания. В программных произведениях Дейвиса, Даффи не было места шовинизму, как не делали ирландцы проблемы из религиозного вопроса, считая, что все ирландцы, имея общее прошлое, должны пользоваться и равными правами в настоящем и будущем. Они полагали достичь духа веротерпимости. «Ирландия должна стать целью ирландцев, но не англо-ирландцев. Но ирландцы означают не только кельтов, ибо люди, любящие страну и служившие ей, и были ирландцами»³⁴.

Взгляды и убеждения лидеров «Молодой Ирландии» играли важную роль в развитии нового национализма. Центральной фигурой в нем был Томас Дейвис. После его смерти соратник Дейвиса Джон Митчел писал: «...дело ирландской независимости потеряло свое сердце и душу»³⁵. «Нашим настоящим лидером» называл Дейвиса и Даффи³⁶.

Уже в сентябре 1843 г. в Ассоциации О'Коннелла преобладает агрессивный тон, рипилеры позволяли себе мысли и высказывания, невозможные даже прошлым летом. Волны митингов захлестнули страну.

На 8 октября рипилеры назначили митинг в Клонтарфе, месте известном тем, что там, в 1014 г. ирландцы разгромили датчан. Однако правительство готовило армию. Все, в том числе и младоирландцы настаивали на про-

ведении митинга, но О'Коннелл отказался от его проведения. Он отступил, и «все встало на свои места»³⁷. 14 октября О'Коннелл был арестован. Место коннелистов в национальном движении стали занимать младоирландцы, популярность которых возросла. Среди подтверждений этого, можно отметить цифры подписчиков «Нэйшн». Уже в квартал, предшествовавший 30 сентября 1843 г., газета «Молодой Ирландии» занимала по этому показателю первое место – 9500 экз., оттеснив «Уикли Фримэн» и «Уикли Уодер» – 6650 и 6000 экз. За квартал до конца года тираж «Нэйшн» возрос до 10730 экз.³⁸

Во второй половине 1846 г. младоирландцы не ставили вопроса о «физической силе» как о реальном методе борьбы, но этот метод как раз и стал источником разделения. В июле 1846 г. «Молодая Ирландия» вышла из рипилеровской Ассоциации. Ирландский национализм вступал в новую фазу своего развития. Хотя контакты между коннеллитами и конфедератами сохранялись при обсуждении конкретных вопросов, единство было ликвидировано навсегда. Борьба между О'Коннеллом и «Молодой Ирландией» как соперничество разных подходов в трактовке национализма и столкновений по вопросам тактики движения долгое время были лишь воплощением противоречий внутри единого реформаторского направления. Однако итоги противоборства выявились в размежевании по линии «моральная» и «физическая» сила.

Расхождение в темпераменте политики – одно из серьезных различий «Старой» и «Молодой Ирландии». Дж. Беккетт полагал, что младоирландцы были типичными националистами-доктринерами романтической эры. В угоду романтизму они вольно интерпретировали историю своей страны. «Брешь между О'Коннеллом и «Молодой Ирландией» проявилась под сенью национального бедствия»³⁹. «Голод» ускорил вызревание альтернативных коннеллизму течений. Центральным лозунгом младоирландцев можно считать слова Эдварда Кинили: «Мы должны направить нашу враждебность более против системы, которая сделала нас бессильными при встрече голода, и разрушить ее, систему, которая пауперизирует и порабощает нас. Эта система – Уния»⁴⁰.

Сложившаяся в стране ситуация, вызванная «Голодом» наряду с неизменной колониальной политикой Англии, консерватизм О'Коннелла привели к тому, что в 1847 г. младоирландцы покинули слои рипилеров и создали новую организацию – Ирландскую Конфедерацию⁴¹. Желания поддержать О'Коннелла, освобожденному по оправдательному приговору, и его Ассоциацию никто не высказал.

Коннеллизм как теория и практика национального движения Ирландии представлял собой весьма четкую систему, которая хотя и меняла подходы при решении конкретных задач, обладала все же незыблемым набором аксиом. Отметим, что константами его были опора на широкое национальное движение, а также исключительный приоритет не просто «моральной силы», но вообще функционирования всех слоев в рамках, определяемыми конституцией⁴².

Национализм коннеллистского типа отличала реалистичность и отрицание идей национальной исключительности. «Столкновение между «Молодой Ирландией» и О'Коннеллом было первым неожиданным сражением ирландского национализма, основанного на демократии и добром правительстве, и национализма, сконструированном людьми литературы в мистических и культурных категориях»⁴³.

Стоит отметить, что политика О'Коннелла нередко трактуется исследователями с разных точек зрения, а критерием её становятся реализм или идеализм. Сторонники классического либерализма оценивали О'Коннелла как реалиста⁴⁴. Появление работы Ч. О'Киффа (1872 г.) было продиктовано желанием противопоставить мирный, а потому предпочтительный путь коннеллизма стихии фенианства 1860-х гг.. Политические цели преследовало и эссе У. Гладстона⁴⁵.

МакДонаг, анализируя деятельность О'Коннелла, считает его человеком идеи, мало понимавшим тактику борьбы⁴⁶. В литературе такой вывод не получил всестороннего одобрения⁴⁷.

Наиболее близок в понимании обстоятельств коннеллизма Л.Дж. МакКеффри. Окружив себя массами, готовыми на все, О'Коннелл дал им убеждение, что он может противиться попытке любого британского правительства подавить рипил⁴⁸. Неизбежное соединение индивидуальной и коллективной веры в успех затмевало трезвость анализа⁴⁹. Идеализм или реализм О'Коннелла были не внутри него, а в самой атмосфере Ирландии, в ее народе на конкретном этапе истории⁵⁰.

Большинство исследователей сходятся в том, что рипил в отличие от эмансипации, подорвал основы коннеллизма. «Эмансипация католиков сама по себе могла произойти, но О'Коннелл ее ускорил и удержал страну от междоусобной войны»⁵¹. Дж. МакКарти верно говорил, что рипил был реакцией на запоздалую эмансипацию, ожидавшуюся еще в начале века.

Между тем новорожденная Конфедерация, состоявшая из разных элементов, не могла долго жить в единстве. Вопрос о революции – вот что развело бывших рипилеров, младоирландцев и левых конфедератов. Левые конфедераты (Митчел, Мар, Лейлор) выступали за революционные социально-экономические преобразования в рамках национально-освободительной борьбы, способных создать новую Ирландию. Умеренные стремились решать исключительно национальный вопрос. Открытыми противниками «физической силы» объявили себя У. Смит О'Брайен, Дохени, П. Дж. Смайт. Лидер Конфедерации О'Брайен утверждал: «Эта Конфедерация была установлена, чтобы добиться Ирландского парламента при комбинации классов и силе мнения, развитых в конституционных операциях, и то, что не означает противоположного характера, может быть рекомендовано через их организацию»⁵².

Найти компромиссы двум течениям в Конфедерации становилось все труднее, если принять во внимание, что для осуществления своих планов руководители каждого из них искали себе позиции твердого лидерства. Стремление к нему фактически сводило на нет все попытки воссоединения. 18 января Р. О'Гормэн писал О'Брайену: «Конфедерация обречена – ее дни сочтены»⁵³.

Главным вопросом, вызывавшим дискуссии внутри конфедерации, стала проблема восстания. Хотя Даффи и его коллеги ушли от коннеллитов, они фактически проповедовали те же идеи, что и их бывшие союзники. Между тем, Митчел и его окружение все более испытывали сопротивление со стороны умеренных конфедератов, категорически не принимавших идеи «физической силы». В начале 1848 г. Митчел и сторонники революции были изгнаны из Конфедерации. Противоборство между двумя ветвями одной организации усилилось еще и потому, что в основанной Митчелом газете «Юнайтед Айришмэн» пропагандировались откровенные идеи революции, призывы к началу восстания, давались практические советы ирландцам как готовить оружие, каким образом проводить военные маневры.

Серьезным методологическим разногласием между умеренными конфедератами и левыми оставался вопрос о возможности или целесообразности сохранения каких-либо связей с Англией. Если первые аргументировали полезность таких контактов, в том числе и экономических⁵⁴, то Митчел обосновывал самодостаточность ирландской экономики, возможность использования ирландских ресурсов только ирландцами, фактически отрицал необходимость сохранения Ирландии в границах британского рыночного хозяйства⁵⁵.

Однако Февральская революция 1848 г. в Париже резко изменила ситуацию в Ирландии. И левые и правые, позабыв разногласия, начали действовать сообща. В той или иной мере они надеялись на помощь республиканской Франции. Митчел выступил с призывом к народу готовиться к вооруженному восстанию. Он заявлял, что добиться независимой республики можно только одним путем – через вооруженное восстание⁵⁶. Однако арест англичанами Митчела делал восстание летом 1848 г. нереальным. Не менее важным фактором была и неподготовленность нации к восстанию, как и то, что после ареста Митчела проблему восстания должны были решать умеренные националисты. Все попытки, предпринятые умеренно-настроенным О'Брайеном (он возглавил Конфедерацию после ареста Митчела) разжечь вооруженную борьбу среди ирландских крестьян оказались неудачны. Восстание потерпело поражение, и главной причиной этого была неготовность масс к широкому движению. С.Вудхэм-Смит привела высказывание О'Брайена о том, что сельские жители предпочитали умирать от истощения дома или добровольно ехать на чужбину, чем бороться за свою жизнь и свободу⁵⁷.

Провал попытки восстания 1848 г. имел более глубокие последствия для Ирландии и национального движения, чем просто неудача военной акции.

Предпринятое во время исключительно тяжелого периода истории, вызванного «Великим Голодом», восстание конфедератов было единственной возможностью ирландского общества сбросить британское господство.

После 1848 г. у национального движения иного пути, кроме как перехода к реформаторству и отказу от политических требований не было. Репрессии и эмиграция обезглавили революционное направление. Народ продолжил более актуальную для него борьбу с «Голодом».

«Великий Голод» привел к нескольким важнейшим итогам в национальном движении. Он подчеркнул бесперспективность коннеллизма в его рипилеровской форме. Нужды Ирландии лежали не в области политики, а в сфере экономики, но сомнительным было переустройство экономических и социальных отношений без изменений государственно-политического механизма страны.

¹ An Act for the Union of Great Britain and Ireland, 2 July 1800 (40 Geo.III, c. 67) // English Historical Documents / Ed. A. Aspinall, E. Smith. L., 1959. Vol. XI. PP. 197-203. Анализ см.: Beckett J. C. The Making. PP. 280-283; Ingram T. D. A history of the Legislative Union of Great Britain and Ireland. N.Y., 1970.

² McDowell R.D. the Irish Administration, 1801-1914. L., Toronto, 1964. P. 5.

³ Brynn Ed. Crown and Castle. Toronto, 1978. PP. 153-154.

⁴ Ibid. P. 119.

⁵ Ibid. Chapter 4.

⁶ O'Farrell P. England and Ireland since 1800. L., 1975; Macdonagh O. Ireland: The Union and its aftermath. L., 1977; Dures A. Modern Ireland. L., N.Y., 1973.

⁷ Duffy Ch. G. Young Ireland. D., 1884. P.5.

⁸ Chart D.A. Ireland from the Union to Catholic Emancipation. L., 1910.

⁹ См. например: O'Hegarty P.S. A history of Ireland under the Union, 1801-1922. L., 1952; Vaughan W.E. A history of Ireland: Ireland under the Union 1801-70. Oxford UP, 1988.

¹⁰ O'Brien G. The economic history of Ireland from the Union to the Famine. L., N.Y., 1921.

¹¹ Kee R. Ireland. A History. L., 1996. P. 66.

¹² Ibid. P. 66.

¹³ The Correspondence of Daniel O'Connell / Ed. M.R. O'Connell (далее – The Correspondence). Shannon, 1972. Vol. 1. Letter No 25.

¹⁴ The Correspondence. Vol. 1. No 178, no 1.

¹⁵ Lecky W.E.H. The Leaders of public opinion in Ireland. Vol. II. P. 56.

¹⁶ Gwynn D. Daniel O'Connell. PP. 191-193.

¹⁷ Hayley B. Irish periodicals from the Union to the union // Anglo-Irish Studies / Ed. P.J. Drudy. 1976. Vol. II. PP. 83-108.

¹⁸ The Correspondence. Vol. IV. No 1523. Подробнее о событиях политической борьбы по вопросу об эмансипации см.: Annual Register for the Year 1828. L., 1829. PP. 150ff.; Halevy E. The Liberal Awakening. L., 1949. PP. 263ff.; Eversley G.J. Peel and O'Connell. A review of the Irish policy of parliament from the age of Union to the death of Sir R. Peel (1801-1850). N.Y., L., 1970. P. 83.

¹⁹ Дебаты по биллю и итоги голосования см.: English Historical Documents...Vol. XI. PP. 283-284. Текст Акта об Эмансипации см.: Irish Historical Documents. PP. 247-249; English

Historical Documents... Vol. XI. PP. 687-689; Reynolds J. A. The catholic emancipation crisis in Ireland, 1823-1829. New Haven, 1954.

²⁰The Correspondence. Vol. IV. No 1529.

²¹Mitchel J. The last conquest of Ireland. P. 155.

²²Hansard's Parliamentary Debates. Vol. IV. Col. 652-653.

²³Parliamentary Election Results. PP. 193-194.

²⁴Борьбу и споры вокруг билля см.: O'Connell The select speeches of Daniel O'Connell M.P. Vol. 1.

²⁵Nowlan B. The politics of repeal. L., Toronto, 1965. PP. 3-5.

²⁶The Nation. 1843, March 4.

²⁷Mitchel J. The last conquest. P.9.

²⁸MacCaffrey L.J. Daniel O'Connell. P. 52.

²⁹Owens G. Hedge Schools of Politics: O'Connell's monster meetings // History Ireland. Vol. 2. Spring 1994. No 1. PP. 35-40.

³⁰The Nation. 1843, April 29.

³¹The Nation. 1843, August 26.

³²HPD. Vol. LXXI. Col.1007ff.

³³Harvey K.J. and Pry K.B. John O'Keefye and an Irish playwright within the theatrical, social and economic context of his time // Eire-Ireland. Vol. XXII. Spring 1987. No I. PP. 19-43.

³⁴Duffy Ch. G. Ibid. PP. 59-60.

³⁵Mitchel J. The last conquest. P. 84.

³⁶Duffy Ch.G. Ibid. P. 18.

³⁷Duffy Ch. G. Ibid. PP. 132-133. См. подробнее: Ryan S.J., Rev. John. The battle of Clontarf. D., 1938.

³⁸Duffy Ch. J. Young Ireland. P. 145.

³⁹Beckett J.C. The Making. PP. 333, 335.

⁴⁰Duffy Ch. G. Young Ireland. Part II. P. 151.

⁴¹The Nation. 1846, January 16.

⁴²Мак-Карти Ю. История нашего времени. Т.1. С. 160.

⁴³Там же. С. 159-160.

⁴⁵O'Keefe Ch. M. Life and times of Daniel O'Connell. D., 1872. 2 vols.

⁴⁶Gladstone W.E. Daniel O'Connell // The Nineteenth Century. 1889. Vol. XXV.

⁴⁷McDonagh O. The Emansipist. L., 1989.

⁴⁸Edwards O. W. // ILS. 7. Fall 1988. P. 47.

⁴⁸McCaffrey L.J. Daniel O'Connell. PP. X-XI.

⁴⁹Coldrey B.M. Faith and Fatherland. D., 1988.

⁵⁰Rogers J. // Eire-Ireland. Vol. XXIII. Winter 1988. No 4. P. 159.

⁵¹МакКарти Ю. Ук. Соч. Т. 1. С. 156.

⁵²Duffy Ch. G. Ibid. PP. 183, 184, 185.

⁵³United Irishman. 1848, February 12.

⁵⁴Davis R. William Smith O'Brien: Ireland 1848. D., 1989.

⁵⁵Mitchel J. Imports and Exports // The Nation. 1843, December 3; Idem. The Movement of Nationality // Ibid. 1844, August 10.

⁵⁶История Ирландии. / Отв. ред. Гольман Л.И. М., 1980. С. 200.

⁵⁷Woodham-Smith C. The Great Hunger: Ireland 1845-1849. L., N.Y., 1962. PP.356-357.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.П. ИГНАТЬЕВА В КИТАЕ В 1859-60 гг.

Отношения России с Китаем за последние три века претерпели много изменений: менялись различные геополитические приоритеты, чередовались всевозможные линии и курсы внешней политики, а вместе с ними возникали нюансы в деятельности представителей министерств иностранных дел двух держав. Неизменным, пожалуй, оставался один вопрос, звучащий на дипломатическом языке, как уточнение границ.

С момента подписания первого договора между вышеупомянутыми державами в Нерчинске в 1689 году и вплоть до второй половины XX века приграничные аспекты взаимоотношений двух соседей звучали всё чаще и отчётливее, показывая те краеугольные камни, которые дипломаты пытались скрыть за формулировками трактатов.

Одним из наиболее удачных и для России, и для Китая дипломатических соглашений на высшем уровне было заключение в 1860 году Пекинского договора, который урегулировал ряд спорных вопросов двусторонних отношений.¹ А главным действующим лицом в этом успешном мероприятии был начинающий инициативный политик и дипломат Николай Павлович Игнатъев – человек в высшей степени находчивый и со способностями к риску.²

Фигура Н.П. Игнатъева является одной из основных в дипломатической истории Российской империи времени канцлерства А.М. Горчакова. Но, к сожалению, его деятельность, взгляды и планы не получили должного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. А тот объём трудов, в которых он хотя бы упоминается, не говоря уже об анализе его работы, проделанной на том или ином этапе службы в МИД, явно не соответствует тому, чего добился этот человек для своей родины. Данная статья – попытка восполнить этот недостаток информации.

Основным источником в освещаемой проблематике статьи является «Отчётная записка, поданная в Азиатский департамент в январе 1861 года генерал-адъютантом Н.П. Игнатъевым, о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 году».³ Такой выбор был сделан автором после работы с документами «Китайского стола» Архива внешней политики Российской империи. Хотя по отношению к данным источникам «Записка...» вторична (поскольку составлена в 1861 году, а издана и вовсе в 1895 году), но по содержательной базе ничуть не уступает им, а по комментариям ко всем действиям, предпринятым российской миссией в Китае, практически не имеет себе равных. Стоит отметить ещё две немаловажные детали данного источника: во-первых, хоть «Записка...» и составлена самим Игнатъевым, но фактически лишена оценочных сентенций со стороны её подателя, что говорит об отсутствии в ней субъективистских оттенков, характерных для мемуаров и дневников. Во-вторых, все события изложены в единой хронологической канве с использованием (где автор считал возможным и нужным) описатель-

ных элементов художественного жанра, что адресует «Записку...» широкому кругу российской общественности.

Неким историко-литературным симбиозом можно охарактеризовать работу морского офицера царской армии А.Буксгевдена.⁴ В этой работе хочется обратить внимание на две немаловажные детали. Первая – то, что она посвящается непосредственно Н.П.Игнатьеву, тем самым являясь чуть ли не единственной из дореволюционных работ исследовательского плана о Николае Павловиче. Вторая – то, что издана она была в Порт-Артуре в 1902 году во время нарастания противоречий между Россией и Японией, в том числе и по ряду китайских территорий. Естественно, для повышения интереса и расширения кругозора обывателей по этому вопросу нужны были аналитические работы о данном регионе с положительным акцентом роли России и её некоторых деятелей.

Вышеупомянутый труд был призван заполнить этот информационный вакуум, о чём косвенно указывает в предисловии и сам автор.⁵ Недостатками «Русского Китая...» как раз и являются его заказной характер, а также полное отсутствие ссылок на используемые документы и описываемые события, что делает его более близким к жанру эссе, нежели научного исследования. Хотя для историков, плотно занимающихся международными отношениями на Дальнем Востоке, события, описанные в книге, не могут показаться вымышленными или субъективно отобранными.

Для более яркой иллюстрации событий 1859-60 годов автором были также использованы ряд работ как отечественных, так и зарубежных исследователей, освещающих деятельность Игнатьева и ход событий в Китае и России.

Что касается назначения Игнатьева во главе очередной миссии в Китай (предыдущая – В.А.Перовского – была провалена)⁶, то сложно дать однозначную оценку выбора императора. Ведь именно царь при первом же представлении ему Игнатьева произвёл того в генерал-майоры с зачислением в свиту и сообщил о назначении в Китай.⁷ С одной стороны, это говорит об огромном, но не бесконечном, кредите доверия Александра II к Игнатьеву, поскольку, поставив 27-летнего сотрудника МИД на такую серьёзную должность, царь как бы косвенно нёс всю полноту ответственности за ход и результаты весьма важной миссии. Но, с другой стороны, за дело брался не обычный придворный щёголь, а подающий надежды дипломат. Причём оправдал их (надежды) успешной практикой на должности военного агента в Лондоне в 1856-59 годах и во главе разведывательной дипломатической миссии в Хиву и Бухару в 1858 году, результаты которой были высоко оценены в Санкт-Петербурге.⁸ Всё это говорит о том, что назначение Н.П.Игнатьева не было опрометчивым и непродуманным шагом, что впоследствии подтвердил своими успехами и сам Николай Павлович.

Сразу же стоит отметить причины, вследствие которых Россия в то время развила особенно активную внешнюю политику в Азии и на Дальнем Востоке.⁹ Во-первых, к этому «располагала» обстановка в самом Китае – «опиумные войны» не вносили стабильности не только во внутренние дела «Поднебесной», но и в её взаимоотношения с державами на международной арене. Ни одно государство не будет ощущать себя спокойным, если в сопредельной с ним стране ведутся боевые действия, в которых, к тому же, принимают непосредственное участие иностранные войска. Во-вторых, хотя в 1858 году в ходе «опиумной войны» Россия и заключила в Айгуне и Тяньцзине договор и соглашение соответственно о новой приграничной линии и правах русской торговли, китайское правительство отнюдь не спешило с их ратификацией, что не предавало русско-китайским отношениям устойчивости и стабильности. В-третьих, по итогам Крымской войны России было запрещено иметь военный флот на Чёрном море, поэтому она по-новому взглянула на далёкое Тихоокеанское побережье. По словам командующего английскими войсками в Китае лорда Эльгина, Англия ничего не выиграла от уничтожения в Крымскую кампанию безвредного парусного черноморского флота, но, наоборот, нажила себе, благодаря этому, в будущем немалые хлопоты, заставив Россию обратить внимание на увеличение парового флота и на содержание эскадры не в Чёрном море, а в более опасном для Англии месте – в Тихом океане.¹⁰ Не случайно Россия требовала от Китая ратификации Айгунского договора, одним из главных моментов которого было закрытие доступа английским, французским и американским судам в Амур.

Игнатъев, изучив подробные досье каждого офицера, которые поступали к нему в полное подчинение и, ознакомившись с первостепенными и дополнительными целями миссии¹¹ (о них речь пойдёт ниже), 6 марта 1859 года выехал из Петербурга в Иркутск и прибыл туда уже к 4 апреля.¹² Это было достаточно быстро по тем временам – поспешность объяснялась желанием Игнатъева застать в Иркутске генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьёва, чтобы на месте обсудить с ним возможное развитие событий в Китае. Одновременно канцлер Горчаков заверял в письмах Муравьёва, что у Игнатъева не должно возникнуть никаких затруднений с китайским правительством, поскольку тот будет действовать в рамках ранее заключённых договоров и соглашений.¹³

Однако на самом деле всё оказалось не так просто. Договорившись с Муравьёвым постоянно информировать друг друга, Игнатъев отправился непосредственно в Китай. Но китайское правительство выразило удивление по поводу неожиданного и совершенно бесполезного, на их взгляд, прибытия нового русского посланника.¹⁴ Как результат – Игнатъеву нигде не было устроено ни одной официальной встречи и всё внимание китайского правительства ограничилось присылкой двух чиновников для сопровождения до Пекина, что делалось даже для простых курьеров.¹⁵ Как видно, начало миссии не

предвещало Николаю Павловичу ничего хорошего. Но, чтобы быть объективным, стоит отметить, что такие действия Китая, по крайней мере, были предсказуемы и, пожалуй, даже оправданы. Во-первых, в стране шла гражданская война и набирала обороты европейская интервенция Великобритании и Франции, поэтому Китаю явно было не до пышных церемоний. Во-вторых, не собираясь приводить в исполнение заключённые ранее договоры с Россией, китайское правительство могло бы без труда угадать цель миссии Игнатьева, поэтому стремилось бы, со своей стороны, всячески затянуть решение этих вопросов, в том числе и показным безразличием на начальном этапе.

Если Китай мог только предполагать истинные цели и намерения российской миссии, то Игнатьев ими располагал и стремился чётко придерживаться. Вот наиболее важные из них:

- 1) принять хотя бы косвенное участие в развязке Китайского вопроса;
- 2) приобрести личное доверие англичан и французов, сделаться для союзников необходимым советником и, вместе с тем, стараться, сколь возможно, умножить причины разногласия между французами и англичанами;¹⁶
- 3) «отклонить внимание англичан от неоконченных с Китаем наших дел и поставить их в невозможность вмешаться хотя бы косвенным образом при заключении мира»;¹⁷
- 4) свести на нет недоверие Китая к России.

Также Николай Павлович получил от военного министра Ф.В.Ридигера поручение, в котором тот просил при возможности наладить военное сотрудничество с Китаем в фортификационном деле, вооружении и тактике армии.¹⁸

Но на данном этапе и речи не было о каком-либо военном сотрудничестве. Игнатьев с огромными сложностями и великим мужеством пробирался к Пекину по прифронтовым территориям. Создавалось впечатление некой внешней изолированности миссии от происходящего вокруг неё: ни одна из сторон не шла на контакт, но и никто не причинял никаких неудобств. Но всё координально поменялось, стоило Игнатьеву сменить способ продвижения, воспользовавшись кораблями русской эскадры. Фрегат, на котором находился российский посланник, был подвергнут бомбардировке китайской береговой артиллерией. Правда, позже они извинились, объяснив это тем, что якобы спутали флаги. Чтобы впредь такие инциденты не повторялись, Игнатьев направи́л китайскому правительству рисунки русского, английского, французского и американского флагов во избежание недоразумений.¹⁹

Но чувствовать себя в полной безопасности Николай Павлович уже не мог. Написав Муравьеву об инциденте, он получил ответ, в котором тот указывал, что «в настоящее время мы недостаточно ещё сильны, чтобы действовать в здешних морях самостоятельно».²⁰ Он советовал сблизиться с США,

так как считал, что это «менее опасно, чем союз с какой-либо другой державой, и <...> англичане будут его бояться».²¹

Игнатъев в точности исполнил предписание Муравьева, и это в значительной мере подняло авторитет российской миссии в глазах англо-французского командования. Более того, узнав, что американцы обдумывали плюсы и минусы своего возможного военного участия в уже идущей интервенции, Игнатъев сумел убедить их в нецелесообразности активного вмешательства в ход военных действий, добившись заверений от американской стороны, что до окончания войны в Китае США будут занимать нейтральную позицию. Всё это было на руку не только Игнатъеву и России, которую он представлял в Китае, но и самому Китаю, который Николай Павлович обезопасил от очередного военного вторжения. Таким образом, Игнатъев показал себя не только в качестве посланника одной страны, но и умелым посредником в конфликте других держав.

Выбор США в качестве союзника в данных обстоятельствах можно считать удачным и абсолютно правильным. Во-первых, это было выгодно в геополитическом масштабе – интересы Франции и, в первую очередь, Великобритании и США в дальневосточном регионе достаточно чётко пересекались и имели явно больше отрицательных моментов, нежели положительных ввиду возрастающей многосторонней конкуренции. Во-вторых, американский флот к тому времени уже представлял угрозу мировой гегемонии Великобритании, что было на руку России, особенно в данной ситуации на Дальнем Востоке, когда только начиналась эра русского парового флота. Если же посмотреть на новоявленный союз двух держав более глобально, то можно прийти к выводу, что именно там и именно в то время зарождались, основываясь на взаимных интересах, партнёрские отношения Российской империи и США. Поэтому посылка Россией уже в 1863 году военных экспедиций контр-адмиралов С.Лесовского и А.Попова к берегам Америки в поддержку северян в идущей Гражданской войне (южан поддерживала как раз Великобритания) не выглядит одиозной политической демонстрацией силы, но являлась заявлением о русско-американском единстве.

Перебравшись на время на более безопасный американский фрегат, Игнатъев продолжил добиваться встречи с китайскими представителями правящей верхушки, посылая запросы о встрече и предлагая себя в качестве посредника в продолжавшемся конфликте между двумя европейскими державами и Китаем. Однако все его усилия и просьбы игнорировались. В таких условиях желательно было добиться личной встречи с китайскими уполномоченными, но это оказалось достаточно сложновыполнимым мероприятием. Дело в том, что войска союзников теснили китайцев на всех фронтах и направлениях, линия фронта быстро менялась. Для начала нужно было пробиться в город Тяньцзинь, находившийся к тому времени в руках китайцев, но к которому упорно продвигались англо-французские войска. Игнатъев ре-

шился на достаточно авантюрный, на первый взгляд, поступок: пробираться в Тяньцзин на русском судне под русским же флагом. Он мог бы это сделать, к примеру, и под американским штандартом, который в Китае хорошо знали и уважали, наверное, более других. К тому же, это гарантировало отсутствие всякого рода провокаций со стороны союзников. Но престиж России после навязанных Китаю (пусть и до сих пор нератифицированных им) последних договоров и неудачной предыдущей миссии был явно не на должном уровне. Поднимать же его, прячась под чужим флагом, было бы унижением самих себя не только в глазах Китая, но и тех же американцев или Великобритании. В таком случае нужна была сильная воля и нестандартное мышление. Игнатъев, как мощная творческая личность,²² обладал этим сполна. Ему удалось пробраться в Тяньцзин через расположение китайских войск, сосредоточенных по реке Пей-хо для встречи англо-французского десанта.²³ По словам самого Игнатъева, англичане с завистью смотрели на флаг русского посланника, развивающийся в Тяньцзине на русском военном судне.²⁴ Более того, сама миссия в частности и Россия в целом приобрели равные с союзниками права без издержек и военных действий. Причём, как отмечал в «Записке...» Николай Павлович, в глазах китайцев «мы несколько не проиграли, а скорее выиграли».²⁵ Это, что вполне естественно, не могло понравиться англичанам. Но единственное, что они смогли сделать в таком случае, так это распустить слухи, что русский посланник пробрался в Тяньцзин тайно в сумерках на лодке, хотя было общеизвестно, что Игнатъев прибыл на пароходе.²⁶

По прибытии в Тяньцзин Игнатъеву уже подготовили приём, но отнюдь не радушный. Ему было высказано возмущение участвовавшими приграничными инцидентами с Россией, в которых зачинщиком и провокатором как раз выступала российская сторона. Игнатъев, выразив недоумение, послал соответствующий запрос Муравьёву. Ответ не замедлил себя ждать. Из него следовало, что все инциденты действительно имели место и более того, проходили с санкции самого генерал-губернатора. Не обращая никакого внимания на нежелание китайцев признавать Айгунский договор, Муравьёв настойчиво проводил его в исполнение: «Всех чиновников и китайские караулы я теперь же велю прогнать с правого берега Уссури на левый, - писал он Игнатъеву, - упорствующих же велю взять и доставить в город Айгун силой».²⁷ Трудно дать оценку таким действиям. Возможно, совершая их, Муравьёв думал не только о престиже России, но и, в некотором роде, о собственном самодулии, поскольку он был уполномоченным российской стороны при заключении Айгунского договора. Также стоит отметить, что, поступая по собственной воле и инициативе, Муравьёв мог просто навредить миссии в Китае, так как именно её члены несли всю полноту ответственности за всё, что происходило в России. Таким образом, цели миссии могли быть снова недостижнуты, а договор – снова нератифицирован. Поэтому Николай Павлович решил взять инициативу в свои руки. По его запросу из Санкт-Петербурга прислали

10 копий на русском и французском языках Тяньцзинского трактата, который также до сих пор не был приведён в исполнение.²⁸ По этому соглашению Россия уравнивалась в дипломатическом отношении с другими европейскими державами, а также получала право сухопутной и морской торговли с Китаем. Смысл же пересмотра Нерченского договора и замены его Айгунским заключался в следующем. Хинганский хребет, как выяснилось, на востоке от реки Горбицы разветвляется на 2 отрога, из которых один идёт на север к Охотскому морю, а другой, главнейший, поворачивает на юг, пересекает Амур выше соединения с рекой Сунгари и направляется по Сень-Синской области.²⁹ В этом случае Россия и Китай проводили как бы двойную границу, причём каждая из стран по разным отрогам, чтобы оставить у себя большую часть земли. Формально же граница проходила по Хинганскому хребту. К тому же становилась очевидной ещё одна немаловажная деталь: если бы Уссурийский край не был также признан русским владением, то русский флот на Дальнем Востоке в течение большей части года оставался бы запертым во льдах Николаевска, и прочность русских владений была бы поколеблена.³⁰ Заключив Айгунский договор, Россия ратифицировала его в одностороннем порядке и поспешила объявить европейским странам о новых границах и приращениях в свою пользу. Китай же не спешил с ратификацией. Следовательно, новые приобретения России оказывались под вопросом и на них могли претендовать и другие державы. Правда, о непризнании новых границ Китаем знала опять же только Россия. Поэтому российский МИД более всего опасался подобного оборота вещей, который обнаружил бы, что Айгунский договор не принят ещё богдыханом и что могло дать повод морским державам вмешаться в вопрос о присоединении Россией Маньчжурских порогов.³¹ Угроза Китаю ещё раз убедила Игнатьева «в необходимости скрыть от иностранцев дело нашего разграничения с Китаем»³² и ускорить свои действия.

Остановившись на неопределённое время в Тяньцзине, Игнатьев, как глава российского посольства, снискал уважение простых китайцев. По его свидетельству, «со всех сторон приходили к нам с жалобами на грабёж и насилие союзных войск»³³, о чём у Николая Павловича имеется достаточно большой перечень совершённых преступлений.³⁴ Не сумев добиться к этому времени лояльности от китайских сановников, Игнатьев достиг, может быть, даже большего от простого народа, у которого он сам, а вместе с ним и Россия, ассоциировались со справедливостью и защитой. Таким образом, Игнатьев блестяще справился с одной из своих целей, касавшейся уничтожения недоверия китайцев к России.

Вскоре китайские войска покинули Тяньцзин, в который сразу же вошли союзники. Игнатьев продолжал оставаться в городе. К этому времени высочайшим указом Александра II было увеличено жалование всем членам миссии, а также её содержание.³⁵ Союзники же не собирались ограничиваться завоеванием Тяньцзина и готовили генеральное наступление на Пекин. В та-

кой ситуации, испытав безуспешно все возможные средства, чтобы остановить движение союзников, китайцы обратились к Игнатьеву с просьбой стать посредником между Китаем и европейцами, удержав последних в Тяньцзине.³⁶ Но, проявив выдержку и самообладание, русский посланник ответил отказом, мотивировав его тем, что практически около года занимался этим на добровольных началах и предлагал постоянно Китаю свои услуги, но всегда получал отрицательные ответы. Этим поступком Николай Павлович поднял и свой, и российский авторитет, заставив считаться с этим подобающим образом китайскую верхушку. С этого времени к Игнатьеву стали приходить письма от разного рода чиновников высокого ранга, просящих о посредничестве и отмечавших, что англичане и французы не посмеют действовать наперекор России.³⁷

В течение ещё некоторого времени Игнатьев оставался непреклонным к просьбам китайцев, но всё же согласился, так как обстоятельства не ждали – войска союзников вплотную подошли к столице Поднебесной. Но согласие Игнатьева не было безвозмездным для китайской стороны. Николай Павлович выдвинул свои условия для начала посреднической деятельности:

- 1) непосредственная просьба правителя Маньчжурской династии князя Гун Цин Вана;
- 2) полное подчинение китайского правительства в делах мирных переговоров Игнатьеву;
- 3) князь Гун должен был удовлетворить следующие требования:
 - а) признать и утвердить Айгунский договор;
 - б) согласиться на восточное и западное разграничение: на востоке – по Уссури и до Корейских пределов, а на западе – по линии постоянных китайских пикетов;³⁸
 - в) открыть сухопутную торговлю;
 - г) утвердить новые консульства в Кашгаре, Урге и Цицикаре.

Для сравнения, требования от китайской стороны, которые прислал Игнатьеву Муравьев, выглядели куда скромнее и непритязательными. Он, также как и МИД, опасался больше всего вмешательства англичан в наши дела и допускал даже возможность захвата ими приморских портов, которые хотела бы закрепить за собой Россия.³⁹ Вместе с тем, Муравьев полагал, что одного согласия китайского правительства на обладание нами этими портами вполне достаточно и совсем не беспокоился о точном проведении границы, находя, что прежний способ постепенного захвата окажется возможным и впоследствии.⁴⁰

Как можно заметить, эти два плана координально различались, причём при всей кажущейся невыполнимости, требования Игнатьева гораздо больше отвечали и целям миссии, и целям России. В предложениях Муравьева Китай

рассматривался, как второстепенная держава, а не как равноправный партнёр. Следовательно, и отношения между ним и Россией, в лучшем случае, оставались бы на прежнем уровне недомолвок и недопонимания. К тому же продолжение использования тактики постепенного выдавливания китайцев с их территорий, пусть и имевших стратегическое значение для России, не давало повода с оптимизмом смотреть в будущее и могло привести даже к кровопролитным столкновениям. Игнатьев же с первых дней пребывания своего в Китае старался доказать, что собственно Россия в переломе китайской политики нуждается не столько, как другие державы, потому что «лучшим доводом для убеждения китайцев в величии и единстве с ними России служит наше соседство и огромное протяжение нашей общей границы».⁴¹

Стоит отметить, что китайское правительство знало о русско-английском антагонизме и стремилось использовать эти противоречия в своих целях. Оно особенно нуждалось в урегулировании споров с Россией и сочло целесообразным пойти на уступки.⁴² Князь Гун согласился на обсуждение требований Игнатьева и выдвинул ответное желание, чтобы ходатайство русских в примирении с европейцами было основано на совершенной справедливости для той и другой стороны.⁴³

Не вдаваясь в подробности заключения самого договора между Китаем и союзниками, стоит отметить активную роль в консультациях и переговорах Н.П.Игнатьева, успешно завершавшего свою миссию в качестве посредника. Условия договора оказались выгодными для обеих сторон. В ответ на это Китай начал переговоры с Россией о выполнении требований Игнатьева, а лондонское и парижское правительства выразили официально свою благодарность русскому царю за услуги, которые Игнатьев оказал двум державам в достижении мира в Китае.⁴⁴

Вслед за прекращением войны в Пекине 2(14) ноября 1860 года был подписан русско-китайский договор. Главная цель – признание и подтверждение китайским правительством Айгунского договора – достигалась первой статьёй с оговоркой, что «после постановления пограничных знаков, граничная линия на веки не должна быть изменяема».⁴⁵ Основываясь же второй статьёй, «мы можем произвольно подвинуть граничную линию и овладеть входами в дефиле, ведущие в города Малой Бухарии».⁴⁶ Пятая статья возвращала права караванной торговли и свободы посещения Пекина; купцам дозволялось покупать и продавать всё по их усмотрению.⁴⁷

Таким образом, статьи вновь заключённого с Китаем договора, «содержа в себе все выгоды бывших доселе между Россией и Китаем трактатов, содержат, притом, такого рода условия, на которые китайское правительство в прежние времена ни в коем случае не согласилось бы»,⁴⁸ – отмечал Игнатьев.

Когда же о заключённом договоре с выгоднейшими для России условиями узнала лондонская пресса, то, по словам историографа Игнатьева

Д.Йоцова, «вся единодушно объявила Игнатьеву войну».⁴⁹ Это ли не свидетельство успеха миссии Николая Павловича?!

Зато в России итоги миссии Игнатьева были приняты весьма тепло и доброжелательно. «Теперь, - писал Муравьев Горчакову, - мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами, приобрели право сухопутной торговли из Кяхты и учреждения консульств в Урге и Кашгаре. Всё это без пролития русской крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника, а дружба с Китаем не только не нарушена, но и скреплена более прежнего».⁵⁰

По возвращении Игнатьева в Санкт-Петербург в начале 1861 года, он получил звание генерал-адъютанта и, по словам Д.А.Милютина (будущего военного министра), «сделался героем дня».⁵¹ Но слава и почести были заслуженными. Николай Павлович умело и, главное, уверенно справился с заданием миссии. Он проявил себя как достаточно опытный дипломат, совмещая сразу две деятельности – посланника России и посредника в конфликте Китая с Великобританией и Францией. Ведь успешного выполнения целей миссии без посреднической деятельности, возможно, не получилось бы, хотя она (деятельность) и отнимала много сил и грозила провалом всех планов, особенно в самом начале. Но Игнатьев не терял самообладания и постепенно продвигался к намеченным результатам, попутно расширяя и усиливая зону геополитических интересов России сначала за счёт американцев, а затем при помощи удачно разыгранной «китайской карты» ослабил, насколько было возможным, позиции англичан и французов в Китае, упрочив и подняв на уровень добрососедских отношений союз с последним. Зарекомендовав себя способным и перспективным дипломатом с взвешенным подходом и стратегическим мышлением, Игнатьев в том же 1861 году был назначен директором Азиатского департамента.

¹ Виноградов К.Б. Мировая политика 60-80 гг. XIX века. События и люди. – Л., 1991. – С.98.

² Sumner B.H. Russia and the Balkans. 1870-1880. – Oxford, 1937. – С.31.

³ Н.П.Игнатьевым, о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 году. – СПб., Игнатьев Н.П. Отчётная записка, поданная в Азиатский департамент в январе 1861 года генерал-адъютантом 1895 – 311с.

⁴ Буксгевден А. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. I Пекинский договор 1860 года. – Порт-Артур, 1902. – 240с.

⁵ Там же. С.5.

⁶ Там же. С.9.

⁷ Там же. С.7.

⁸ Хевролина В.М. Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П.Игнатьева // Российская дипломатия в портретах. – М., 1992. – С.240.

⁹ Robert H. Donaldson, Josef L. Noguee The Foreign Policy of Russia. Changing Systems, Enduring Interests. – London, 1988. – С.11.

- ¹⁰ Буксгевден А. Указ. соч. – С.117.
- ¹¹ АВПРИ. Фонд 143. «Китайский стол». Оп.491. Д.3033. Л.1-10.
- ¹² Буксгевден А. Указ. соч. С.8.
- ¹³ АВПРИ. Л.34.
- ¹⁴ Буксгевден А. Указ. соч. С.9.
- ¹⁵ Там же. С.12.
- ¹⁶ Игнатъев Н.П. Указ. соч. С.3.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ АВПРИ. Л.8.
- ¹⁹ Там же. Л.278-280
- ²⁰ Буксгевден А. Указ. соч. С.88.
- ²¹ Там же.
- ²² Янковъ Т. Граф Игнатиевъ, Русско-турецката война, Сан-Стефанския и Берлинския договори // Прослава на освободителната война 1877-78 г. Русско-български сборникъ. – София, 1929. – С.361.
- ²³ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Биографии. – М., 1994. – С.293.
- ²⁴ Игнатъев Н.П. Указ. соч. С.29.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Буксгевден А. Указ. соч. С.31.
- ²⁸ АВПРИ. Л.341-349.
- ²⁹ Буксгевден А. Указ. соч. С.33.
- ³⁰ Нарчницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895 гг. – М., 1956. – С.123.
- ³¹ Буксгевден А. Указ. соч. С.37.
- ³² Там же.
- ³³ Игнатъев Н.П. Указ. соч. С.183.
- ³⁴ Там же. С.183-184.
- ³⁵ АВПРИ. Д.3034. Л.191.
- ³⁶ Игнатъев Н.П. Указ. соч. С.63.
- ³⁷ Там же. С.239.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Буксгевден А. Указ. соч. С.32.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Игнатъев Н.П. Указ. соч. С.156.
- ⁴² Международные отношения на Дальнем Востоке. 1840-1949 гг. // Под ред. Е.М.Жукова. – М., 1956. – С.46.
- ⁴³ Игнатъев Н.П. Указ. соч. С.243.
- ⁴⁴ Йоцов Д. Граф Игнатиев и нашето освобождение. – София, 1939. – С.43.
- ⁴⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. // Под ред. И.В.Козьменко. – М., 1952. – С.75.
- ⁴⁶ Игнатъев Н.П. Указ. соч. С.303.
- ⁴⁷ Сборник договоров России... С.76.
- ⁴⁸ Игнатъев Н.П. Указ. соч. С.305.
- ⁴⁹ Йоцов Д. Указ. соч. С.44.
- ⁵⁰ Цит. по: История внешней политики. Вторая половина XIX века. // Под ред. В.М.Хевролиной. – М., 1997. С.143.
- ⁵¹ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала Д.А.Милютина. 1860-62 гг. – М., 1999. С.212.

ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ ЛАТЫШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Большая часть народов Восточной и Центральной Европы к 1840-м годам оказалась лишенной государственной независимости и «насильственно удерживалась в составе существующих государств».¹ Так характеризует ситуацию в Европе отечественный исследователь истории национальных движений А.С. Мыльников. Это замечание применимо и к Латвии, где к 1840-м годам возникает латышское национальное движение. При этом следует отметить, что понятие «Латвия» к тому времени еще не оформилось окончательно. Вместо «Латвии» в литературе того периода использовались другие понятия – Курляндия и Лифляндия. Понятие «Латвия» тогда имело несколько иное значение. Оно означало не территорию населенную латышами, а одну из территорий германского мира. Это понятие широко использовали балтийские немцы, обозначая его как Lettland.*

Латвия в рассматриваемый нами период представляла собой «Европу в миниатюре»,² так как ее развитие демонстрировало наличие самых разных тенденций – этнического своеобразия (в Латвии помимо латышей и немцев жили русские, поляки и евреи), плюральности экономического развития (капиталистический путь развития при сохранении значительного количества пережитков от феодальной эпохи) и разнообразие религиозных идей (ветви западного христианства, католицизм и протестантизм, соседствовали с православием и различными протестантскими сектами). Иными словами на латышских землях существовало «несколько культурных уровней».³ По терминологии известного исследователя национализма Э. Геллнэра, в Латвии на данном этапе существовало агро-письменное общество. Согласно Э. Геллнэру, оно основано на сельском хозяйстве и относительно стабильной технологии. Мировоззрение, на котором базируется такое общество, не требует активного познания и интенсивного освоения природы, а предусматривает лишь сосуществование общества, человека и природы. Для члена такого общества особо важно то место в социальной лестнице, которое он занимает.⁴

Именно в такой обстановке и делал первые шаги латышский национализм – возникало латышское освободительное национальное движение. «Национальное движение возникает не в вакууме», - подчеркивает Мирослав Хрох.⁵ Немало важно рассмотреть и внешние условия возникновения латышского национализма в Латвии. Что же представляла собой Латвия в 1800 – 1840-х годах? Каковы важнейшие вехи латышской национальной истории данного периода?

Латыши, будучи крестьянами, находились в угнетенном состоянии и очень редко попадали на страницы источников. По данной причине, доступ к их истории, в мир латышской народной культуры не прост, так сфера ее бытования – устная традиция. Она очень редко привлекала внимание немецких пасторов и фиксировалась в исключительных случаях.⁶ К тому же в распоряжении исследователей практически нет собственно латышских источников по первой четверти XIX века. «Скудость свидетельств об угнетенных классах прошлого»⁷ – так обрешивал такую источниковую ситуацию Карло Гинзбург. Описывая состояние латышского народа к началу XIX века, отечественный историк П.М. Токарев комментировал его таким образом: «не видя к себе человеческого отношения со стороны господ, латыши, естественно, огрубели и сделались лживыми и суеверными. О просвещении народа и исправлении его недостатков почти никто не заботился. Без обучения и просвещения народ дожил до XVIII века – лишь с реформацией впервые появилась у латышей письменность и были переведены на латышский язык десять заповедей».⁸

Балтийский регион уже относительно давно входил в состав Империи, однако русским в полном смысле этого слова он не являлся. Русское население было незначительно и проживало в основном в городах. Русского чиновничества было еще меньше. Влияние администрации из Санкт-Петербурга ограничивалось временными ревизиями. Русский язык практически не звучал. «Национальная культура не попала под доминирующее влияние русской, а находилось под влиянием немецкой», – пишет по данному поводу М. Хрох.⁹ Крестьянская масса и определенное количество горожан говорило на латышском языке. Между этими людьми существовали надлокальные формы массовой идентификации, которые главенствовали над формами ограниченными той или иной территорией, на которой латыши проводили большую часть жизни. Между латышами существовали и политические отношения, идеи и понятия, которые были свойственны им как узкой группе населения. В силу данных политических понятий латыши были тесно связаны с Российской Империей как государством и его отдельным институтом в форме немецкого балтийского дворянства, которое и осуществляло над ними политическую и экономическую власть.¹⁰

Определенное пробуждение крестьянства в Латвии было связано с движением гернгутеров. Первые гернгутеры появились на территории Российской Латвии в 1729 году, а в основе их религиозного учения лежали принципы «религии сердца», братской любви и взаимного подчинения. Гернгутеры пытались заботиться о религиозном и нравственном воспитании латышей, чем вызвали недовольство немецких пасторов, которые были вовсе не заинтересованы в росте латышского самосознания. Но под влиянием гернгутерской деятельности в латышской среде возрос интерес к образованию, крестьяне начали изучать грамоту, что было необходимо для чтения религиозных текстов – в первую очередь, Библии. Быстрое распространение гернгутерских

идей вызвало беспокойство немецких пасторов: «с высоты своих церковных кафедр стали пасторы проповедывать против своих соперников, настраивая слушателей против них и всячески добиваясь закрытия их молитвенных домов».¹¹

Латышские крестьяне¹² на протяжении длительного времени являлись носителями традиционного самосознания, отличительной чертой, которого, по мнению американского исследователя традиционных обществ и массовых движений Э. Хоффера, было то, что они стремились к консервации условий своего существования, так как при помощи этого пытались противостоять чувству неуверенности и ощущению опасности. Латышские крестьяне во многом еще зависели и от природы, испытывали «благоговейный страх перед внешними силами». Латышские крестьяне, как люди с традиционным крестьянским самосознанием, «стояли перед миром как перед всемогущим судьей».¹³ Такая ситуация, разумеется, не могла не способствовать возникновению в среде крестьян определенных идей. В латышском случае неуверенность и опасность, по мнению крестьянской массы, исходили именно от немцев, находившихся в более благоприятном положении по сравнению с ними.

Активизация латышского крестьянства проявилась в начале XIX века, что вылилось в Каугурское восстание 1802 года (*kauguru nemieri*).¹⁴ Советская историография рассматривала события восстания как «выдающиеся в истории классовой борьбы лифляндских крестьян».¹⁵ В восстании по разным подсчетам принимало участие от нескольких сотен до нескольких тысяч латышских крестьян. Лидеры восстания проводили свои совещания в корчме в Бесте близ Валмиеры. На подавление волнений были направлены значительные военные силы, включая артиллерию. В ходе столкновений 10 октября 1802 года крестьяне потеряли убитыми 14 человек и 8 были ранены. После этого около трех тысяч крестьян покинули место столкновения. Позднее все они разбежались по окрестным хуторам, опасаясь появления новых карательных экспедиций. Это не помешало, однако, властям провести аресты и организовать суд над лидерами восставших. В ходе суда была выявлена их значительная национальная и политическая сознательность, так как они апеллировали к опыту Французской революции.¹⁶

Другим событием, способствовавшей активизации латышей, было то, что правительство предприняло ряд шагов для регулирования положения в аграрной сфере. В 1804 году было учреждено «Положение о лифляндских крестьянах». Оно признавало крестьян крепостными, но они считались прикрепленными к земле, а не к личности помещика. Это вело к запрету продажи крестьян без земли. Активизации отдельной части латышских крестьян положение способствовало и тем, что разрешало латышам-дворохозяевам передавать свои земельные владения по наследству. В дальнейшем активизации латышских крестьян способствовали новые законы – 1817 года для Курляндской губернии и 1819 года для Лифляндской губернии. Активизации крестьян

служило то, что они, в соответствии с этими законами, признавались лично свободными. Еще к большей активизации вело и то, что ограничивалась их свобода передвижения, а земли признавались собственностью помещика.

Другим событием, повлиявшим на национальную активизацию латышей, была Отечественная война 1812 года. Часть латышей оказалась призванной в российскую армию, что объективно способствовало их политизации. В ходе войны смогли проявить себя и первые латышские объединения, возникшие еще в XVIII веке. В данном случае речь идет о братствах, которые использовали войну для укрепления своих позиций. В братстве перевозчиков числилось, например, к 1795 году 49 владельцев лодок и 48 их сыновей. Кроме братства перевозчиков существовали братства браковщиков мачт, весовщиков, трепальщиков пеньки.¹⁷ Особенно активны в ходе войны были латышские братства Риги, в частности – трепальщики пеньки. Одним из их лидеров являлся Мартинс Славе. Имело место и активизация латышского братства перевозчиков, в числе лидеров которых был и некий Селис.

Каугурское восстание не было единственным в первой половине XIX века. С 1811 по 1820 год имело место 124 волнения, а с 1821 по начало 1830-х годов – 156 волнений латышских крестьян. Более массовые волнения имели место в начале 1840-х годов. Об истоках крестьянских волнений¹⁸ В 1841 году часть латышских крестьян пыталась переселиться в Россию, что было пресечено. Для расследования ситуации в Лифляндскую губернию прибыли судьи, которые начали встречать сопротивление со стороны латышских крестьян. В имении Весалауска дошло до столкновений крестьян с судьями. Для наведения порядка в ближайшее имение Яунбебры были направлены войска, но так как в имении было немало крестьян занимавшихся уборкой картофеля, появление войск не имело никакого результата.¹⁹ Воспользовавшись этим, латышские крестьяне убили первого судью, а второй успел сбежать и скрыться в имении. Крестьяне попытались захватить имение, что привело к бегству второго судьи и отступлению войск.²⁰ В итоге, волнения были подавлены с использованием семи рот солдат и казаков. Эти события в латышской историографии известны как «яунбебрский картофельный бунт» или «kartapeļu dumpis».²¹

При этом в регионе практически не имели место политические изменения. Политическая власть была сосредоточена в органах местного немецкого самоуправления – ландтагах. Немецкие бароны, которые были и основными земельными собственниками, составляли политическую элиту региона, которая была преимущественно немецкоязычной, несмотря на то, что они проживали на территории России. Процесс обрусения практически не затронул балтийских немцев. В регионе имел место, скорее, обратный процесс – шла постепенная германизация, как латышей, так и русских, в первую очередь представителей политической элиты. Для примера упомянем известное в Латвии начала XX века семейство фон Андреянофых.²²

Что касается латышей, то они составляли большую часть населения в регионе, однако были почти бесправны. Полноправными гражданами, например, города Риги, могли быть только немцы и лютеране.²³ Латыши, русские, евреи были лишь простыми обывателями, а проявления латышской национальной активности, например, в той же Риге носили спорадический и эпизодический характер. Особенно данная ситуация была характерна для XVIII века.²⁴ Крестьяне, приезжавшие в город, не могли свободно продавать свою продукцию, что говорит об их неравноправном положении. Ситуация в Латвии не изменилась и после 1785 года, когда было введено городовое положение, призванное ослабить роль немцев в управлении. Этого, однако, не произошло. Положение латышей не улучшалось, а, скорее, наоборот ухудшалось. Это привело к тому, что в 1784 году имели место волнения латышей из-за распространения слухов о скором полном освобождении латышей.²⁵

Латышей к 1840-м годам можно рассматривать уже как в определенной мере сложившуюся общность. По мнению отечественной исследовательницы национальных движений Н.Н. Грацианской они были «локальной группой», которая имела ряд существенных признаков, а именно: наличие своего диалекта, существование специфических особенностей культуры, ярковыраженное самосознание.²⁶ Что касается М. Хроха, он в качестве особенностей латышей на раннем этапе националистического движения обозначает память об общем прошлом, плотность и интенсивность языковых и культурных связей, наличие концепции равенства всех членов данной этнической группы.²⁷

Используя терминологию того же М. Хроха, латыши – это «non-dominated ethnic group» или «недоминирующая этническая группа» - «группа, не имеющая государственности, не имеющая правящей элиты и собственной литературной традиции на родном языке».²⁸ Освобожденные без земли еще в начале XIX века, латыши, правда, в своем большинстве, были заняты в сельском хозяйстве. Шло и формирование, правда, медленное, латышского класса собственников. Экономически и культурно регион был ориентирован скорее на Западную Европу, германские земли, чем собственно на Россию – именно в этом и стоит, на мой взгляд, искать причины его особого места в экономике Российской Империи. Западный исследователь Энтони Смит считает, что группа аналогичная латышам данного этапа может быть определена как народность или индивиды «носящие определенное имя с общими мифами происхождения, историей и культурой, с привязанностью к конкретной территории и чувством солидарности».²⁹

Латыши к 1840-м годам обладали определенной идентичностью. В отношении Латвии того времени данная идентичность существовала на двух уровнях – на уровне индивидуального чувства национальной принадлежности и на уровне идентичности «коллективного целого по отношению к подобным ему другим».³⁰ В Латвии 1800 – 1840-х годов, действительно, существовало две идентичности – идентичность немецкая и идентичность латышская. При

этом немцы, будучи носителями немецкого национализма, не рассматривали латышей в качестве равных партнеров. Данный фактор лишь стимулировал развитие латышской национальной идентичности и вел к росту латышского национального самосознания.

«Любая, даже самая робкая, попытка взаимодействия в политической сфере между прибалтийскими немцами и лояльным российскому государству латышами срывалась по причине отсутствия со стороны рыцарства какой-либо готовности к этому»,³¹ - писал немецкий историк Г. фон Пистолькорс, комментируя общую ситуацию характерную для балтийского региона. При этом Лифляндия оставалось одной из наиболее развитых в экономическом плане регионов Империи – принципиальное значение настоящего аспекта признают и многие западные авторы.³² На фоне этой экономической развитости мы видим и сложный социально-этнический конфликт между латышами и немцами. Первые были социально бесправны и германизировались, вторые составляли властвующую элиту. Между этими группами, вне всякого сомнения, были не только различия культурного, этнического и языкового плана. Каждая из них, по терминологии М. Хроха, создавала свой образ врага.³³

В целом, к 1830 – 1840-м годам латыши не были ассимилированы немцами и растворены в германской среде. Немецкий язык и немецкая культура не стали для них родными. Употребление латышского (по определению М. Грушевського – «народного языка») языка никогда не прерывалось.³⁴ По данной причине, латыши смогли сохранить определенное «этнолокальное самосознание». Оно имело, скорее всего, именно языковой характер, но не национальный латвийский, так как понятие «Latvija» к тому времени еще не сложилось.³⁵ Кроме этого к 1840-м годам возникают и идеологические расхождения, что вылилось несколько позднее в столкновение двух национализмов – немецкого и латышского. Однако, по словам украинского историка Михайло Грушевського, наличие таких условий в любом регионе исключает развитие национальной культуры какой бы то ни было общности.³⁶

Когда мы приступаем к изучению истории наиболее раннего этапа латышского национального движения у нас неизбежно должен возникать один вопрос: «О каком движении идет речь и возможно ли говорить о существовании какого-либо особого латышского национализма к 1840-м годам при практически полном отсутствии у латышей национальной независимой государственности, устойчивых политических институтов и традиций, национальной истории и попыток заявить о себе как о нации?» На мой взгляд, да. Движение, развернувшееся в Латвии было не религиозным и тем более не социальным, а националистическим. В ряде случаев геллнерова теория о нации как явлении постепенно складывающимся себя не оправдывает. При изучении европейских национально выделенных территорий (негерманских, неславянских и нероманских) складывается впечатление, что в определенных регионах Европы нации существуют с периода Раннего Средневековья, если не раньше.

Иными словами, в значительной степени феномен нации не является конструированным феноменом. Этот феномен, порой, состоит в ее изначальности. Значит, примордиалистские теории не лишены смысла.

Таким образом, в Латвии к 1840-м годам уже сложился определенный и весьма специфический протонационализм. Термин национализм неуместен так как не было организованного движения, организаций и объединений, общепризнанных лидеров и теоретиков. Движение носило стихийный, религиозный характер, его лидеры были скорее религиозными мыслителями. Признаками раннего латышского протонационализма было следующее: латыши и немцы особого уважения друг к другу не питали, между ними существовало чувство взаимной отчужденности. Немцы стремились к германизации латышей, их онемечиванию. Латыши воспринимали немцев, скорее всего, как чужих. Тенденции к компромиссу и сближению во взаимных интересах между этими группами не существовало. Отличительной чертой этого раннего латышского национального движения было отсутствие национальных высших классов, пусть и утративших национальную идентичность, как это было, например, в Чехии или в Украине.³⁷

По данной причине, мы можем говорить о наличии в Латвии уже к 1840-м годам латышского национализма. Анализируя историю латышей и немцев в Российской Прибалтике на данном этапе следует принимать во внимание и различие в положении этих двух групп – социальном, политическом и экономическом. Эти различия стимулировались и еще более подчеркивались различиями этническими, что, по словам А.С. Мыльникова, составило «базовый фактор развития национального самосознания».³⁸ Латышский национализм, в свою очередь, имел две тенденции развития – пронемецкую и пророссийскую, что следует объяснять расположенностью латышей между двумя государствами, нациями и культурами, между Россией и Германией. Но две эти тенденции нуждаются в дальнейшем изучении.

¹ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII – XIX вв. СПб., 1997. С.8.

² Данный термин был использован П. Хорватом для анализа ситуации в Австро-Венгрии – см.: *Horvath P. Vývoj národnostného zlozenia a národných ideológií v Uhorsku v XVIII storočí* // *Historický časopis*. 1993. No 3. S. 455.

³ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000. С. 32.

⁴ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // *Нации и национализм*. М. 2002. С. 147.

⁵ Хрох М. Ориентация в типологии // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 9.

⁶ О данной проблеме в самом общем плане см.: *Кудрявцев О.Ф.* Карло Гинзбург и его книга «Сыр и черви» // *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина жизни одного мельника жившего в XVI веке. М. 2000. С. 5.

- ⁷ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина жизни одного мельника жившего в XVI веке. М. 2000. С. 31.
- ⁸ Токарев П.М. Краткая история латышского народа. Рига, 1915. С. 78.
- ⁹ Хрох М. Ориентация в типологии. С. 16.
- ¹⁰ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 75.
- ¹¹ Токарев П.М. Краткая история латышского народа. С. 79, 109.
- ¹² О положении латышского крестьянства в рассматриваемый период см.: *Strods H. Lauksaimniecība Latvijā pārejas periodā no feodālisma uz kapitālismu (18.gs. 80. gadi – 19.gs. 60 gadu sākumam).* R., 1972.
- ¹³ Хоффер Э. Истинноверующий. Мн., 2001. С. 23.
- ¹⁴ LPSR Mazā enciklopedija. Sej. 2. R., 1968. lpp. 54.
- ¹⁵ История Латвийской ССР. Сокращенный курс. Рига, 1971. С. 128.
- ¹⁶ *Stepermanis M. Lielās liesmas atblāzma: Latvija franču buržuaziskais revolūcijas laikā, 1789. – 1798.* R., 1971.
- ¹⁷ История Латвийской ССР / ред. К.Я. Страздинь, Я.Я. Зутис, Я.П. Красынь, А.А. Друзл. Т. 1. Рига, 1952. С. 419.
- ¹⁸ См.: *Strods H. Ludzas stāstījas zemnieku nemieru cēloņi (1832. – 1841.)* // LPSR ZA Vēstis. 1968. No 4. lpp. 3. – 18.
- ¹⁹ *Bērziņš P. Zemnieku nemieri Kauguros.* R., 1937.
- ²⁰ *Kāpostiņš A. Vidzemes zemnieku nemieri Kaugurmuižā 1802.g.* R., 1924.
- ²¹ LPSR Mazā enciklopedija. Sej. 2. R., 1968. lpp. 48.
- ²² По данной проблеме конкретных исследований практически не существует, но есть ряд теоретических работ, посвященный вопросам теории или истории Западной Европы, где имели место процессы аналогичные тем, что протекали в Латвии – см.: *Lenski G. Power and Privilege. Theory of Social Stratification.* N.Y., 1966; *Weber K. Peasants into Frenchmen.* L., 1979.
- ²³ См.: *Brambre R. Rīgas pilsētas iedzīvotāju skaita dina – mika no 1787. līdz 1860. gadam* // LPSR ZA Vēstis. 1972. No 8. lpp. 55. – 56.
- ²⁴ *Pāvulāne V. Rīgas latviešu buržuāzijas pirmo pārstāvju saimnieciskā aktivitate* // LPSR ZA Vēstis. 1971. No 1. lpp. 43. – 53.
- ²⁵ Токарев П.М. Краткая история латышского народа. С. 81 – 84.
- ²⁶ Грацианская Н.Н. Этнографические группы Моравии: к истории этнического развития. М., 1975. С. 169.
- ²⁷ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм.* М. 2002. С. 122.
- ²⁸ Хрох М. Ориентация в типологии. С. 10.
- ²⁹ *Smith A. The Ethnic Origins of Nations.* Oxford, 1986. P. 32.
- ³⁰ *Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»?* // *Нации и национализм.* М. 2002. С. 300.
- ³¹ *Pistohlkors G. von Die Weg zur Minderheit* // *Baltische Briefe.* 1982. No 11.
- ³² Хрох М. Ориентация в типологии. С. 14.
- ³³ Хрох М. Ориентация в типологии. С. 13.
- ³⁴ *Грушевский М. Иллюстрированная история украинского народа.* СПб., 1913. С. 352.
- ³⁵ *Мыльников А.С. Народы...* С. 14.
- ³⁶ *Грушевский М. Иллюстрированная история украинского народа.* СПб., 1913. С. 347.
- ³⁷ *Грушевский М. История украинского народа.* М., 2002. С. 352.
- ³⁸ *Мыльников А.С. Народы...* С. 17.

А.В. Некрасов

ФРАНКИЗМ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ: ОТ СОГЛАСИЯ ДО ОППОЗИЦИИ.

Специфика антидемократического режима генерала Ф. Франко Баамонде, установленного в Испании в результате гражданской войны 1936-1939 годов, и просуществовавшего до 1975 года, его многоукладность и происходившие в нем изменения неизменно вызывают интерес у исследователей. Среди историков и политологов почти нет разногласия относительно социальной базы режима.¹ Основным предметом дискуссии скорее является проблема соотношения основных элементов политической системы франкизма. В частности, это относится к идеологии режима.

Идеология франкизма оказалась неоднородной, как неоднородны были ее источники – политические доктрины и представления того конгломерата сил, на который опирался Франко в ходе гражданской войны.

В официальной жизни франкистской Испании заметную роль сыграла доктрина «испанской идеи» или «испанидад»², сущность которой сводилась к тому, что католицизм был и будет душой испанской нации, основным содержанием испанской истории. Согласно этой теории, Испания выполняет особую католическую миссию во всем мире, и католицизм в этой стране «дал свои наиболее высокие проявления, сохранился в наибольшей целостности на протяжении веков»³.

Франко в ходе подготовки вооруженного мятежа 16 июля 1936 года оценил преимущество подобной риторики и с самого начала гражданской войны призывал население Испании бороться «за Родину, семью и католическую веру».⁴ Став главой формирующегося нового государства, генерал Франко уже всячески старался подчеркнуть религиозные цели гражданской войны. В частности, об этом свидетельствует его фраза, сказанная французскому журналисту: «Наша война – не гражданская война... это крестовый поход... Да, наша война – война религиозная. Мы, все, кто ведет сражение, христиане или мусульмане – солдаты Бога, и мы сражаемся не против людей, а против атеизма»⁵.

Католическая церковь сыграла немаловажную роль в подготовке мятежа. Антиклерикальное законодательство Республики способствовало разжиганию ненависти в среде духовенства к установившейся власти. Религия отождествлялась с политикой правых партий (например, СЭДА). Антиреспубликанская ориентация церковной иерархии оказывала существенное влияние на большинство верующих католиков. Более того, ряд зарубежных авторов (Т. де Лара, Х. Санчес) замечают, что подрывная деятельность некоторой части духовенства выражалась в организации отрядов «Рекете» в Наварре⁶.

В свою очередь, Папа Римский Пий XI (1922 – 1939 гг.) одобрил вооруженный мятеж в Испании и посылку в помощь Франко частей итальянской армии⁷. В энцикликах 1937 года Папа Римский решительно осудил коммунизм, предал его анафеме и запретил верующим соприкасаться в какой либо степени с коммунистическими идеями⁸.

Сменивший Пия XI Римский Папа Пий XII (1939-1958 гг.) приветствовал победу антиреспубликанских сил в Испании. В речи, которую он произнес по радио 17 апреля 1939 года, Папа сказал: «С большой радостью мы обращаемся к вам, дражайшие сыны католической Испании, чтобы по-отечески поздравить вас с благословенным миром и победой...»⁹.

Заслуживает внимания вывод французского исследователя Ж. Сория¹⁰, согласно которому присоединение католической церкви к мятежу дало восставшим массовую поддержку со стороны рядового населения Испании. Поддерживая франкистскую армию, вовлекая многих своих верующих в национальное движение, содействуя обработке общественного мнения, церковь служила для каудильо моральной поддержкой, освящала его дело¹¹.

Достаточно вспомнить тот факт, что католические иерархи сразу же вступили в защиту каудильо и всего националистского лагеря после бомбардировки Герники 26 апреля 1937 года¹². В опубликованном тогда с целью успокоения бури возмущения, охватившей мировую общественность, документе под названием « Коллективное письмо испанских епископов », движение националистов объявлялось единственным средством для спасения христианства в Испании¹³.

Однако такая мощная поддержка Франко со стороны католической церкви в ходе гражданской войны 1936-1939 годов в Испании вовсе не означала, что у них совершенно не было разногласий. Необходимо упомянуть тот факт, что франкисты все же не имели однозначной поддержки со стороны католических иерархов в Риме¹⁴. Противоречия возникали по ряду вопросов. Во-первых, глубоко религиозное население Страны Басков в ходе гражданской войны заняло прореспубликанскую позицию, что повлекло за собой длительное военное противостояние басков и отрядов армии Франко¹⁵. Военные действия были столь жестоки и кровавы, что последующую сдачу армии, защищавшей Басконию, очевидец событий Ж. Сория назвал «трагедией Страны Басков»¹⁶. Во-вторых, на отношения националистов Испании и римских иерархов влияло наличие во франкистских рядах антиклерикальной фашистской Фаланги и тесное сотрудничество Франко с Гитлером. Укрепление позиций каудильо как бесспорного лидера единой партии фашистского толка парадоксальным образом ставило под угрозу его альянс с католической церковью. В этом случае наиболее достоверным и заслуживающим внимания выглядит мнение П. Престона¹⁷. Опираясь на серьезные источники, автор сделал вывод о том, что поскольку отношения с фашизмом у Ватикана были непростые, то Франко, став главой единой государственной партии на фашистской

основе, начал вести двойную игру. Перед правителями Германии и Италии он выступал как антиклерикал, а перед церковниками затушевывал свою близость к фашистам. То есть миф о Франко как о католическом крестоносце существовал с представлением о нем как о фалангистском вожде, которым он стал после унификации партий в 1937 году¹⁸.

Франко удалось держать воедино фашистскую Фалангу и церковь. Можно согласиться с утверждением С. П. Пожарской¹⁹, что Фаланге пришлось смириться с тем, что ей не была дана монополия на духовную жизнь и идейное воспитание молодого поколения. Дело в том, что министрами просвещения в правительстве Франко были исключительно карлисты-католики (П. Родригес, Х. Мартин)²⁰. Католическая церковь получила привилегии, было восстановлено церковное преподавание. И в самой Фаланге не было единства в вопросе о месте католической религии. Хотя большинство фалангистов выступали как антиклерикалы, были и те, кто противопоставлял «языческий культ отечества и расы» в немецком фашистском движении «религиозному духу католицизма»²¹. К тому же сам Франко полагал, что только католическая церковь может являться объединяющим звеном испанского общества²².

В немалой степени усилению влияния католической церкви в Испании способствовали результаты Второй мировой войны. Победа над фашизмом поставила режим Франко на грань катастрофы. Как государство, сотрудничавшее с фашистской Германией и Италией, Испания подверглась международному ostracismу²³. Сталин, Черчилль и Рузвельт, собравшись на конференции в Ялте (4-11 февраля 1945 года) осудили франкистский режим.²⁴

Чтобы выйти из международной изоляции и восстановить отношения с европейскими странами и США, в начале 50-х годов Франко пришлось осуществить радикальные перемены в политике и экономике страны²⁵. Каудильо понял, что при реализации данного плана он уже не может опираться на фалангистов. К тому же разразившаяся к концу 40-х годов холодная война превратила Испанию в глазах Соединенных Штатов Америки в одного из вернейших союзников²⁶. В подобных условиях Ватикан в лице лично Папы Пия XII, который получил прозвище «атлантический Папа»²⁷ за проводимую им политику сближения с США, первым протянул руку дружбы Испании. 27 августа 1953 года МИД Испании А. Артахо от имени Франко и госсекретарь Ватикана Д. Тардини от имени Папы Римского подписали конкордат. С одной стороны, он лишь подтвердил официально сложившийся при Франко характер отношений между церковью и государством, но с другой стороны, упрочил международные позиции режима²⁸.

Конкордат провозгласил невиданную со времен средневековья государственную протекцию церкви, открыто объявляя ее второй опорой Испании наряду с вооруженными силами²⁹. Гарантировался статус орденов и религиозных ассоциаций, обеспечивалась государственная дотация церкви, подтверждались церковные права в области образования.³⁰

Отечественный исследователь Л.В. Пономарева небезосновательно полагает, что конкордат считался делом испанского отделения организации «Католическое действие», которая возникла еще в XIX веке³¹. Члены этого движения, в частности Х. Руис Хименес (министр просвещения с 1951 по 1956 годы), входили в правительство Франко и непосредственно патронировались церковью и Ватиканом³².

«Католическое действие» представляло собой организацию социального христианства и в своей идеологии исходило из более широкого и современного воззрения на перемены в жизни испанского общества, чем традиционный католицизм. Оно ставило своей целью по мере возможности спасти то, что еще можно было спасти, или вернуть церкви ее влияние. Движение намеревалось пополнить испанский католицизм прагматизмом и практической гибкостью, полагая, что главным просчетом католицизма является его неумение по-настоящему воздействовать на формирование общественного мнения в стране³³.

После заключения конкордата движение социальных католиков достигло своего наивысшего влияния в государственных структурах Испании³⁴. Однако попытки «Католического действия» в 1956 году изменить цензуру печати и сделать более либеральным высшее образование повлекли за собой противоречия в университетской среде и студенческие митинги. Следствием стала очередная реорганизация правительства Испании, и позиции социальных католиков в нем были сильно ослаблены³⁵.

Февральский кризис 1956 года и отставка католических министров оказали большое влияние на движение «Католического действия», вызвав в нем размежевания на течения и усилив оппозиционные веяния среди католической молодежи. 1956-1957 годы стали временем возникновения в Испании разнообразных оппозиционных групп, не имевших легального статуса и в большинстве своем недолговечных, но эффективно способствовавших формированию общественного мнения. В испанской литературе их объединяют под общим названием «христианские демократы»³⁶. Как правило, основу этих организаций составляли радикально настроенные католические студенты и преподаватели университетов. Их лидерами стали опытные политики, которые проповедовали идеи социального католицизма еще во времена Республики: Х.М. Хиль Роблес, возвратившийся в Испанию после 20 лет эмиграции и М. Хименес Фернандес.

Основная масса программных положений христианских демократов сводилась к защите прав личности, свободе образования профсоюзов, изменению налоговой системы. Оппозиционная христианская демократия с сомнением смотрела на положение испанской церкви в структуре франкистского режима, требуя свободы вероисповедания и уважения католической религии при соблюдении свободы мысли. Позиция нового движения «Опус Деи»,

занимавшего министерские посты в правительстве Франко в 1957 году осуждалась ими с полной определенностью³⁷.

В основу деятельности «Священнического общества Святого Креста и Дела Господня» (относительно редко употребляемое полное наименование «Опус Деи») была положена идея религиозной реконкисты: возрождение религиозного сознания в обществе, где уже давно шел интенсивный процесс секуляризации. Основополагающие пункты идеологии организации опирались на простые общечеловеческие ценности: священное отношение к труду, стремление к будущему. Любопытно, что вплоть до середины 40-х годов реакция церковных иерархов и большинства верующих на принципы опусдеистов была негативной. Членов организации называли еретиками, так как они верили, что люди могут стать святыми в суете повседневной жизни³⁸.

Только в феврале 1947 года деятельности организации впервые получила одобрение Папы Пия XII. Ватиканская классификация «Опус Деи» в качестве католического мирского института указывала на специфическую направленность этой организации, поскольку опусдеисты ориентировались на то, чтобы жить в миру, сознавая себя частью гражданского общества страны.

Участие «Опус Деи» в государственном управлении позволили сконцентрировать вокруг этой организации правое католичество. Несмотря на технократический курс в экономике (ориентация на научный прогресс и большая открытость экономики), опусдеистская доктрина в целом была проникнута духом католического контрнаступления, проникновения религии во все области человеческой деятельности³⁹.

Таким образом, в испанском католицизме 40-50-х годов присутствовали разные направления. Влиятельна была традиционная линия (испанская идея, «Опус Деи»), которая преобладала в официальной жизни, иницируя свои формы осовременивания страны (технический прогресс). Испанский социальный католицизм («Католическое действие»), в свою очередь был скован в возможностях осуществления на практике своих программных положений. Как и другие католики, так или иначе нерасположенные к франкистскому режиму (христианские демократы), сторонники «Католического действия» представляли собой среду, настроенную на волну изменений, шедших из Ватикана в понтификат Папы Иоанна XXIII.

В 1959 году Папа Римский высказался о намерении созвать II Ватиканский собор с целью устранить противоречие между доктриной католицизма, церковно-иерархической структурой, традициями церкви и реальностями современного мира, чтобы церковь «показала себя способной разрешать проблемы нашего времени»⁴⁰. Другой задачей собора Папа объявил осуществление реформы Кодекса канонического права, который является своего рода конституцией католической церкви⁴¹.

Новый курс Иоанна XXIII принес с собой много доктринальных, организационных сдвигов, воодушевивших испанских оппозиционных католиков,

и в особенности демохристиан. Политика «обновленчества» привела к кардинальному пересмотру церковного права и отношений церкви и государства, провозгласив идеи независимости и автономности статуса церкви, религиозную терпимость, что было весьма важно для франкистской Испании⁴². В испанской католической среде произошел сдвиг в сторону радикализма и оппозиции правой концентрации сил вокруг «Опус Деи». К примеру, под эгидой «Католического действия» была создана организация «Рабочая католическая молодежь», которая участвовала в законодательно запрещенных стачках наряду с рабочими левых политических направлений. С началом процесса обновления церкви приобрели новое качество заявления испанских церковных иерархов по социальным проблемам, сделанные на протяжении 50-х годов. Тогда священники подняли вопрос об экономических стачках и материальном положении рабочих, предложив путем увеличения заработной платы разрядить напряженную обстановку в обществе⁴³. Теперь эти заявления вписались в линию движения к обновлению и не выглядели столь оппозиционно.

Таким образом, изменение политики католицизма стало одним из факторов активизации испанского общественного сознания в начале 60-х годов⁴⁴.

«Церковь в Испании до Второго Ватиканского собора, несмотря на имевшиеся противоречия, безусловно поддерживала режим. Собор же усилил отделение церкви от франкизма, что объясняется не простыми расчетами иерархов по обеспечению своего будущего, а новым пониманием своего присутствия в мире», - так характеризовал ситуацию в Испании иезуитский журнал «Разум и вера»⁴⁵. Ярким подтверждением вышесказанного можно считать письмо 339 баскских священников, написанное в июне 1960 года. В нем содержалась резкая критика существующего режима⁴⁶. Письмо получило распространение по всей Испании и церковным иерархам пришлось вмешаться, чтобы не допустить скандала с неприятными последствиями для самой церкви⁴⁷.

Однако то упорство, с которым франкистский режим защищал свою политическую структуру, пойдя вместе с тем на либерализацию в сфере печати, в отношении к стачкам и так далее⁴⁸, сопоставимо с таким же сочетанием сопротивления и согласия на перемены в религиозном вопросе. Так, Франко настойчиво удерживал за собой право участия в назначении испанских епископов, и в то же время согласился на законодательное подтверждение в Испании принципов религиозной свободы⁴⁹. Хотя, уступив требованиям свободы вероисповедания, Франко поступил прагматично и без особого вреда для режима. Число испанцев, не придерживавшихся католической веры в середине 60-х годов составляло только 0,1% населения страны⁵⁰.

Таким образом, «Католическое действие» и солидарные с ним демократические христиане по ряду показателей продвинулись к триумфу своего направления, победившего во всекатолическом масштабе на Втором Ватиканском соборе, а вскоре и среди массы испанских католиков. Но именно в

это время в испанской политике ведущую роль играли традиционалисты из «Опус Деи», что не позволило социальному католицизму одержать полную победу. Поэтому католики Испании не стали ведущей силой постфранкистской государственной конструкции. И все же католическое оппозиционное движение сыграло заметную роль в подготовке тех перемен, которые произошли в Испании после смерти Франко в 1975 году.

¹ Подробнее о социальных слоях, поддерживавших франкизм см.: История фашизма в Западной Европе. М., 1978.- гл. VII.; Brenan G. The Spanish Labyrinth. Cambridge, 1990.; España actual. La guerra civil. Madrid, 1989.; Payne S. Fascism in Spain. London, 1999.; www.juntadeandalucia.es/averroes/iescasasviejas/cviejas1/tema5.1.htm.

² О формировании доктрины «испанской идеи» см.: Пономарева Л.В. Испанский католицизм XX века. М., 1989., гл. I.

³ Пономарева Л.В. Указ. соч. с. 17.

⁴ Cordero M. Como surgio la idea de cruzada...// Razon Eapanola, 2002, №116, p. 302.

⁵ Полностью интервью генерала Франко см.: www.guerracivil.org.

⁶ Де Лара Т. Испанская церковь и война...// Проблемы испанской истории. М., 1971., с. 123.; Sanchez J. El carlismo en la guerra civil...// Aportes, 1995, №27, p. 44

⁷ Григулевич И.Р. Папствою Век XX. М. 1981., с. 200.

⁸ Там же, с. 217-218.

⁹ Цит. по: Григулевич И.Р. Указ. соч., с. 241.

¹⁰ Сория Ж. Война и революция в Испании 1936-1939 гг. М., 1987, Т.2., с. 160-162

¹¹ Там же, с. 171.

¹² О разрушении города Герника см.: Престон П. Франко. М., 1999., с. 189-192.; Сория Ж. Указ. соч., Т.2., с. 44-45.; Chamorro E. Francisco Franco. Anatomia de un mito. Barselona, 1998., p. 199-200.

¹³ Текст «Коллективного письма испанских епископов» см.: www.fut.es.

¹⁴ Малай В.В., Новиков М.В. Указ. статья // ННИ, 2003, №1, с. 201.

¹⁵ О военных действиях в Стране Басков см.: Сория Ж. Указ. соч., Т.2., с. 44-51.; Престон П. Указ. соч., с. 186-193.; España Actual. La guerra civil, с.XI.

¹⁶ Сория Ж. Указ. соч., Т.2., с. 44.

¹⁷ Престон П. Указ. соч., с. 211.

¹⁸ Подробнее об унификации испанских партий см.: Престон П. Указ. соч., гл. X.; История фашизма в Западной Европе, с. 317-319.; Payne S. Op. cit., p. 259-272.; Sanchez J. El carlismo en la guerra civil...// Aportes, 1995, №27, p. 47-48.; Tusell J. La unificacion // La guerra de Espana, Madrid, 1986.

¹⁹ История фашизма в Западной Европе, с. 320-321.

²⁰ Payne S. Op. cit., p. 273.

²¹ История фашизма в Западной Европе, с. 320.

²² Там же.

²³ Подробнее о международной изоляции Испании после Второй мировой войны см.: Пожарская С.П. От 18 июля 1936 – долгий путь. М., 1977.; Vilar. P. Spain. A brief history. London, 1967, с. V.; Payne S. Op. cit. с. IV.

²⁴ Подробнее об итогах Ялтинской конференции держав-победительниц см.; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, Т.3.

- ²⁵ Подробнее об изменениях в послевоенной Испании см.: Payne S. Op. cit. с. IV.; Margo A., Gil J. *Así termino la guerra civil*. Madrid, 1999, с. VI.; www.angelfire.com/extreme/genio/franco.html;
- ²⁶ Пожарская С.П. Испания и США. Внешняя политика и общество (1936-1976). М., 1982., с. 185.
- ²⁷ Григулевич И.Р. Указ. соч., с. 228.
- ²⁸ Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 153.
- ²⁹ Гонсалес А. Союз меча и кадила // Комсомольская правда в Испании 5\09\2003., с. 2.
- ³⁰ Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 154.
- ³¹ Подробнее об образовании «Католического действия» в Испании см.: Berzal de la Rosa E. *Del Nacionalcatolicismo a la lucha antifranquista. La HOAC de Castilla y Leon entre 1946 y 1975*. Valladolid, 1999, с.1.
- ³² Овсиенко Ф.Г. Дело Божье в царстве кесаря // www.religion.ng.ru/people/2004-01-21/4_europe.html.
- ³³ Berzal de la Rosa E. Op. cit., p. 86.
- ³⁴ Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 154.
- ³⁵ Подробнее о кризисе февраля 1956 года см.: Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 158- 161.; www.juntadeandalucia.es/averroes/iescasasviejas/cviejas1/histo2/tema5.1.htm.
- ³⁶ Berzal de la Rosa E. Op. cit., p. 269.
- ³⁷ Подробнее об истории возникновения организации «Опус Деи» и ее пути к власти см.: Овсиенко Ф.Г. Дело Божье в царстве кесаря // www.religion.ng.ru/people/2004-01-21/4_europe.html; Вольпова Е. Опус Деи и экономические реформы в Испании // www.espana.ru/rus/espanola/5-99/5-9.shtml.
- ³⁸ Овсиенко Ф.Г. Дело Божье в царстве кесаря // www.religion.ng.ru/people/2004-01-21/4_europe.html.
- ³⁹ Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 190.
- ⁴⁰ Григулевич И.Р. Указ. соч., с.331.
- ⁴¹ Там же, с. 313.
- ⁴² Подробнее о решениях Второго Ватиканского собора см.: Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 240-251.; Григулевич И.Р. Указ. соч., с. 331-387.
- ⁴³ Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 201.
- ⁴⁴ Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 218.
- ⁴⁵ Цит. по: Hernandez Rojo S. *El caso del convenio de los capuchinos de Bilbao...* // www.hispanianova.rediris.es/general/articulo/011/art011.htm
- ⁴⁶ Подробнее письмо Баскских священников см.: Пономарева Л.В. Указ. соч., с.225-226.; Hernandez Rojo S. *El caso del convenio de los capuchinos de Bilbao...* // www.hispanianova.rediris.es/general/articulo/011/art011.htm
- ⁴⁷ Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 226.
- ⁴⁸ Подробнее о политических изменениях в Испании 60-х годов см.: Tusell J. *La dictadura de Franco a los cien...* // *Ayer*, 1993, № 10.; Payne S. Op. cit., p. 431-460.; Пожарская С.П. Франкизм как испанская разновидность фашистской государственности // *Фашизм и антидемократические режимы в Европе*. М., Политиздат, 1981, с. 58.
- ⁴⁹ Пономарева Л.В. Указ. соч., с. 261.
- ⁵⁰ Berzal de la Rosa E. Op. cit., p. 581.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРСКИХ СВЯЗЕЙ ИЛИ ИМПЕРСКАЯ ДЕ-ЗИНТЕГРАЦИЯ: ВОПРОС О ВЫВОДЕ БРИТАНСКИХ ВОЙСК ИЗ КОЛОНИЙ В 50 – 70-х гг. XIX века.

30-50-е годы XIX века – это время поисков путей реформирования Британской империи. В их основе лежала политическая философия английского классического либерализма, которая формировалась в контексте протестантской культуры, предававшей большое значение практической выгоде.¹ Основными постулатами либералов были: «мир, реформа и сокращение расходов». Результатом реализации этих принципов явилось резкое изменение типа отношений между метрополией и колониями – самоуправление стало достоянием британских переселенческих колоний. В то же время расходы Британии на оборону империи не только не сокращались, но и постепенно росли. В 1857г. расходы на содержание армии и флота составили 23 млн. фунтов стерлингов, а к 1860г. они увеличились до 28 млн. и в 1864г. составили 25млн.² Эти расходы шли вразрез с либеральной идеей «дешевого государства».

С конца XIX века вопрос затрат на содержание имперских войск приобретает актуальность. Финансовое бремя, которое накладывала на Британию необходимость содержать войска в колониях, было постоянной темой для антиимпериалистов. Дж. Такер и Адам Смит подвергали критике империю исходя из экономических соображений, но не затрагивали отдельно вопросы, связанные с обороной империи. Такер в своей работе говорил о большом количестве преимуществ, которые получит метрополия от самостоятельности колоний. Одним из них, по его мнению, является то, что она должна быть освобождена от расходов в размере 300-400 тысяч фунтов в год на содержание административного аппарата и военных частей, расквартированных в колониях.³ Адам Смит в своем знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов», увидевшем свет в 1776г., критиковал колониальную систему как монополию вредную как для колоний, так и для метрополии, включая в стоимость колоний для Великобритании расходы на содержание имперских военно-морских сил, необходимых для соблюдения британских торговых интересов, и расходы на содержание регулярных британских войск, находящихся в колониях.⁴ Хотя он понимал, что соображения национальной гордости и престижа, а также интересы английского правящего класса не позволят Британии отказаться от непосредственной власти над колониями, он говорил, что одним из главных преимуществ, которые получила бы Англия от предоставления независимости колониям, было бы освобождение от ежегодных расходов на поддержание мира в колониях. Согласно Сми-ту, которого по праву называли отцом свободной торговли, не смотря на все попытки монополизировать торговлю с колониями, ни одна страна не могла

ещё получить от этого ничего кроме расходов на поддержание в мирное время и оборону в военное время, деспотической власти над ними.⁵

Взгляды Адама Смита не получили поддержки ни среди правительства, ни среди правящего класса Великобритании. Впрочем, как утверждал основатель классической политической экономии, это был скорее теоретический вариант решения проблемы, ибо «ни одно государство никогда добровольно не отказывалось от господства над частью своей территории».⁶

Активные теоретические искания в области реформирования имперских отношений пришлось на 30 – 50 годы XIX века. Представители манчестерской школы – наиболее радикального крыла фритредов – критиковали огромные расходы на содержание административного аппарата переселенческих колоний и расквартированных там частей регулярной британской армии.⁷ На собрании Лиги в Брэдфорде 15 февраля 1850г. Кобден заявлял: «Колонии – это первейший аргумент, который противопоставляют нам в Палате общин, когда мы требуем сокращения численного состава наших вооруженных сил. Мы, например, предлагаем распустить по домам десять тысяч человек. Тотчас г-н Фокс Моол, секретарь по военным делам, или Джон Рассел или сразу оба восклицают: «У нас больше сорока колоний, и во всех мы держим гарнизоны, а поскольку мы ещё держим необходимое число складов для снабжения этих гарнизонов ... нам невозможно сокращать армию, пока мы должны поддерживать нашу огромную колониальную империю».⁸ Манчестерцы считали, что колонии должны получить самоуправление и взять на себя расходы по обеспечению своей безопасности и охране своих границ. Это неизбежно приведет к ослаблению политических связей между метрополией и колониями, но будут поддерживаться нравственные и торговые связи, которые, по мнению Кобдена и его сторонников, прочнее, чем политические.

Колониальные реформаторы разделяли взгляды представителей манчестерской школы в отношении расходов на оборону империи. В то же время они подчёркивали связь между обороной колоний и предоставлением им самоуправления. Мольсворт, которого смерть Буллера в 1848г. сделала основным представителем колониальных реформаторов в Палате Общин, считал, что после того как Канаде было предоставлено самоуправление, колония должна сама нести бремя расходов на оборону, так как оплачивать эти расходы за счёт жителей метрополии так же абсурдно, как оплачивать расходы на оборону Соединенных Штатов.⁹ 10 апреля 1851г. Мольсворт представил две резолюции в Палате Общин, в которых доказывал, что существует прямая связь между предоставлением самоуправления колониям и перераспределением долей участия колоний и метрополии в деле обороны империи. В своей речи, которой он открыл дебаты, Мольсворт утверждал: «никакие войска не должны пребывать в колониях за счет Соединенного Королевства, если этого не требуют чисто имперские интересы, и все войска, пребывание которых необходимо самим колониям должны оплачиваться за счет колоний».¹⁰ Он объ-

яснял, что колонисты самостоятельны теперь в определении своей внутренней политики и все расходы, сопряженные с этим должны покрываться за счет бюджета колонии.

Таким образом, Мольсворт считал, что Британия должна быть, как можно скорее, освобождена от расходов на оборону колоний, не считая тех колоний, которые используются как военные базы или места высылки каторжников; а жители колоний должны получить свободу от вмешательства империи во внутренние дела колонии, которое является следствием пребывания в колониях британских войск.

В меморандуме Гладстону в марте 1851г. Уэйкфилд указал на основные результаты британского военного присутствия в колониях – невозможность осуществления реального самоуправления и тенденцию к перерастанию локальных конфликтов в открытые военные действия. Уэйкфилд считал, что события 1837г. в Канаде явились результатом присутствия здесь британских войск, он утверждал, что «тираническое правление меньшинства, которое явилось причиной восстания, поддерживалось значительным присутствием имперских военных сил». В Новой Зеландии, по мнению Уэйкфилда, «свободные институты» стали жертвой политики в отношении коренного населения, которая зависела от пребывания в колонии регулярных английских войск.¹¹

Колониальные реформаторы были убеждены, что бремя расходов на оборону колоний, которое несли жители метрополии, может стать сильным аргументом в руках сепаратистов и таким образом является постоянной угрозой сохранению целостности империи. Аддерли выразил эту точку зрения, когда в ходе дебатов сказал, что в какой-то момент возмущение британцев приведет к тому, что они «не только сбросят финансовое бремя по содержанию колоний, но и откажутся от самих колоний».¹²

Таким образом, и представители манчестерской школы, и колониальные реформаторы считали, что свобода и ответственность должны идти параллельно, но представители колониальных реформаторов полагали, что изменение системы обороны империи не ослабит имперских уз. По их мнению, колонии не осознали бы полностью сущности самоуправления, если бы не начали нести ответственность за обеспечение собственной самообороны.

Созданная в 1859г. специальная комиссия из представителей военного, колониального и финансового ведомства – Гамильтона, Годли и Эллиота для изучения проблемы, связанной с материальными затратами на нужды обороны колоний, нашла финансовое бремя очень высоким для метрополии и неадекватно низким для колоний.¹³ Эллиот, проводя параллели с колониями Древней Греции, в отчете комиссии утверждал, что «колонии всех народов, древних или современных обороняли себя самостоятельно или выплачивали свою часть расходов на оборону империи».¹⁴ Кроме того, только Канада, мыс Доброй Надежды, и одна или две колонии в Вест-Индии организовали отряды

милиции из представителей колонистов. Парламентская комиссия, назначенная в 1861г. показала, что в 1860г. расходы имперского правительства превысили 3 миллиона фунтов против 370 тысяч со стороны колоний.¹⁵ Однако этот вопрос не был решен до 1862г. когда палата общин вынесла решение о том, что самоуправляющиеся колонии должны были сами обеспечивать свои потребности в вооруженных силах; имперские войска вступают в дело лишь тогда, когда этого требуют интересы колонии в целом.

В это время в одной из получивших самоуправление колоний - Новой Зеландии, действия колонистов и губернатора приводят к началу войны с коренным населением - маори.¹⁶ Губернатор Гор Браун обратился к Британии и Австралии с просьбой направить войска для урегулирования конфликта. Роджерс, который возглавил Министерство колоний, счёл просьбу об отправке в колонию 8000 человек «абсурдной». Его симпатии были на стороне местного населения.¹⁷ Он делает из этого вывод о том, что не будет ни спокойствия для Британии, ни безопасности для маори пока британские войска не будут отозваны, заставляя колонистов полагаться на свои собственные силы и использовать «скорее мягкие и справедливые методы, чем силовые».¹⁸ Но ситуация в колонии была таковой, что отказ от отправки сюда британских военных сил вызывал много сложностей. С одной стороны правительство убеждали оставить в колонии войска для контроля над ситуацией в целях защиты местного населения, с другой – отправить дополнительные военные силы для обеспечения безопасности европейских поселенцев.

Аддерли требовал, чтобы Новая Зеландия сама несла расходы на свою оборону. Он считал, что добровольцы из числа жителей колонии смогут достичь большего успеха, чем регулярные войска, так как последние не имеют стимула для ведения действий против маори. Гладстон настаивал даже перед епископом Новой Зеландии, который был очень обеспокоен судьбой маори, что все вопросы, касающиеся военных расходов должны решать сами колонисты. Ньюкасл к тому времени как в апреле 1861г. наступило перемирие, не считал отправку дополнительных военных сил в колонию необходимой, полагая, что 6 тысяч британских солдат и офицеров вполне достаточно.¹⁹ В Лондоне полагали, что ситуация может измениться с отправкой в колонию губернатора Грея, но после получения колонией самоуправления губернатор при проведении политики вынужден был прислушиваться к мнению министров и вскоре в Министерстве колоний признали, что Британия не может контролировать политику в отношении местного населения в Новой Зеландии и в 1862г. контроль был передан в руки колониального правительства. Кроме того, теперь Корона теряла монополию на продажу земель маори.²⁰ Последствием такого решения явилось то, что численность британских гарнизонов была сокращена и Новая Зеландия должна была принять расходы на свою оборону, но Ньюкасл согласился, что войска не должны быть выведены немед-

ленно и обещал в минуту опасности предоставить столько помощи, сколько возможно.

Отказ колонистов взять на себя решение вопросов, связанных с местным населением был встречен в Британии с удивлением. Он был связан с тем, что поселенцы осознали, что это связано с большими расходами на оборону колонии. Возмущение в Лондоне вызвало также то, что во время перемирия в 1862г. Новая Зеландия всячески откладывала создание собственных сил милиции, в то время как одна из газет колонии оценивала высказывания метрополии по поводу расходов на ведение войны с маори как «крики налогоплательщиков». «Таймс» рассматривала пример Новой Зеландии как «не имеющий аналогов в колониальной истории».²¹ «Простое объяснение таково, - писала «Таймс» - что колонисты находятся в очень хорошем положении и стремятся сохранить его. Они единственные из всех людей на земле имеют привилегию вести войну за счет других людей».²² Таким образом, «Таймс» поддержала правительственную политику.

В 1863г. в колонии начался новый виток напряженности, спровоцированный действиями колониальных министров.²³ Кардуэлл отправил в Новую Зеландию резкую по тону депешу, в которой указывал на то, что британцы оказались в ложной позиции «платящей дань нации, представляющей за её собственный счет возможность колониальным министрам эффективно проводить политику, не имея права голоса при определении направления этой политики».²⁴ Решение британского правительства о выводе части войск с территории колонии сопровождалось предложением оставить некоторое количество войск строго для целей обороны, в случае если им будут выплачивать жалование в размере 40 фунтов. Правительство во главе с премьер-министром Уелдом согласилось.²⁵ Из десяти находящихся в Новой Зеландии военных соединений, пять получили инструкции в 1865г. покинуть без промедления колонию и четыре соединения должны были быть отозваны в течение 1866г., в колонии должно было остаться только один.²⁶ В Палате общин разногласия вызвал только вопрос о судьбе маори. Миллс и Кардуэлл надеялись, что вывод британских войск будет способствовать смягчению политики колониальных органов власти в отношении местного населения, в то время как Реубак и Стенли в своих прогнозах указывали на возможность истребления маори. В то же время все они соглашались в том, что колония должна вести войну своими силами.²⁷ Это была дилемма между экономической выгодой и филантропией, и победу одержали соображения экономической выгоды. К апрелю 1867г. только два полка были оставлены в Новой Зеландии.

В 1868г. новый губернатор Джордж Боуен, когда возник новый конфликт с маори, обратился с просьбой отложить вывод последнего соединения, так как опасался, что отбытие из колонии последнего красного мундира может подтолкнуть маори к более решительным действиям. В это время в Британии к власти пришло правительство Гладстона, и занявший пост мини-

стра колоний Гренвилль отказал приостановить вывод войск на основании того, что британская помощь только будет потворствовать тому, чтобы колония полагалась не на собственные силы, а на метрополию. Он решительно заявил, что Британия намерена вывести войска не позднее мая 1869г.²⁸ В ответ на это Боуен предложил оплачивать присутствие британских войск, взяв за основу предложение Кардуэлла, сделанное несколькими годами ранее. Но Гренвилль в послании от 21 мая 1869г. решительно отказал оставлять войска в Новой Зеландии, несмотря ни на какие условия. Он утверждал, что политика Британии в этом вопросе должна быть неизменной, так как её проведение будет иметь положительный результат для обеих сторон.

Новозеландский кризис вошел в новую фазу, когда 4 августа 1869г. в Вестминстер Палас Отеле в Лондоне собрались представители колонистов и бывшие жители колонии. Результатом встречи явился циркуляр, подписанный Джеймсом Йолом, Генри Севеллом и Блейном, адресованный всем англо-говорящим колониям и призывающий их собраться на конференцию в Лондоне в следующем феврале, чтобы обсудить проблемы колониальной администрации и способы усиления имперских уз, возможно путем создания федерального механизма.²⁹ «Таймс» отреагировала утверждением, что колонии уже вышли из состояния детства, и теперь пришло время становиться независимыми не только юридически, но и фактически. «Таймс» обратил внимание на идею создания федерального совета, но полагал, что это неосуществимо, так как колонии с неохотой пошли на то, чтобы оплачивать расходы на содержание своих военных сил и вряд ли согласятся внести свой вклад в содержание имперских вооруженных сил. «Таймс» высказала предположение, что данное предложение докажет невозможность имперского союза и таким образом подтолкнет колонии к независимости.³⁰ Консервативная пресса, однако, была критически настроена по отношению к правительству. «Стандарт» в последующие несколько месяцев проводил последовательную кампанию против так называемой «политики бездействия». Отстаивая точку зрения, что Британия не должна отсекал от себя колонии, в то время как другие страны расширяют свои территории и консолидируются, «Стандарт» одобрил циркуляр и рисовал возможность «Британской конфедерации, которая будет продолжать существовать, пока существует мир».³¹ В течение нескольких месяцев эти взгляды поддержали «Глоб», выражающий умеренно-консервативные взгляды, «Блэквуд» и «Квотерли Ревью».³²

Некоторые из лидеров консервативной партии начали обсуждать этот вопрос. Карнарвон, хотя и не одобрил циркуляра, считал, что Новой Зеландии нужно предоставить гарантии для получения заема. Карнарвон на страницах «Таймс» порицал «резкий недружелюбный тон» Гренвилля, который едва ли способствовал его планам о прочном имперском союзе. В начале 1870г. Карнарвон излагал эти взгляды в Парламенте.

В то же время показательно то, что сторонники и противники политики проводимой в отношении колоний правительством Гладстона были как среди консерваторов, так и среди либералов. Самими влиятельными сторонниками имперского единства среди либералов были Рассел и Грей. Рассел написал министру колоний ряд писем, в которых критиковал правительственную политику. Он выражал свои опасения, вызванные усилением французского влияния в Австралии, и считал в связи с этим необходимым оставить один полк в Новой Зеландии, если колонисты будут оплачивать его пребывание там. Он предложил создать Ассамблею представителей колоний, которая способствовала бы укреплению внутриимперских связей.

Гренвилль ответил в вежливой форме, но отнесся с пренебрежением к возможности французской угрозы и выразил сомнения относительно возможности Новой Зеландии оплачивать пребывание войск на её территории. Что касается Ассамблеи, Гренвилль отнес этот вопрос к Гладстону. Рассел не удовлетворил подобный ответ и вскоре он вынес эту тему на широкое обсуждение, опубликовав свои речи. Во введении он настаивал на том, что у Британии есть обязательство защищать колонии - обязательство, которое он брал на себя, будучи главой правительства, в случае с Новой Зеландией и Канадой в 1840г. В июне 1870г. Рассел выступил в Парламенте с предложением создать комиссию для выявления наилучших возможностей защитить империю, которую Британия была обязана сохранить. Он выражал озабоченность холодностью, которая возникла по отношению к метрополии в колониях как реакция на политику Гренвилля.³³ Грей также не скрывал своего отношения к политике, проводимой кабинетом Гладстона, и поддерживал циркуляр. Он утверждал, что Гладстон проводит не сепаратистскую политику, а политику бездействия недостойную великой нации. Сожалея, что Британия отказалась от большей части имперской власти и, сознавая, что в Парламенте преобладает мнение о необходимости сокращения расходов на оборону империи, он предложил, что колонии должны либо уступить часть властных полномочий или примириться с потерей британского покровительства.³⁴

Аргументы Грея нашли отклик среди той части консерваторов, которая считала, что если Британия не управляет колониями, то они не имеют для нее пользы, и отзвуки этого письма вскоре можно было найти на страницах «Стандарта». Реакцией «Таймс» был отказ от настойчивого требования независимости как номинально, так и фактически, и поддержка партнерских отношений с колониями, основанных на непреодолимых моральных связях. Таким образом, общественное мнение склонялось к тому, что направление политики в отношении колоний было выбрано неверно.³⁵

Несмотря на все превратности Гренвилль придерживался того же курса, оставив без внимания обращения Рассела, изложение новозеландского вопроса Генри Севеллом, циркуляр и одобрение имперских позиций на страницах «Спектейтора».³⁶ В ответ на циркуляр он высказал недовольство идеей

колониальной конференции и настаивал на том, чтобы предложения, способствующие улучшению имперских отношений поступали из обычных источников. В итоге точка зрения, которую занял Гренвилль, провалила проект созыва конференции представителей колоний.

Более серьёзной проблемой для Гренвилля был вывод последнего полка, который задержался в Новой Зеландии из-за проблем с транспортом. Боуэн и Стаффорд в августе предприняли ещё одну попытку приостановить вывод войск, но Гренвилль отказал, хотя и добавил, что это решение «ни в малейшей степени не уменьшит сердечный интерес и симпатию» британского правительства к Новой Зеландии. Но затем Лондон достигла новость о том, что легислатура Новой Зеландии почти единогласно (32 голосами против 29) приняла резолюцию, согласно которой задерживалось отбытие британских войск, оставшихся в колонии «как гарнизон и моральная поддержка» и было решено «заплатить ту сумму, которую имперское правительство могла запросить».³⁷ Если Гренвилль был раздражен отказом Новой Зеландии принять его послание от 21 мая как окончательный вариант решения этого вопроса, то он ещё больше был раздосадован, услышав «провокационные» новости, что британский генерал, возглавлявший войска в Новой Зеландии, отложил отплытие войск своим собственным приказом в нарушение «четких инструкций» британского правительства. Письмом Гренвилля от 7 октября 1869г. Губернатор колонии ставился в известность о том, что впредь колонисты могут рассчитывать только на собственные силы в войне с маори. В то же время правительству было отказано в предоставлении гарантий со стороны Британии для получения займа.³⁸

Реакция в английском обществе на это решение была бурной. «Таймс» обвинила министра колоний в действиях, влекущих за собой «национальную дезинтеграцию». В статье говорилось, что результатом подобных действий будет то, что Британия потеряет $\frac{3}{4}$ своего престижа и половину торговли.³⁹ С 24 ноября 1869г. по 5 января 1870г. правительственная оппозиция еженедельно проводила довольно многочисленные митинги, на которых звучала идея, что отношения между Англией и её колониями пришли в состояние кризиса. Эти события послужили началом «имперской паники» 1869-1871гг.

Вопрос о будущем империи стал предметом обсуждения в Британском парламенте, на страницах прессы. Обсуждались вопросы о значении колоний для Англии, о характере имперских уз, об их прочности. Высказывания сепаратистов породили в английском обществе опасения, связанные с перспективой отделения колоний. Конкретные действия либералов - вывод войск из Новой Зеландии, явились продолжением имперской политики, которая основывалась на доктрине добровольности уз, но в то же время напряженная ситуация в колонии приводила к выводу, что политика либералов ведет к дезинтеграции империи. По инициативе Гренвилля Новой Зеландии был предоставлен крупный заем в размере одного миллиона фунтов на организацию об-

пественных работ и «Спектейтор» расценил это как революцию в британской колониальной политике.⁴⁰

Таким образом, 1869-1870гг. стали поворотным моментом в отношении общественного мнения Британии к колониям: постепенно в общественном сознании колонии переставали восприниматься только как источник затруднений и финансовых затрат, но всё большее количество сторонников получали призывы к сохранению единства империи. В 1870-х годах доктрина классического либерализма утрачивала в общественном сознании значение единственной основы имперской политики.

¹ Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Державина, 1998. – С. 32.

² The Burden of Armaments. A Plea for Retrenchment. L., 1905. P.47-55.

³ Schyler R.L. The Fall of the Old Colonial System: A Study in British Free Trade. 1770 – 1870. L.; N.Y.; Toronto, 1945. P. 210-211.

⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 448-454.

⁵ Ward J. M. Colonial self-government. The British Experience. 1759 – 1856. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1976. P.214.

⁶ Грудзинский В.В. На повороте судьбы. Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX в.). Челябинск, 1996. - С.12-13.

⁷ Knorr K.E. British Colonial Theories. 1750 – 1850. Toronto, 1944. P.350-356.

⁸ Бастиа Ф. Кобден и Лига Движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2003. –с. 527-528.

⁹ Hansard's Parliamentary Debates. 3 Ser. Vol. 103. Col. 1010; Vol. 115. Col.1378.

¹⁰ Ibid. Vol. 115. Col. 1372-1373.

¹¹ Schyler R.L. Op. cit. – P. 214-215.

¹² Hansard's Parliamentary Debates. 3 Ser. Vol. 115. Col.1421.

¹³ Adderley C.B. Review of “ The Colonial Policy of Lord Russell's Administration,” by Earl Grey, 1853; and of Subsequent Colonial History. L., 1869. P.380-381.

¹⁴ Ibid. P.386.

¹⁵ Schyler R.L. Op. cit. P. 209-210.

¹⁶ Knaplund P. The British Empire. 1815 – 1939. N.Y.; L., 1941. P.212.

¹⁷ Sargison A.J. The Multi-Racial Society 1855-1860. A Vision Destroyed // Historical and political studies. 1972. - №3. – P. 18-24.

¹⁸ Stemberge S.R. Parliament the Press and the Colonies (1846-1880). N-4-L., 1982 P.158-159.

¹⁹ Ibid. P.160-161.

²⁰ Adderley C.B. Op. cit. P.147-148.

²¹ The Times. January 19 1863.

²² Ibid.

²³ Adderley C.B. Op. cit. P.148-150.

²⁴ Stemberge S.R. Op. cit. P.164-165.

²⁵ Adderley C.B. Op. cit. P.150.

²⁶ Stemberge S.R. Op. cit. P.165.

²⁷ Hansard's Parliamentary Debates. 3 Ser. Vol. 177. Col. 1481-1516.

²⁸ Rusden G. W. History of New Zealand. In 3 vol. Melbourne: Melvill, Hullen and Slade, 1895. Vol. 2. P.563-564.

²⁹ Times. August 26 1869.

³⁰ Ibid.

³¹ Standard. October 2, 13, 28 1869.

³² Stenbridge S.R. Op. cit. P.187-188.

³³ Hansard's Parliamentary Debates. 3 Ser. Vol.102.Col. 451-459.

³⁴ Times. October 26 1869.

³⁵ Times. September 10 1869.

³⁶ Spectator. Vol. 42. September 4, 18 1869. P.1034-1035, 1092-1093.

³⁷ Rusden G. W. Op. cit. Vol. 2. P.585-586.

³⁸ Дронова Н.В. Указ. соч. С. 34.

³⁹ Грудзинский В.В. Указ. соч. С.25.

⁴⁰ Schyler R.L. Op. cit. P.275.

Т.Ю. Шипорова

РАСШИРЕНИЕ НАТО И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПОРЯДКА

Развитие конструктивных и долгосрочных отношений между Россией и НАТО требует преодоления остатков взаимного недоверия – наследия эпохи "холодной войны". В то же время, за последнее десятилетие рецидивы биполярной конфронтации нередко давали о себе знать, свидетельством чему стала напряженная дипломатическая полемика между Москвой и Брюсселем в период «первой волны» расширения Североатлантического альянса (1995 – 1997). Вопрос о границах зоны ответственности НАТО вызвал многочисленные дискуссии как в самом Альянсе, так и в российской общественности. В связи с этим представляется интересным сопоставить позиции России и НАТО середины 1990-х по проблеме расширения Альянса и показать, как дискуссия вокруг данного процесса повлияла на становление нового европейского порядка.

I.

Рассматривая проблему «реформы НАТО», важно отметить, что сам термин «реформа» по-разному трактуется русско-французской («континентальной») и англо-американской традициями. В первом случае под ним понимается создание новых нормативных институтов. Во втором – изменение их концептуального содержания. Поэтому с точки зрения «континентального» подхода Североатлантический альянс находится лишь на подступе к своей реформе, в то время как в англосаксонском ракурсе он уже пережил как минимум четыре трансформации:

1. 1990 – 1991 гг. – официальный отказ НАТО от наличия военно-политических оппонентов и смещение акцента на политическую составляющую блока;

2. 1994 г. – появление новых оперативных структур кризисного реагирования, не предусмотренных Договором 1949 года¹;

3. 1999 г. – принятие на Вашингтонском саммите новой Концепции, допускающей проецирование военной мощи НАТО за пределы границ Альянса;

4. 2001 – 2003 гг. – новый крен в сторону «политизации» блока и определенного «выпаривания» его военной составляющей в связи с переходом США и Великобритании к практике «ситуативных коалиций» в Афганистане и Ираке.²

Особое место в процессе трансформации НАТО занимает, безусловно, процесс его расширения, ставший своеобразной «лакмусовой бумажкой» происходящих перемен. После падения Берлинской стены многие западные исследователи писали, что Североатлантический Альянс станет достоянием истории.³ Такой подход оценивал западный блок лишь как относительно статичную военную организацию без учета того факта, что он одновременно является и гибким форумом для политических консультаций и координации действий. Между тем, в процессе своего расширения НАТО продемонстрировало способности адаптироваться к новым условиям, возникшим после окончания холодной войны.

Истоки процесса расширения восходят к самому началу 1990-х, когда Североатлантический Альянс смог успешно преодолеть два внутренних кризиса.

Прежде всего, именно в это время были разграничены военные полномочия стран НАТО и постепенно усиливающегося Европейского Союза. В таких условиях исключительно востребованным оказался старая «формула Тиндеманса» (1975) о постепенном продвижении европейский оборонных структур под эгидой Североатлантического Альянса, поскольку она предполагала поиск европейской идентичности без ущерба для общеатлантической солидарности.⁴ Расширяя ее наработки, принятая в 1992 году Питтерсбергская Декларация предполагала развить Западноевропейский Союз (ЗЕС) в организационном направлении: расширить его полномочия для разрешения европейских проблем и кризисов в тесной кооперации с Брюсселем. Она же допускала и ассоциированное членство в ЗЕС стран Центральной и Восточной Европы. Таким образом, уже в 1992 г. возможная «европейская фронда» будущему расширению оказалась заблокированной, и с этого времени расширение трансатлантических и сугубо европейских структур происходило не вопреки, в унисон друг с другом.

Параллельно в начале 90-х организация НАТО разрешила и другую важную проблему. В июне 1992 года Совет Альянса предложил свои услуги ООН и ОБСЕ для разрешения боснийского кризиса. А начиная следующего года, созданные для общеевропейской войны военные структуры Североатлантического пакта стали выполнять не свойственные им антикризисные

функции: контроль над осуществлением эмбарго на поставки оружия в бывшую Югославию, патрулирование так называемых «бесполетных зон» над Боснией и Герцеговиной, и даже и силовое воздействие на конфликтующие стороны. На фоне этих событий расширение НАТО рассматривалось расширение блока с совершенно иной миссией, которая гораздо шире его традиционной задачи вести войну в Европе.

Почему же эти подвижки переросли в институциональное расширение? На этот вопрос различные исследователи дают различные ответы.

«Классик реализма» Г. Киссинджер видит истоки этого процесса в самом характере нового мирового порядка: по его мнению, в нем неизбежно появятся новые центры силы. Сохранение НАТО, считает он, необходимо, ибо оно представляет собой единственную институциональную связку между Европой и США. «Я убежден, - продолжает Киссинджер, - что свобода Европы зависит от того интереса, который Соединенные Штаты будут продолжать проявлять к ней».⁵ Необходимо только договориться о такой форме американского присутствия, которая не вызывал бы негативной психологической реакции европейцев. Поэтому распространение стабильных институтов Североатлантического Альянса видится ему и способом сохранить европейскую стабильность.

Иначе подходит к этой проблеме Л. Фридмен. По его мнению, исчезновение стратегического противника в лице бывшего Советского Союза усилило в США голоса о необходимости глобального подхода к вопросам безопасности.⁶ Лозунгом такого глобального видения стал провозглашенный президентом США Дж. Бушем во время войны в Персидском заливе «новый мировой порядок». И хотя этот термин можно оценивать по-разному (от стремления подчеркнуть более важную роль международных институтов до указаний на уникальность нынешней ситуации), он предполагает наличие определенной системы отсчета для новых тенденций. Как следствие, для Фридмена расширение НАТО стало лишь закономерным следствием и этапом утверждения американского лидерства.

Сопоставляя эти точки зрения, нельзя не заметить, что между ними есть одно очень важное сходство. В начале 1990-х аналитики прогнозировали четыре пути развития НАТО в изменившейся международной обстановке:

- НАТО останется военно-политической организацией с зоной действия, ограниченной евро-атлантическим пространством;
- НАТО останется военно-политической организацией, однако расширит зону действия до глобального масштаба;
- НАТО трансформируется в политико-военную организацию с зоной действия, ограниченной евро-атлантическим пространством, фактически, подобную ОБСЕ; Россия принимает активное участие в процессе принятия решений;

- НАТО трансформируется в политико-военную организацию с глобальной зоной действия.

В реальности же реализовался четвертый подход, притом, что роль США оказалась доминирующей над мнением других членов блока. И Киссинджер, и Фридмен фиксируют по сути одну и ту же тенденцию: трансформацию Североатлантического Альянса и организации обороны Западной Европы в организацию по поддержанию европейской стабильности. Другое дело, что термин «стабильность» весьма условен и целиком зависит от критериев ее понимания. Поэтому вопрос о расширении НАТО стал во многом лишь видимой частью дискуссий о том, кто и как должен обеспечивать европейскую стабильность после окончания холодной войны.

Примечательно, что истоки этого процесса восходят к так называемой «доктрине Лейка», предполагавшей распространение демократических институтов на постсоциалистическое пространство. Озвученная в сентябре 1993 г. помощником президента США по национальной безопасности А. Лейком, данная эта концепция первоначально воспринималась как поворот демократической администрации к отождествлению национальных интересов США с интересами «глобального мира», вызывая большое сочувствие в либеральных кругах Европы. Однако, как справедливо указывает Джон Голдгейр, «распространение демократии» неизбежно влекло за собой в том числе и расширение силовых структур Запада.⁷ Поэтому уже в январе 1994 года Брюссельский саммит фактически санкционирует принятие в НАТО стран Центральной и Восточной Европы: по мнению участников конференции, этот акт был всего лишь логическим развитием «лейковской» программы «Партнерство ради мира» (ПРМ).⁸

Следующий этап характеризовался практической подготовкой к расширению Альянса. Реальный старт этому процессу был дан на Брюссельском заседании Североатлантического Совета 1 декабря 1994 г., и уже через полтора года страны НАТО утвердили конкретные требования к кандидатам на вступление.⁹ Более того, именно в середине 90-х Совет североатлантического сотрудничества стал общеевропейским форумом для дискуссий о контроле над вооружениями, сотрудничестве в сфере управления кризисными ситуациями и координации мер по поддержанию мира. Эти же годы усилиями ряда американских государственных учреждений и неправительственных организаций была обеспечена ратификация Конгрессом необходимой поправки к Вашингтонскому договору.¹⁰ Все это повысило привлекательность Альянса в глазах «новичков», и летом 1997 г. на Мадридском саммите приглашение вступить в его ряды получили три новых кандидата – Польша, Чехия и Венгрия.

Параллельно расширению НАТО все чаще брало на себя новую функциональную роль, выражавшуюся в постепенном переходе от «операций по принуждению к миру» (“peace-enforcement operations”) к доктрине «гумани-

тарных интервенций» - силовых акций, осуществляемых под лозунгом защиты «прав человека». Начиная с августа 1993 года, когда при обсуждении плана «Столтенберга-Оуэна», военный комитет НАТО разработал детальный план бомбардировок сербских позиций (причем в рамках этого плана только начальный этап операции согласовывался с генеральным секретарем ООН), страны «семерки-НАТО» шаг за шагом начали проводить ревизию глобальной роли Совета Безопасности. Летом 1995 г. Брюссель провел операцию по выводу «голубых касок» из зоны боснийского конфликта, и с этого момента соглашение с ООН потеряло для НАТО первостепенный статус: Североатлантический альянс превратился в более сильного партнера, который может учитывать, а может и не учитывать мнение более слабой стороны. Окончательно же теоретическая база «гуманитарных интервенций» сформировалась весной 1998 года, когда в общественном мнении стран Запада стала утверждаться точка зрения, что косовская проблема была «забыта при выработке Дейтонских соглашений» и это должно заставить Запад изменить свою стратегию кризисного урегулирования.¹¹ Тем самым, частное решение одной балканской проблемы начало превращаться в универсальную модель разрешения подобных конфликтов, и НАТО заявило о себе как об организации, устанавливающей пределы не только внешней, но и внутренней политики европейских стран.

Эти наблюдения наводят на мысль, что, начиная с середины 90-х, речь шла не просто о механическом присоединении к блоку стран ЦВЕ, а о перспективе его «двойного расширения». Статическое расширение блока за счет приема в него новых членов дополнилось тенденцией к его расширению «динамическому»: выходу деятельности НАТО за пределы того Североатлантического региона, который был включен в сферу ответственности Альянса Вашингтонским договором 1949 года. Расширение Североатлантического Пакта можно представить и как процесс его внутренней трансформации в политическую организацию с глобальными целями. Вступление в НАТО новых государств неизбежно стало причиной пересмотра подходов Альянса к проблемам безопасности. Поэтому расширение Североатлантического Альянса было одновременно и трансформацией его концептуальных основ: в середине 90-х к границам России приближалась совершенно новая структура с еще до конца не отрефлексированными функциями в системе европейских отношений.

II.

Россия же была разочарована тем, что НАТО, по ее мнению, не желает координировать свои действия с Москвой и учитывать ее интересы при принятии решений. Особую обеспокоенность Кремля вызвали военные действия НАТО в бывшей Югославии, и Россия неоднократно высказывала сомнение относительно права НАТО проводить операции по принуждению к миру в других странах.¹² Не будет ли распространена данная модель и на

постсоветское пространство? Однозначного ответа на этот вопрос не было. А такая неопределенность способствовала росту настроений, что отечественные подразделения в Боснии и Косово не должны подчиняться приказам политических организаций, членом которых Россия не является и в которых она не влияет на выработку решений.

Москву беспокоил и тот факт, что ее оборонная промышленность вытеснялась из конкурентной борьбы за военные заказы в Европе, в том числе и в Центральной Европе. Последняя в течение долгого времени имела на вооружении системы советского производства, и теперь российская оборонная промышленность неизбежно теряла свои традиционные рынки. В ответ официальные представители НАТО пояснили, что с начала участия России в ПРМ ее оборонная промышленность может участвовать в конкурентной борьбе в Центральной Европе, но она должна адаптировать производство к стандартам Альянса, которые становятся едиными во всем регионе.¹³ Российские представители высказали определенные сомнения в отношении искренности подобных заявлений: по их мнению решение проблемы конкурентной борьбы способствовало бы более позитивному восприятию НАТО, в первую очередь среди офицерского состава российских вооруженных сил.

Кроме того, серьезным препятствием на пути развития сотрудничества между Москвой и Брюсселем стал недостаток финансирования. Из-за отсутствия средств Россия не может участвовать во многих мероприятиях Альянса. В то же время, россияне часто чувствуют, что к ним относятся не как к равным. Например, учебные программы в Центре Маршалла, школе НАТО (в школе ВГК ОВС НАТО в Европе) и военном колледже Североатлантического Союза разрабатываются исключительно только западными странами, фактически без участия представителей России. Все это так же привело к резко отрицательному отношению Москвы к расширению НАТО.

После объявления США о расширении Альянса российские военные и гражданские эксперты заговорили о том, что России необходимо не только выработать стратегию национальной безопасности и военную доктрину, но и более активно включиться в процесс формирования новой системы безопасности. В отдельных работах отмечалось, что предложенная США модель безопасности на основе расширения НАТО не отвечает интересам Москвы. «Россия, - писал, например, А.Г. Арбатов, - никогда не будет иметь равного положения ни в НАТО, ни в Европейском Союзе, во всяком случае, в обозримый период, а это значит, что Россия будет на каких-то вторых ролях, между тем как Россия – ключевой участник любой возможной системы безопасности в евроатлантической зоне».¹⁴ И такие экспертные оценки неизбежно скорректировали позицию российского руководства, которая, начиная с Московской встречи Б. Ельцина и Б. Клинтона в мае 1995 г., становилась все более жесткой.

Принципиальное значение для РФ имел также вопрос о том, является ли практика в отношении Боснии и Герцеговине чисто «локальной» моделью или же речь идет о формировании качественно новой модели обеспечения европейской стабильности. По мнению Е. Примакова, этой модели могли быть присущи такие черты как самостоятельность натовских операций, низведение ООН до статуса совещательно органа и доминирование американской позиции над мнением других членов блока.¹⁵ Такой подход, указывает он, позволил бы Вашингтону сохранить и даже укрепить свои позиции после окончания холодной войны, и в этом случае расширение НАТО привело бы к разрушению сложившейся системы договоров в сфере безопасности. В условиях резкой силовой асимметрии Россия будет вынуждена пересмотреть такие договоры как

1. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) как договор, теряющий свою силу при продвижении к границам России военной инфраструктуры НАТО¹⁶;

2. Договор СНВ-2 как соглашение, ограничивающее структуру российского ядерного потенциала¹⁷;

3. Ташкентский договор по укреплению союзнических отношений со странами СНГ в сторону увеличения его военной составляющей.¹⁸

Однако, негативное отношение России к расширению НАТО в тех условиях не означало ее отказа от диалога со странами Альянса. Цель этого диалога, по словам нового министра иностранных дел РФ Е.М. Примакова, заключалась в выработке «устраивающих всех «правил поведения» на российско-натовском поле». Наряду с неизменным для РФ курсом на укрепление СБСЕ в России активизируются поиски адекватного ответа на расширение НАТО с целью минимизации ущерба для России.

В ходе внутренней российской дискуссии о конкретных методах противодействия планам расширения Альянса на восток выдвигались самые разные точки зрения. Еще осенью 1996г. тогдашний секретарь Совета безопасности России И. Рыбкин высказал мысль о возможности вступления РФ в политические структуры НАТО, которую поддержал заместитель секретаря Совета безопасности Б. Березовский. Напротив, в принятом Государственной Думой Обращении в связи с расширением НАТО (октябрь 1996) акцент был сделан на опасность планов расширения НАТО для российской и международной безопасности. В начале 1997г. ряд депутатов нижней палаты российского парламента создали внефракционное объединение под названием «АнтиНАТО». В числе задач объединения фигурировали такие как консолидация депутатского корпуса вокруг идеи противодействия НАТО и скорейшее утверждение всех необходимых для защиты интересов и безопасности России законов, содействие ускорению интеграции, в том числе военной, максимального числа государств СНГ. И все же к концу 1996 г. официальная российская позиция заключалась в том, чтобы продолжить диалог с НАТО по всем нако-

пившимся спорным вопросам. Тем самым, был дан старт диалогу РФ-НАТО о разработке нового документа о двусторонних взаимоотношениях.

Москва выражала и готовность к сотрудничеству с НАТО и с Соединенными Штатами в противостоянии общим вызовам безопасности. Причиной этого служил во многом осознание того факта, что “ропуск НАТО и победа сторонников изоляционизма в США не открыли бы перед Россией никаких возможностей, зато создали бы массу проблем”.¹⁹ Тем самым, был дан старт к пересмотру подписанного в мае 1995 г. документа «Области широкого, углубленного диалога и сотрудничества между Россией и НАТО», который уже не соответствовал стремительно меняющейся обстановке. На смену ему пришел Основополагающий Акт Россия-НАТО, провозгласившей своей целью создать новые структуры европейской безопасности: Совместный Постоянный Совет (СПС) и связанной с ним системы взаимного представительства.

Правда, исследователи сразу же отмечали, что заседания СПС носили неорганизованный характер, и их практическая значимость была невелика. Однако, за исключением небольшого периода Косовского кризиса, в ходе которого Совет вообще не функционировал, в его рамках проходили регулярные встречи, участники которых прошли хорошую школу диалога. В «докосовский» период состоялось два заседания Совета на уровне министров иностранных дел, по одному - на уровне министров обороны и начальников генеральных штабов и несколько - на уровне послов. На них обсуждались такие важные вопросы как создание европейской архитектуры безопасности, взаимодействие в сфере миротворчества, ситуация в Боснии и Герцеговине, борьба с терроризмом, противодействие распространению ОМУ, принята программа работы Совета на год. По инициативе российской стороны создана рабочая группа по миротворчеству на уровне экспертов. Ее задачей было осмысление боснийского опыта: превентивной дипломатии, поощрения к миру и силовых операций по его поддержанию. Российская сторона обращала особое внимание на то, что последние должны проводиться только с санкции Совета Безопасности ООН, в то время как представители НАТО говорили о необходимости радикальной реформы. И эти примеры свидетельствуют о том, что потенциал для развития отношений НАТО с Россией, содержащийся в Основополагающем Акте, механизме СПС, а также СЕАП и ПРМ, далеко не исчерпан.

И все же, в 1996 – 1997 годах Москва и Брюссель постарались урегулировать прежде всего военные проблемы: продвижения инфраструктуры Альянса и Восток, неразмещения его ядерного оружия на территории новых членов блока и судьбы ДОВСЕ. В те годы говорить о качественном прорыве в отношениях Россия – НАТО было еще преждевременно. Однако именно тогда обе стороны сделали шаг к формированию такого европейского порядка, в котором на первое место выйдет не статичное разведение конфликтных ин-

тересов, а их динамичное согласование. «Для нас принципиально важно, чтобы Совет не превращался в "дискуссионный клуб", а стал эффективным форумом принятия решений в области безопасности. Только в этом случае он будет представлять для нас ценность», - писал Е.М. Примаков.²⁰ Последнее же, как показал «послесентябрьский» опыт возможно только при расширении списка общих интересов.

¹ Примаков Е.М. Годы в большой политике, М.1999.

²Подробнее см.: Богатуров А.Д. Альянс несогласных // Независимая газета, 22 ноября 2002.

³ См., например: Waltz K. Emerging Structure of International politics // International Security. 1993. Vol. 18, № 2. P. 76.

⁴ Сиджански Д. Федералистское будущее Европы. М., 1998. С. 126.

⁵ Изменение в системе международных отношений: роль Европы, М. 1995.

⁶ Изменение в системе международных отношений: роль Европы. М 1995.

⁷ Goldgeier J.M. Not Whether But When: The US. Decision to Enlarge NATO. Wash., 1999. P. 162 – 163. Рецензию на эту работу см.: Pro et contra. 2000. Т. 5, № 2. С. 151 – 154.

⁸ Базовые принципы программы ПРМ были обсуждены на заседании Североатлантического Совета на уровне министров иностранных дел в декабре 1993 года. Спустя месяц, главы государств и правительств стран НАТО пригласили присоединиться к ней все государства-партнеры по Совету Североатлантического Сотрудничества и все страны СБСЕ, желающие и способные в ней участвовать. Россия присоединилась к этой программе 22 июня 1994 г., что, по мнению А. Козырева, должно было символизировать отсутствие в новой Европе даже предпосылок для венной конфронтации.

⁹ Справочник НАТО. Брюссель, 2001. С. 597, 601 – 602.

¹⁰ Goldgeier J.M. Op. cit. 149 – 150.

¹¹ Courrier international, 12 – 18 mars 1998, № 384. P. 14.

¹² Линч. А. С. Реализм российской внешней политики // Pro et contra. 2001. Т. 6, №4. С. 136 – 170; См. также: Литературная газета, 16 марта 1994. С. 14.

¹³ Дискуссия об этом неоднократно велась на страницах журнала «Российская Федерация сегодня» в апреле – июне 1999 г. .

¹⁴ Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке, М. 2002, С.281

¹⁵ Примаков Е.М. Указ. соч С 136.

¹⁶ Шелепин М.П. Равная безопасность для стран ОБСЕ // Международная жизнь, 2000, № 2. С. 71 – 72.

¹⁷ Кривохижа В.И. Договор СНВ-2 и ядерная стабильность. М.: РИСИ, 1994.

¹⁸ Шаклеина Т.А. Указ. соч. С.285

¹⁹ Тренин Д.В. Россия и запад. Как избежать осложнений? // Международная жизнь, 1996, № 1. С. 28.

²⁰ Примаков Е.М. Указ. соч.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

АВПРИ	—
НН	— Нации и Национализм
РА	— Российская Археология
РИО	— Сборник Императорского Исторического Общества
РИСИ	—
ДД	— Донские дела. Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археографической комиссией. Кн.2-4. СПб, 1906-1913.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И НАУЧНЫХ РУКОВОДИТЕЛЯХ:

Азизова Е. Н.	- аспирантка кафедры истории России, научн. рук. д.и.н проф. М.Д. Карпачев.
Безматерных А.Е.	- аспирант кафедры археологии и истории древнего мира; науч. рук. д.и.н. проф. А.П. Медведев.
Голотвин А.Н.	- студент 4 курса; науч. рук.
Иголкин И.Ю.	- аспирант
Казмина Е.В.	- соискатель кафедры истории России; науч. рук. д.и.н. доцент В.Н. Глазьев
Калинина Е.А.	-
Кирчанов М.В.	- аспирант факультета международных отношений; кафедра международных отношений и регионоведения. науч. рук. В.А. Артёмов.
Лаптев. С.Л.	-
Моногаров Ю.Н.	- студент 4-го курса; науч. рук. д.и.н. проф. М.Д. Карпачев
Некрасов А.В.	- аспирант кафедры новой и новейшей истории стран западной Европы и Азии; науч. рук. к.и.н. В.В. Гусев
Писаревский А.П.	- студент 3 курса; научный руководитель
Попова Е.А.	- аспирантка кафедры истории Нового и новейшего времени; науч.рук. проф. д.и.н. В.В. Гусев
Толстых А.П.	- аспирант кафедры новой и новейшей истории стран западной Европы и Азии; науч. рук. проф. к.и.н. ВВ.Гусев.
Фельдшеров Р.Б.	- студент 4 курса; научный руководитель
Хатуаева П.В.	- Выпускница 2003 г. кафедры археологии и истории древнего мира;
Шипорова. Т.Ю.	-